

Енисей

№ 1
2023

Красноярский литературно-художественный
и краеведческий альманах

Енисей

№1 * Красноярский литературно-художественный
2023 и краеведческий альманах

Михаил Тарковский главный редактор

Александр Ёлтышев заместитель главного редактора

Ольга Гуляева редактор отдела прозы

Сергей Кузнечихин редактор отдела поэзии

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Александр Астраханцев прозаик, член Союза российских писателей

Леонид Бердников краевед, председатель
историко-патриотического
общества «Краевед»

Иван Булава прозаик, первый секретарь
Сибирского представительства
Союза писателей России и Белоруссии

Марина Москалюк доктор искусствоведения,
профессор кафедры культурологии
и искусствоведения ФГБОУ
«Сибирский государственный
институт искусств имени
Дмитрия Хворостовского»

Марина Панфилова поэт, член Союза писателей России

Михаил Северьянов доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории
России Гуманитарного института
ФГАОУ ВО «Сибирский
федеральный университет»

Александр Щербаков поэт и прозаик, член Союза писателей
России, заслуженный работник культуры РФ

* Красноярск
«КАСС»

ББК 84 (2 Рус = Рос)

Е 63

Альманах выходит благодаря
финансовой поддержке министерства
культуры Красноярского края.

Мнение редакции может
не совпадать с мнением авторов.

Редакция не вступает в переписку.
Тексты не рецензируются.

В оформлении обложки использованы
фрагменты картин Алексея Николаевича
Либерова (1911–2001) «Осень на Вавилова»
и «Дорога в целинный совхоз».

Адрес редакции:
г. Красноярск, пр. Мира, д. 3,
Дом искусств

Вёрстка: Олег Наумов
Корректор: Андрей Леонтьев

Подписано в печать: 30.08.2023

Тираж: 500 экз.

Формат: 70 × 100 / 16

Объём: 15,6 усл. печ. л.

Номер заказа: 2768

Отпечатано в ООО «Типография КАСС»
г. Красноярск, ул. Маерчака, д. 65, стр. 23;
т. (391) 290-22-52, 259-59-60
info@kass24.ru www.kass24.ru

© Дом искусств, 2023

ISBN 978-5-6048503-5-0

Содержание

ЮБИЛЕЙ

Александр Астраханцев

Близняшки 5

Николай Ерёмин 24

Михаил Мельниченко 31

Николай Гайдук 35

СТИХИ И ПРОЗА

Геннадий Васильев

Собаки 42

Сергей Князев 51

Игорь Герман

Практика студента Синевина 56

Екатерина Малиновская 64

Алексей Козловский

Свидание в Жиндарёвке 68

Анна Павловская 97

Ольга Гуляева

Рассказы 102

Альбина Мамаева

Новая болезнь 116

Татьяна Панова 126

Вячеслав Нескоромных

Шаманка 128

КРИТИКА

Ольга Немежикова

Повесть о счастливом детстве 143

ВЕЛИКИЕ ЗЕМЛЯКИ

Наталья Калеменова

Атаман Суриков 149

СУДЬБА

Михаил Тарковский

Талантлив по всем осям 162

ПЛОДЫ РАЗДУМИЙ

Николай Юрлов 169

Александр Силаев 177

Авторы 186

Александр Астраханцев

БЛИЗНЯШКИ

Маленькая повесть

Есть в Сибири необычайной красоты место. Правда, в Сибири таких мест полно, но то, о котором речь,— особенно красиво; расположено оно на берегу Великой Реки, текущей от южной государственной границы до Ледовитого океана, причем Река эта делит Россию ровно пополам, так что волей-неволей место это отмечено тем, что в некотором роде является её географическим центром, своего рода осью.

Многие из бывалых людей сравнивают это место по красоте со Швейцарией, но мы в Швейцарии не бывали, а потому просто возьмём и кратко его опишем.

Эта Великая Река, прорезав здесь высокую горную гряду насквозь, как пилой, оставив и обточив по-над самой водой огромные туполобые скалы, всё-таки отвоевала у каменистых склонов, кроме своего русла, ещё и узкие низинные полоски земли вдоль берегов, причём полоски эти перемежаются растущими прямо из воды утёсами. Поскольку берег Реки в этом месте обращён лицом к югу — летом здесь почти всегда тепло, солнечно и сухо; такие места любят сосны и вырастают огромными, толстоствольными, так что всё пространство вокруг, от воды до самых горных вершин, занято сосняками; они заняли собой не только крутые склоны, но и прибрежные низины, и даже высятся на вершинах утёсов, корявые и полусухие, непонятно как выросшие на голом камне, намертво впившись мускулистыми свилеватыми корнями в щели и трещины.

Что удивительней всего — природа здесь до сих пор сохранилась почти первозданной, хотя место это — всего в двадцати с небольшим километрах от окраины огромного Города, что раскинулся ниже по Реке — там, где горы широко расступились, давая место этому самому Городу. И если всё остальное пространство вокруг Города на много километров давно распаханно, заселено, застроено, разгорожено, иссечено дорогами — то здесь могучие сосняки стоят в неподвижной тишине, как, наверное, стояли четыреста лет назад, до того как сюда пришли казаки.

И первозданной природа здесь сохранилась, наверное, только потому, что по суше сюда нет хорошей дороги — лишь по Реке. Да и по Реке не так-то просто добраться: кругом скалы, мимо которых стремительно несётся вода, а между ними — крохотные бухточки,

в каждой из которых притиснуться к берегу может лишь небольшое судёнышко.

Когда-то это место соединяла с Городом единственная конная тропа с крутыми подъёмами и спусками, петляя меж каменных выступов и стволов вековых сосен, прямо по свилеватым сосновым корням. Правда, её теперь расширили, и по ней всё-таки ходят машины, но проехать до сих пор трудно. И не на любой машине. Так что дай-то Бог, чтобы почти первобытная тишина стояла здесь как можно дольше.

Уже в наше время молодые горожане, имеющие много свободного времени, с головами, распалёнными чтением «околонаучной» фантастики, всевозможной современной мифологии и прочей околонаучной же литературы (отчего их головы наполняются невообразимой кашей из обрывков научных теорий, непроверенных артефактов, древних легенд, книг всевозможных магов, экстрасенсов, новоявленных адептов и практиков всевозможных сомнительных теорий и новейших верований), да при этом — ещё и любознательные, страстно влюблённые в свой край, успевшие облазить все окрестные леса, горы, скалы и успевшие побывать на всех окрестных реках, речках и ручьях, объявили однажды во всеуслышание, что место это — особенное, даже в своём роде священное, потому как располагается оно в некоем треугольнике, образованном несколькими реками и речками, горным хребтом и земным разломом, по которому якобы течёт Река: что, во-первых, это место выделяет из своих недр какие-то мощные электромагнитные излучения, а во-вторых, притягивает благодаря этому излучению некие космические энергии, и что энергии эти будто бы имеют солидный потенциал и уже измерены сверхчувствительными приборами; из-за этого же вершины окрестных гор в этом «треугольнике» будто бы «притягивают» больше молний, чем все другие вершины в крае (впрочем, кто их, эти молнии, считал?); из-за этого же природа здесь имеет особенную красоту; и из-за этого же здесь вырастают красивые и умные люди; а самое-то главное доказательство особенности этого места — будто бы кто-то уже видел зависавший в небе над ним огромный круглый НЛО со светящимися иллюминаторами, а кто-то другой видел своими глазами приземлившихся на одной из вершин каких-то существ в светящейся белой одежде. И потому в этих местах ныне, особенно в летнее время, замечен наплыв групп молодых людей в туристском облачении, которые лазают по горам, выскивая самые-самые «энергетические точки», и голыми ладонями ловят эту самую энергию, однако при этом ещё успевают портить деревья и молодой подрост в лесах, жгут костры, топчут траву и лесные цветы, коими щедра местная природа, и засоряют природу консервными банками, пластиковыми и стеклянными бутылками, так что какой-то остряк уже злословил в местной печати по поводу этих туристов: дескать, когда он сам налазается до одури по этим кручам да выпьет столько же содержимого тех бутылок, сколько они,

то и он получает удовольствие ловить космическую энергию голыми руками, наблюдать НЛО в небе и даже непонятных человекоподобных существ в белом вокруг себя.

Однако это всё — теперь; но нас-то интересует история уже многолетней давности, про которую мы собрались здесь рассказать, поэтому мы не будем уклоняться в реалии дня сегодняшнего, а вернёмся всё-таки к нашей истории.

Когда-то, около четырёхсот лет назад, казаки, основывая военный острог (который стал потом Городом), расставляли вокруг острога сторожевые караулы и основывали заимки (участки земли, на которых они растили и пасли скот, пахали землю и ставили одинокую жилую постройку), а караулы и заимки затем обрастали деревьями, так что география окрестностей Города до сих пор хранит данные первопроходцами названия: Караульная речка, Караульная сопка, сёла Казачинское, Атаманово, Есаулово...

Так вот, в том месте, о котором речь, высится над Рекой самая высокая здесь, крутолобая, отвесно падающая в воду серая скала с говорящим названием Караульный Бык, с голой площадкой наверху, на которой даже мох не растёт. Само собой понятно, что именно здесь самой природой предназначено было располагаться казачьему караулу: и в самом деле, с этой площадки хорошо просматриваются и весь противоположный берег, и сама Река километров на двадцать в обе стороны. Место удобно ещё и тем, что здесь впадает в Реку бегущая по камням речушка, тоже, несмотря на свою малость, прорезавшая в горном массиве глубокий каньон; причём в этом каньоне смогли разместиться ещё и богатые ягодники, и травянистые лужайки, на которых удобно пасти лошадей и прочий скот. И речка эта, соответственно, тоже была наречена Караульной. Или Караулкой. История утверждает, что именно здесь когда-то стоял казачий острожек, защищавший подходы к Городу с юга, — а охранять его было от кого: Город со всех сторон, а больше всего именно с юга (где за высоким каменным хребтом начинаются бескрайние сухие степи) окружали обитавшие по равнинам воинственные кочевые племена.

Со временем, когда вражда этих племён с казаками утихла, — острожек за ненадобностью исчез; от него остался лишь известковый карьер и известковый же заводик рядом с ним, с тех дальних времён и по сию пору снабжающий Город и окрестности известью, а при заводике — небольшой посёлок, естественно, названный Известковым. В посёлке, как и полагалось в советское время любому посёлку, — магазин, школа (правда, только начальная) и небольшой детский сад; и испокон века жили в этом посёлке главным образом потомки тех самых казаков-первопроходцев, причём, по-моему, даже не подозревая, что живут в одном из самых красивейших мест России, в самом

её центре,— жили себе и жили (и живут до сих пор), занятые повседневными житейскими заботами: много всегда работали (несмотря на свою красоту, эти места требуют вложения огромных сил, чтобы выжить), растили детей и внуков, обихаживали свои дома, огороды, домашнюю живность, косили сено, заготавливали дрова, ловили в Реке рыбу и охотились в окрестных лесах.

Длинный и узкий посёлок этот, зажатый меж горами и Рекой, растянулся километра на два, причём дома в нём испокон века ставили в один ряд, лицом к Реке,— на два ряда места уже не хватало. Зато те, кто не ленился, жили здесь с большими огородами, с обширным домашним хозяйством, с сладками на берегу — и, естественно, всегда с отличной рыбой на столе.

Самый же последний из домов стоял в отдалении от остальных, причём отгорожен он был от Реки упомянутым выше Караульным Быком, а длинный и узкий огород, примыкающий к дому, с одной стороны ограничивал склон ближайшей горы, а с другой — дорога, которая вела за Караулку, на пойменные покосы. Дальний же конец огорода упирался прямо в Караулку.

Дом был просторней других в посёлке, потому как в нём располагалась ещё и контора лесного кордона,— и жил в нём когда-то лесник, охранявший леса вокруг. Была у него невеликая семья: жена и две дочки-близняшки,— и, как и у всех тут, обычное для этих мест большое домашнее хозяйство: кроме огорода, ещё корова Зорька с телёнком Мартиком, козёл Борька с козой Дуськой, куры, гуси, овчарка Жулёк и кот Василий; клички и человечьи имена животным давали сами девочки-близняшки. Почему человечьи? Да потому что животные эти были их друзьями и — почти членами семьи.

Только, в отличие от остальных хозяйств, в их хозяйстве имелась ещё светло-серая лошадь Голубка с полным набором конного инвентаря для неё: сбруей для упряжи, седлом, телегой и санями; лошадь полагалась хозяину-леснику для разъездов.

Вот об этих близняшках из той семьи, Ане и Тане (причём Аня считалась в семье старшей, потому как появилась на свет на целых полчаса раньше своей сестрёнки), и пойдёт здесь дальше речь.

Современные психологи утверждают, что на девяносто процентов психика человека формируется в детстве, и при внимательном взгляде на поведение малого ребёнка можно предсказать всё его далёкое будущее, так что постараемся и мы быть повнимательнее к детству наших героинь.

А пока что близняшки росли вместе, настолько схожие между собой, что постоянно занятые делами родители иной раз даже путали их и, чтобы различать, по возможности одевали в разные платья.

Девочки были стройны, если не сказать — худы (слишком уж много энергии приходилось им тратить, пока росли), загорелы, синеглазы

и светлоголовы, с двумя задорными косичками у каждой, с вплетённой в каждую косичку красной ленточкой.

Деревенская жизнь и теперь ещё не даёт сельскому жителю ослабиться ни на один день, с утра до ночи и из года в год, а тем более — тогда, во времена детства Ани с Таней. Ведь оба их родителя работали: отец, как уже сказано, — лесником, матушка — нянечкой в детском саду, — и был у них, как тоже уже было сказано, большущий огород и полный набор живности во дворе, так что, не успевая всё делать сами, родители заставляли детей работать рядом с ними с утра до ночи не покладая рук, тем более что отец мечтал когда-то о помощниках-сыновьях, а потому воспитывал дочек как мальчишек и спуску им не давал. Да ещё и поругивал вдобавок, если не успевали поворачиваться быстрее.

Но они к этому относились, образно говоря, стоически — как к досадной необходимости, тем более что знали: отец их строг ко всем без исключения — ругал и нещадно штрафовал и своих, поселковых, и дачников, и заезжую молодёжь за каждую сломанную ветку черёмухи, за сорванный венерин башмачок, за разожжённый в летнюю сушь костёр в лесу, — причём спрятаться от него было невозможно: он возникал неожиданно — будто следил за каждым. . . В посёлке даже поговаривали, будто он знает с нечистой силой, и всё-таки уважали его, зная, как он страстно любит этот благословенный кусок земли, на котором живёт, и так же страстно его бережёт, не жалея ни себя, ни ближних и не имея за это ни единой лишней копейки.

Знали это и его дочери, побаивались его, беспрекословно слушались, страстно при этом любили и изо всех сил старались и умели делать всё, что и взрослые: и воду домой на коромысле таскать, и кормить-поить животных, окучивать картошку и полоть гряды; умели плавать и нырять, грести в лодке и помогать отцу управляться на Реке с сетями, могли сами запрячь лошадь в телегу или в сани, скакать верхом и стрелять из ружья, — а между всем этим надо было ещё и за своенравным поросёнком зорко следить, чтобы не залез в огород, в свой или, не дай Бог, в чужой, и отогнать утром на Караулку гусей, а вечером вернуть обратно (при этом гуси, упрямыцы такие, привыкнув за день к свободе, домой возвращаться никак не желали), и уставшую за день Голубку отвести вечером на луг за Караулкой (а заодно ещё и прокатиться на ней верхом), и загнать вечером домой коз, а перед этим ещё найти их на каком-нибудь хорошо прогретом за день утёсе, который те облюбовали для ночлега, причём забраться за ними на утёс — уже проблема, а вторая — согнать их оттуда, потому как покидать нагретый утёс они не желали; ещё и бодались вдобавок. А поздно вечером, после дойки, успеть разнести дачникам молоко в бидонах. . .

И на покосе надо было успевать поворачиваться вместе с родителями, пока стоит *вёдро*: косить, грести и копнить сено. . . Казалось бы, уж на что лёгкая работа — грести сено, а помаши-ка целый день

граблями — руки-ноги к вечеру отваливаются; зато после работы, дома, каким необыкновенным ужином кажется сковорода картошки со сметаной или большой ломоть свежей жареной рыбы, а после них — ещё и крынка парного, только что из-под коровы, молока или прохладной, из погреба, простокваши, дающей блаженство разгорячённому за день телу. А потом — провал в глубокий сон на сеновале, в сладко пахнущем сухом свежем сене, и во сне — медленные, какие бывают только в снах, полёты над домом, над покосами и — выше, выше, в самое небо... Говорят, что дети растут во сне; наши девочки вымахивали за лето настолько, что сами ахали и удивлялись новым зарубкам на дверных косяках, где мама регулярно отмечала их рост.

А весенние паводки на Реке, которые изредка затапливали посёлок по самые окна, когда неделями спасались на чердаке, а животных держали в лесу на горах? А лесные пожары, которые так самоотверженно тушили всей семьёй во главе с отцом, что возвращались домой падающими от усталости, с обгоревшими руками и лицами и — в полуистлевшей от огня, с огромными дырами, одежде?

А осенью — бесконечная копка картошки и прочих овощей; их ведь ой как много надо на долгую зиму — полные подвалы!..

И ещё одна большая работа предстояла каждой осенью: помогать отцу выполнять план сбора сосновых семян, — и они неделями с утра до ночи пластались над ним: отец лазал на сосны и сбивал шишки тысячами, а девочки собирали их в мешки, отвозили на лошади домой, сушили, а потом лушили, и — поди сосчитай: сколько их надо вылушить, чтоб собрать мешок семян?

И в то же время — как летом без развлечений? Хотя вроде бы какие там развлечения? Выкроют часик-другой поиграть на улице с мальчишками, а они девчонок в свои игры не пускают. Хотя и побаивались их, если сёстры вместе... Но уж когда ловили по одной, то, мстя за свой страх, устраивали над ними самосуд, самый злой и простой: за руки, за ноги — да в крапиву; и попробуй зареви — насмешек не оберёшься; зато и девчонки спуску им не давали — ловили потом и били по одному...

Но однажды летом появился у девочек сосед: приехал из Города к своей тёте их сверстник Вовка. Деревенские мальчишки принимать его в свои игры отказались, ещё и отлупили для начала знакомства — просто так, за то, что новенький; тогда сестрёнки из жалости к нему и назло мальчишкам взяли над ним шефство; Вовке в деревне было тоскливо, и они изо всех сил взялись его развлекать.

Поначалу они позвали его купаться на Реку.

Река в том месте неслась быстро, с водоворотами, и родители запрещали им туда лезть: есть для купанья Караулка — и хватит! Но как в ней купаться, если там воды по колено? А на Реке у них был свой «пляжик» под Караульным Быком: уютный крохотный

заливчик, зажатый меж двух отвесных скал, а вместо песочка на нём — маленькая, дочиста промытая водой разноцветная галька. Им казалось, что природа устроила этот заливчик только для них, и считали своим собственным. Течение здесь тоже было, но — слабое, так что они, пока родители не видят, вволю там накупаются, наплаваются, наняряются: кто дольше под водой пробудет, да кто самый красивый камушек со дна достанет?

Но Вовка только глянул на Реку — и лезть в неё отказался: «Тётя,— сказал,— запретила»,— и сколько сестрёнки его ни звали, ни дразнили, ни брызгали на него водой — бесполезно: благоразумный Вовка обиделся и ушёл.

Потом они позвали его «за цветами» на поляны за Караулкой, где в июле косили сено, но с началом летнего тепла зелёные эти поляны густо покрывались огненными жаркками, голубенькими незабудками, алыми примулами-«баранчиками», а среди них ещё высились сумрачно-зелёные кусты марьяных кореньев с огромными, в ладонь, лиловыми, густо пахнущими цветами, и внутри каждого барахтался в жёлтой пыльце, сыто жужжа, чёрно-жёлтый шмель, а надо всем этим плыли в тёплом пахучем мареве яркие, словно летающие цветы, бабочки; и волны этого марева тянулись через Караулку и накрывали собою едва ли не весь Известковый.

Но прежде чем дойти до полян, надо было разуться и по склизким камням перейти вброд Караулку. Вовка разулся, шагнул в неё — и тут же выскочил как ошпаренный: от ледяной воды ему свело бледную, незагорелую ногу. И больше уж он туда — ни шага. Великодушные девчонки даже предлагали перетащить его на себе, но Вовкина гордыня согласиться на это ни за что не позволила.

Потом они позвали его покататься верхом на Голубке. Сами-то они так быстро вскарабкивались на неё без всякого седла, что совершенно непонятно было: как это у них так ловко получается? Вовке очень хотелось покататься, и он, сопя и потея, изо всех сил пытался на неё залезть, но ничего не получалось: девчонки и за ноги-то его поднимали, и лошадь подводили к забору, чтобы ему сподручней взобраться, — но лошадь, чуя чужака, никак не хотела стоять смирно: сделает шагок в сторону, и Вовка — бряк! — опять на земле... Так и не получилось.

На третий день они позвали его на «свою» гору, самую высокую здесь, с названием, от которого веяло древностью, — Култук, ту самую, что начиналась прямо от их огорода. Лезть на неё — не меньше часа, и то если без передышки, прямо вверх и вверх; а на самой крутизне — ещё и чуть ли не на четвереньках, да ещё цепляясь руками за кусты и выступы камней. Так Вовка и до половины не долез: устал, запыхался, — и как они ни соблазняли его: «Оттуда всё-всё-всё видно: и Реку, и самые дальние горы — даже твой Город!» (Город за горами, тающий в сизом дыму на горизонте, казался им самым далеким

местом на земле),— Вовка лишь безнадежно махнул рукой: «Да ну её, эту гору,— скукотища лезть!»— и повернул назад, скользя на попе по камням и траве, ещё не зная, что с горы спускаться куда трудней, чем подниматься.

А ведь на каменной вершине, до голых камней опалённой молниями, было так хорошо! Совсем близко — вот, кажется, протяни руку, и достанешь! — густое синее небо. В самую жару тут всегда дует прохладный ветерок, а вокруг, куда ни повернись, во все стороны света уходят ряды зелёных гор, и эта бесконечная даль будила воображение. В такие минуты хотелось скорее стать взрослой и лететь в эти дали, жадно всматриваться в них и видеть всю-всю-всю жизнь в этих даях, которая сейчас лишь дразнит воображение, настолько нереальная отсюда, что и не верится, есть она там, такая, — или она только вот здесь, на виду: вон Река, вон тесно обступили её со всех сторон горы, вон внизу, весь как на ладони, их посёлок; вон, совсем маленький отсюда, их дом и огород, и рыжий телёнок во дворе, и уж совсем мелкими белыми точечками — как рассыпанная крупа — куры вокруг него...

От всей этой непомерной красоты и бездонности пространства, от обилия света, льющегося с неба, в них рождалось ощущение даже не радости — а счастья, от которого захватывало дух и замирало сердце. Безотчётно, страстно они любили тогда всё окружающее их пространство, ещё не умея понять этого и выразить в словах. Никогда в жизни больше они не ощущали такого счастья, как там, на той их любимой вершине, среди моря синевы и зелени. Переживания этого счастья так и вросли в них навсегда и поддерживали их потом в самые трудные времена...

Но объяснить эти свои чувства и тем увлечь ими Вовку они так и не смогли: он одно твердил: «Скукота»,— и попытаться ещё раз залезть на самый верх Култука отказался наотрез... Их просто ставило в тупик: как можно не понимать, не чувствовать этой красоты, разлитой вокруг, — и даже не желать чувствовать?! Они-то знали, что каждая девчонка и каждый хулиганишка их посёлка прекрасно это поймёт, если даже сёстрам не хватит слов объяснить кому-то свои чувства...

Их импульсивная, неосознанная, но всеобъемлющая любовь ко всему их окружению, невольно обратившаяся и на этого недотёпу Вовку, заставила их попробовать соблазнить его ещё одним козырем, о котором они до поры помалкивали: они решили показать ему их главный «секрет», но только — под честное слово, что он никому-никому не расскажет. И он это слово дал.

Надо сказать, что у каждой из наших девочек были здесь и свой утёс, и своя пещера, и прочие маленькие «секретики» вокруг. Правда, кроме них, все эти пещеры знали наперечёт и их козы — они любили прятаться там от дождя и зноя.

Причём, кроме небольших пещер, была ещё там, высоко на склоне горы, и одна «бездонная». Почему бездонная? Потому что в неё

регулярно лазала целая компания городских парней и девушек, которые называли себя красивым словом: «спелеологи». Летом они приплывали на катере и на все выходные уходили в чёрный её провал с фонариками на голове, а вылезали через сутки на свет божий страшно усталыми и грязными: с ног до головы в мокрой глине, — но довольными, и всю ночь потом сушились у костра, играли на гитаре и пели незнакомые песни. Пещера эта так занимала этих парней и девушек, что иногда они приходили сюда, за двадцать километров, из Города и зимой, уже пешком или на лыжах, а после пещеры просились высушиться и переночевать в доме у лесника и говорили о том, что никак не могут пройти её до конца.

Наши близняшки, конечно же, с любопытством вились возле них, впитывали их разговоры об «их пещере», в которых без конца мелькали непонятные, таинственные, но звучные и страшно красивые слова: «грот», «кулуар», «карст», «сифон», — и однажды летом набрались смелости сами забраться туда, захватив спички. Пещера шла наклонно вниз, и, пока хватало дневного света, они шли по ней, держась за крошащиеся сырые стены, скользя ногами по сырой каменной осыпи; дальше начинался страшный — чёрный, ледяной, дышащий в лицо — мрак; они поскорее выбрались оттуда и туда уже никогда не ходили — больше по нраву им были горные вершины, на которых так много света и простора.

Но была у девочек там и собственная пещера.

В отличие от остальных, небольших, в которых ими давно были обследованы каждый выступ и каждая щёлочка в корявых каменных стенах, эта была неизвестна никому, кроме них, — они сами её открыли.

Дело в том, что небольшой, в рост человека, вход в неё так густо зарос кустами, что пройдёшь в пяти метрах и не заметишь; и перегороден он был старой-престарой, ржавой-прержавой, толстой-претолстой железной решёткой, непонятно кем и когда здесь поставленной, с настолько частыми прутьями, что сквозь них даже они, худые и жилистые, пролезть не могли. Решётка когда-то была завалена снаружи камнями, но камни от времени, уже на их памяти, осыпались, а остатки их она разобрали сами, притащив из дома тяжеленный лом, так что им открылась не только вся решётка, а ещё и узкая щель под ней, через которую они могли теперь протиснуться внутрь, — и, конечно же, они не преминули туда залезть.

Она оказалась неглубокой, но — с разветвлениями. Естественно, они обшарили все её закоулки: по всем приметам, там обязательно должен был быть клад... Правда, они его так и не нашли, хотя были уверены: он где-то здесь! — а потому поклялись друг дружке не рассказывать про неё никому, даже родителям, — и всё равно когда-нибудь этот клад найти.

Когда же девочек увезли из Известкового (об этом речь впереди), они много лет не навещали «свою» пещеру, а когда, наконец, добрались

до неё, уже взрослыми,— решётку кто-то спилил. Тогда они ещё раз обшарили пещеру; нет, всё было как прежде: они помнили там каждый закоулочек, каждый выступ, каждую трещинку, и — ничего! Может, там и не было никогда клада? Но память о «тайне» волновала их потом всю оставшуюся жизнь...

Однако Вовка так и не смог тогда пролезть в щель под решёткой (а расширить лаз было никак нельзя: дном лаза был сплошной камень), и путешествие к их «секрету» тоже обернулось для него тоской и скукой.

И, в конце концов, став совершенно им неинтересным, он, точно так же неожиданно, как и появился, однажды незаметно исчез из их жизни.

Но это всё — летом. А зимой — книжки.

Как это было здорово: длинными-предлинными вечерами, когда в окна стучит ставнями метель, мороз затягивает оконные стёкла пышными бархатно-белыми цветочными узорами, а бревенчатые стены по-старчески кряхтят от мороза,— лежать на тёплой печи, застеленной старыми шубами, от которых исходят такие родные, такие знакомые с рождения запахи сена, лошади, овечьей шерсти, и читать книжки!

Книжек в небольшой библиотеке начальной школы, где они учились,— как, наверное, и в любой школьной библиотеке тех лет — хватало всем. То были простые и хорошие детские книжки, начиная с тонюсеньких, не толще школьной тетрадки, цветных *раскладушек* про сказочных зайчиков, лисичек и медведей, и наши девочки брали их там по много штук сразу — «чтобы надолго хватило». Но надолго их всё равно не хватало: они быстренько «проглатывались» и легко, но прочно и плотно укладывались в их ничем ещё не засорённых и не замутнённых детских головах.

Когда же они «проглотили» их все — настала пора доктора Айболита, конька-горбунка, Царевны-Лебеди, русских народных сказок и книжек всех великих сказочников мира.

И эти книжки постигла участь быть «проглоченными». Затем та же участь постигла Чука с Геком, Тома Сойера с Гекльберри Финном, Маленького принца, Маугли, Незнайку со Знайкой, Мальчика вместе с Карлсоном и ещё многих-многих героев, знакомых с детства каждому, старинных и новых, появившихся как раз к тому самому времени, когда научились читать наши близняшки.

А уж когда добрались до «Вечеров на хуторе близ Диканьки», до рассказов Эдгара По и Конан Дойла, когда, прервав чтение, тёмными-претёмными вечерами надо было бежать по нужде на улицу — всюду мерещилась в тёмных углах страшная лохматая рука и шевелилось что-то чёрное-пречёрное с красными горящими глазами, так что, сделав дело — стремглав домой, в спасительный уют, на всегда тёплую печь-кормилицу...

Тут-то и оказалось, что нечитанные книги в библиотеке закончились... Зато закончена была и начальная школа; теперь их с нетерпением ждала школа в Селе за Рекой.

Но встречи с интересными книгами случались и летом.

В те годы в посёлок каждое лето, как только устанавливалось тепло, приезжал из Города художник вместе с женой и дочкой и поселялся в просторном доме лесника. Художник здесь, как он сам это называл, «писал этюды», поэтому привозил с собой большую груду вещей: связки загрунтованных холстов и картонов, этюдники, рулоны толстой белой бумаги, ящики с красками.

Семье отдавали отдельную пустую комнату в доме, ставили там деревянные топчаны, набивали свежим сеном матрацы, и гости сразу всю её заполняли собой, своими вещами, принадлежностями для рисования и запахами свежих масляных красок, олифы и свежеструганных деревянных реек, а когда уезжали в начале осени, то многие вещи оставляли в «своей» комнате до следующего лета, и она долго хранила эти напоминавшие о лете запахи.

То были добрые и приветливые люди; наши девочки полюбили их, привязались к ним и с нетерпением каждый раз ждали их приезда.

Художника звали дядь-Женей, жену его — тётъ-Томой, а их дочка, просто девочка Вера, была сверстницей наших сестрёнок, и они подружились, а ночами брали Веру с собой ночевать на сеновале, отчего та была просто счастлива.

Дядь-Женя работал с утра до вечера, и всё, что было связано с посёлком: Реку, речку Караулку, горы, лес, дома, жителей, домашних животных, букеты полевых цветов, старенькие вещи деревенского обихода — самовар, крынки, охотничьи и рыбацкие принадлежности, даже самую пойманную рыбу, — рисовал, рисовал, рисовал...

Он очень ценил дневное время своей работы и не любил прерываться даже на обед, поэтому у них было так заведено, что тётъ-Тома разыскивала его посреди дня где-нибудь на лужайке или на берегу Реки и кормила, принося ему термос с чаем, бутерброды или даже горячую еду в выдавшем виды походном котелке. Он ворчал, что она его отрывает, но она его всё же уговаривала, и пока он обедал, они о чём-то часами говорили, говорили, позабывши, что его ждёт незаконченный этюд. Они вообще много меж собой разговаривали; девочки иногда подслушивали их; разговоры эти были взрослыми и «страшно умными», и хоть и непонятными, но — завораживающими, и слушать их было сказочно интересно.

Наши сёстры, торопясь поскорее расправиться со своей домашней работой, прибежали (ходить шагом в те годы они просто не умели) взглянуть «хоть одним глазком», что дядь-Женя сегодня рисует, подолгу стояли позади художника и, забывая дышать, с удивлением следили, как простые, привычные детали их окружения, среди которых они

родились и ежедневно жили, не умея замечать их красоты, на глазах превращаются на холсте или бумаге в «красивую картину».

Иногда художник рисовал среди пейзажей и девочек, всех троих сразу. Он велел им рвать букеты цветочков или плести из них венки на голову, потом рассаживал на поляне так, чтобы «правильно» получались на их лицах «световые рефлексы». Это называлось «позировать». А чтобы они сидели или лежали среди травы и цветов неподвижно, он начинал рассказывать им что-нибудь страшно интересное про своё детство. Или про войну, на которой когда-то воевал.

Особенно он любил рассказывать девочкам наизусть «Руслана и Людмилу», начиная с «Посвящения».

— «Для вас, души моей царицы, красавицы, для вас одних...» — начал он, оборачиваясь к «своим девочкам» и тыча в них пальцем, будто именно с ними хочет поделиться страшной тайной, и продолжал далее, переходя к сказочному вступлению, уже неспешно, тихим, ровным голосом — в такт своей работе: — «У лукоморья дуб зелёный, золотая цепь на дубе том...» — впрочем, иногда останавливаясь перевести дух или сделать длинный-длинный мазок на картине, и снова продолжал свой рассказ, уже с удивлением, даже страхом затаивая дыхание — будто своими глазами видел всё, про что рассказывает: — «Там чудеса!.. Там леший бродит!.. Русалка на ветвях сидит!.. Там на неведомых дорожках — следы невиданных зверей!..» — дальше он вовсе переходил на полусёпот, выдавая самую страшную сказочную тайну: — «Избушка там на курьих ножках стоит без окон, без дверей!..» — так что, благодаря, наверное, певучему строю слов и удивлённой интонации чтеца, в каждой строке перед девочками воочью разверзалась страшная волшебная сказка, тут же, в следующей строке, выбираясь из одного бездонного омута сказки и падая в новый страшный омут, так что замирало сердце...

«Позировать» девочкам нравилось. Но одно дело часами торчать за спиной у художника, наблюдая за его работой, а другое — когда тебя рисуют и ты должна сидеть, не двигаясь, особенно если тебе мешают жара, мухи, мошка и комары. И тут на помощь дядь-Жене опять приходила тётъ-Тома: она приносила и читала им книги про великих художников или про знаменитых путешественников; книги были большие, красивые, с цветными картинками, с фотографиями, и когда тётъ-Женя их читала — забывалось всё: комары, мухи, недоделанная дома работа, даже само время, — а воображение уносило их с лесной поляны далеко-далеко: в Москву, в Петербург, во Фландрию или Голландию, во Флоренцию или даже какую-то «Тоскану» (жить в которой, наверное, — огромная, необъятная тоска); или их воображение отправлялось вместе с великими путешественниками на Северный или Южный полюс, в Гималаи, в африканские джунгли, в глубины океанов, — а дядь-Женя в это время работал без усталости, обливаясь потом, и у него получались

«многофигурные композиции» из травы, цветов, деревьев, девочек и самой тётъ-Томы.

Иногда тётъ-Тома читала им стихи, и — странное дело! — стихия стихов наполняла их души совершенно неожиданными видениями, рождала сильное, непонятное волнение и желание понимать и любить всех-всех, быть добрей, умней, красивее...

Ежегодно среди зимы, на «Рожжество», наезжали гости, отцовы сёстры, тётки наших девочек, и у взрослых начиналось грандиозное пиршество. Стол ломился от еды; ставилось всё, что было в доме, — а в доме много чего было; еда лежала в больших мисках и ставилась на стол вся сразу: были там солёные огурцы, грибы, капуста, мочёная ягода; была солёная, копчёная и жареная рыба самых лучших сортов, которой одаривала их Река; и то, что летом кукарекало, гоготало, мычало и бляло, теперь шкворчало, жаренное в больших сковородах, или исходило паром, тушенное в больших же кастрюлях и чугунах, — однако перечислять блюда, которые съедались в этих пиршествах, нет смысла — так их было много. И, конечно же, лилось рекой вино.

Много пили и ели, много говорили за едой, в перерывах плясали под весёлые и озорные частушки, которые поочерёдно пели женщины, иногда тут же сочиняя их, причём лучше всех их пела и сочиняла мама. А задорней и неутомимей всех плясал отец, быстро заводясь в пляске до неистовства, то широко взмахивая руками, так что не хватало места в просторной комнате, то яростно шлёпая ладонями по голенищам, то пускаясь вприсядку... Уставши, снова садились за стол, ели и пили, потом пели долгие протяжные песни — и снова потом ели и пили.

Наши девочки, не обращая внимания на галдёж взрослых за столом, отсиживались со своими книжками на печке за занавеской — у них там была своя, отличная от взрослых, интересная жизнь. Но когда за столом пели, они отрывались от своих занятий и вслушивались — не только потому, что пели взрослые слишком громко; да, пели они громко — но ещё и слаженно, дружно, заливисто, вкладывая в пение всё своё умение петь и всё, что накапливалось в душе за многие дни и месяцы трудной однообразной жизни и терпеливого труда, и в то же время снова и снова искренне переживая в каждой песне само её содержание едва ли не до слёз, независимо от того, была ли то старинная народная — или чисто сибирская, или революционная песня, или жестокий городской романс, тоже уже от всеобщего исполнения давно ставшие народными песнями, не важно, был ли то «Хас-Булат удалой», «Славное море, священный Байкал», «Позабыт-позаброшен», «Там, вдали, за рекой, загорались огни» или «Отец мой был природный пахарь», — причём повторяться взрослые не любили, так что песен этих за всю жизнь в Известковом спето было

великое множество. Такое пение девочкам нравилось, и они все их постепенно запомнили наизусть.

Но больше всего им нравилось, когда зимними вечерами, переделав все дела и поужинав, родители пели сами. Собственно, мама только подыгрывала на балалайке и подпевала отцу, а пел он. У тоненькой, хрупкой, как девочка, мамы озорно и влюблённо смотрели на отца синие глаза, а рослый, с копной буйных тёмных кудрей на голове отец таял от этого её взгляда, улыбался ей и пел только для неё. Он знал множество песен, иногда доставая из закоулков своей памяти такие, которые они все слышали впервые. И пел он прекрасно — сильным густым баритоном, ещё и помогая себе жестами и выражениями лица, то сурового, то печального, то весёлого и задорного. Ах, какими они оба были красивыми тогда!

Это их пение нравилось девочкам больше всего; они так любили тогда своих родителей, что не могли удержаться: тихонько сползали с печки, садились рядышком с родителями, вступали в пение, сначала робко, потом смелей и смелей, полностью открываясь навстречу песне и проникаясь при этом душевной близостью с родителями.

Особенно их волновало единение с отцом, строгим и суровым всегда и только в песне размягчённым, с распахнутым настежь сердцем. При этом они, как никогда, могли даже забраться ему на колени, прижимались к нему и принимали его неловкие ласки...

Всё это вместе и был их мир, где каждый день — как неостановимый поток счастья, в который они окунались с утра и который нёс их потом изо дня в день неостановимо, а они только успевали наскоро заметить каждое пролетающее мимо мгновение вместе со всем, что в него уместилось, и запомнить навсегда, чтобы всю оставшуюся жизнь нести в себе эти мгновения счастья и хранить как самые-самые дорогие драгоценности.

Но пришло время, когда они закончили начальную школу — надо было поступать в среднюю.

Средняя была в Селе за Рекой, и теперь школу разделяло с домом в Известковом полуторакилометровой ширины речное русло. А что такое полтора километра? Начальная школа и раньше была за километр с лишним, в самом центре узкого, в одну улицу, посёлка; зато каждый дом, каждый забор вдоль улицы были знакомы им с младенчества, так что девочки, начиная с первого класса, чуть ли не вслепую, особенно зимой, в мороз или в пургу, в полной темноте, бегом бежали туда по утрам, боясь опоздать к первому уроку, и этот километр с лишним как-то не *напрягал* их никогда. А уж из школы и вовсе шли толпой, постепенно расходясь по домам, так что и километра не хватало, чтобы наговориться, насмеяться досыта, а если зима — так ещё и потолкаться в снегу, и лихо съехать на портфеле с каждой горки.

Другое дело — Река на пути. Чтобы успеть в школу к восьми утра, в семь уже надо было садиться в лодку: утром их отвозил туда отец, а днём забирал обратно, и долгими становились эти полтора километра, когда лодку сносит упрямое течение, а uključины монотонно скрипят от мощных, ещё более упрямых усилий гребца. И хорошо, если это происходило в сентябре, когда в семь утра всходит солнышко — пусть и нежаркое, но ещё ласковое и весёлое. Но уже в октябре в семь утра — глухая темень, а лицо сечёт холодный дождь пополам со снежной крупой, и задувает во все щели одежды противный ветер.

Особенно страшно было плавать в начале зимы: шла шуга, несясь мимо, шурша и глухо торкаясь в темноте в низкие, всего в четверть метра высоты над чёрной бегучей водой, борта, — лишь опусти за борт руку, и она тут! — а лодку тем временем сносит и сносит; но сильные, рывками, взмахи вёсел уверенно ведут её к берегу, который всё ближе, ближе, а сердечко стучит от страха и надежды: ещё немножко, ещё чуть-чуть... И как же всё ликовало в каждой из девочек, когда — наконец-то! — нос лодки с хрустом выносило на галечниковый берег, и они, возбуждённые ежедневным пережитым страхом и благополучным окончанием плавания, выпрыгивали из лодки и бегом бежали вверх по неколебимо твёрдой земле, торопясь в школу.

Лучше всего было зимой: на дорогу от дома до порога школы хватало, если быстро идти, всего полчаса. А особенно хорошо — идти обратно при свете дня, пока низкое солнце ещё катилось оранжевым огромным апельсином в сизой морозной дымке, норовя зацепиться за вершины дальних сопок; снежные заструги вокруг, искристо-белые днём, то розовели теперь, то наливались синевой, а в зелёных изломах высоченных, нагромождённых Рекой в ледостав ледяных торосов играли маленькие радуги. Хуже — утром, в темноте, когда тропинку в снегу меж торосами почти не видать. Правда, взрослые расставляли вдоль неё вешки из молодых ёлочек, хорошо видные даже в темноте; хуже было, если их уносило бураном; но буран делал и хорошее дело: так уплотнял снежные заструги, что по ним легко идти без всякой тропинки; ориентиром тогда служили в темноте лишь строчки далёких огоньков на том берегу.

А лучше всего зимой было, когда при минус сорока градусах отменяли учёбу. Но они, чуть ли не с младенчества привыкнув заниматься делами вместе со взрослыми на улице при любом морозе, и при минус сорока отправлялись в школу — просто там им нравилось: можно поиграть в тёплом спортзале, покопаться в книжках и почитать в библиотеке. Это ли не величайшее на свете удовольствие?

Но однажды заболела мама. Заболела тяжело, серьёзно. В подробности её болезни девочек не посвящали, но они уже прекрасно понимали, что вопрос стоит о маминой жизни и смерти. Во всяком случае, ей предстояли месяцы, если не годы, лечения в больнице, потом

в профилактории, потом в южном санатории. И девочек увезли в Деревню, к маминим родителям — Деду с Бабой. А Деревня находилась в верховьях той самой Реки, на которой жили они сами, только далеко-далеко на юг от дома.

Девочки, конечно же, бывали там и раньше, знали и любили своих Деда с Бабой: мама привозила их туда на летние каникулы. Погостив два-три дня, она уезжала, оставляя девочек на всё лето, и строго наказывала Деду с Бабой не баловать их, а заставлять побольше работать.

Дед с Бабой не могли нарадоваться внучкам, таким милым, красивым, умненьким, трудолюбивым, умеющим делать любую деревенскую работу, и внучки купались в их любви, наслаждаясь деревенской жизнью без родительского глаза и пользуясь добротой Деда с Бабой: утром могли подольше, чем дома, поспать, едва ли не по полдня купаться в Реке и загорать дочерна на мелком-мелком, чистом-пречистом песочке настоящего пляжа, какого не было в Известковом, да при этом ещё успевать читать книжки и не слишком утомлять себя работой, так что деревенское лето было для них сплошным праздником — Баба с Дедом и без того умилялись внучкам и позволяли себе баловать их напропалую.

Но теперь девочки приехали посерьёзневшими, с тревогой за маму, которая могла умереть. Привёз их туда сам Дед, и привёз надолго — пока не выздоровеет мама, и было неизвестно, сколько им предстояло здесь жить. Да и Дед с Бабой заметно с каждым годом старели, а сами девочки посерьёзтели настолько, что с первого же дня взялись, как наказывала им мама, всерьёз помогать Деду с Бабой повсюду: и с огородом управляться, и кормить, поить и доить корову, и стирать вместе с Бабой, и варить-жарить-печь еду.

Потом кончилось весёлое лето, началась долгая дождливая осень; девочки пошли в деревенскую школу.

Они страшно скучали по дому, по папе с мамой; еженедельно писали им письма, отдельно — папе в посёлок, отдельно — маме в больницу или в санаторий. Отец не отвечал, и они не обижались: знали, какой мукой было для него написать не то что письмо — несколько строчек; мама отвечала, но в её письмах было больше вопросов к ним: здоровы ли? как живут? как учатся? как чувствуют себя Баба с Дедом? помогают ли они им? — а о себе писала мало и невнятно, так что непонятно было и мучило их: что с ней там происходит на самом деле? когда же она выздоровеет и придет?..

Долгим показался им этот год, пока, наконец, следующим летом она не приехала за ними сама, выздоровевшая, и не привезла, наконец, их домой.

В первые же несколько дней они облазили все-все-все знакомые им до каждого дерева и до каждого каменного выступа окрестности: забирались на все сторожившие Реку, как и прежде, утёсы, купались в их любимом заливчике, обошли и зорко — всё ли на месте? —

осмотрели пещеры, забрались на свою самую-самую вершину их любимого Култука. Казалось бы, всё — как и прежде; но если внимательно всмотреться — и не так: и цветы, и все краски природы вокруг чуть-чуть поблели, и было меньше радости и ликования от утренней встречи с каждым новым днём. И двор их, раньше полный живности, заметно осиротел: остались лишь корова Зорька да лошадь Голубка. И идеально выполотый раньше огород с идеальными грядами выглядел теперь заброшенным и умолял, просил, требовал помощи: полейте меня, прополите...

И соседские мальчишки, с которыми они раньше играли и ссорились, подросли, посерьёзтели и заговаривали теперь с девочками важными басками; и некогда им стало играть с утра до вечера — у всех появились дела.

Да и мама их тоже изменилась... Когда девочки, очнувшись от ослепительной радости: дождалась её наконец, и наконец-то все дома, — присмотрелись к ней внимательней — и заметили: да, и мама их тоже изменилась — похудела, потемнела лицом, стала взрослей, молчаливей, старше; в уголках её рта и вокруг глаз появились морщинки горечи и усталости, а в волосах — первые сединки.

И тут девочки поняли, что мир их ослепительного детства остался позади — они сами повзрослели.

Отец тоже постарел; ему уже трудно стало вёснами и осенью четырёхжды в день переправляться в лодке через Реку, чтобы отвозить дочерей в школу — и забирать обратно; родители решили переехать жить в Село и купили там дом.

Дом был добротный: просторный, в три больших окна по фасаду, с верандой, со светёлкой на втором этаже (которая, конечно же, досталась девочкам), с баней по-белому, с большим огородом при доме. И место красивое: дом — на берегу, лицом к Реке; а на другом её берегу, почти напротив их дома, в сизой дымке — родной посёлок Известковый, так что смотри на него хоть каждый день, утром, днём и вечером, и вспоминай прошедшее там счастливое детство.

Перед домом — палисадник с высокими жёлтыми цветами «золотой шар»; перед палисадником — уличная проезжая дорога, покрытая мелкой травкой по причине того, что по ней редко ездили; а сразу за дорогой — отвесный обрывчик с вырубленными в глине ступенями, и под обрывчиком — обширный бережок, полого сбегаящий к Реке, с галькой, дочиستا промытой весенним половодьем, а летом покрытый ещё и мелкой зелёной травкой, «гусиной лапкой», с неизменным тяжёлым бревном, принесённым невесть когда полой водой, наполовину утонувшим в гальке, да так и оставшимся здесь навсегда.

Девочки, становясь подростками, быстро росли, так что теперь чуть не каждый год им нужны были новые школьные платья, туфли, пальто,

шубы, сапоги, из которых они быстро выростали. Они видели, как трудно родителям содержать их; у самих у них никогда не было карманных денег; на книги, на школьные тетради, ручки, карандаши, альбомы для рисования нужно было кланчить деньги, а они у родителей были не всегда, и они понимали не только умом, но и глазами, и ушами, как родителям всё трудней и трудней их «тащить». Да и самих девочек уже тошнило от самых раздешёвых вещей. Мало того, мама, чтобы проще одевать дочек, все вещи теперь покупала сразу в двух экземплярах; но сестрёнкам так надоело быть похожими друг на дружку, что они твёрдо решили: после восьмого класса поступить в медицинское училище. Почему в училище? Первым делом потому, что там платят стипендию — у них хотя бы свои деньги будут, и наконец-то они сами смогут покупать себе всё, что хочется! Да и им, всем вместе, тогда гораздо легче будет жить!

Но почему именно в медицинское?.. Да как же: начитанные, они прекрасно знали, что медицина — самая благородная из всех профессий: она дарит людям жизнь и здоровье! — и они страстно желали дарить их всем-всем подряд, и первую очередь, конечно же, их единственным на белом свете, горячо любимым мамочке, от болезни которой они так пострадали, и стареньким Деду с Бабой, тем более что с раннего детства знали ещё и семейное предание о том, как их мама, молодая, хрупкая, рожала их, двоих, дома, причём — мучительно, и они появились на свет лишь с помощью двух храбрых женщин-врачей, которые в ледоход на утлой лодочке — с помощью, опять же, бесстрашного отца! — приплыли из Села в Известковый помочь ей с родами... Так как же не отдать этот долг своим землякам и землячкам?

Причём в мечтах своих девочки были уверены: училище для них — не предел; они мечтали когда-нибудь потом тоже стать врачами! Ведь у них же светлые головы — недаром обе были всегда лучшими в классе...

Да, у наших девочек были твёрдые характеры: решили поступить в училище — и поступили!

Но учиться там было трудней, чем в школе: четыре года (не считая летних каникул, да ещё — коротких зимних) они теперь ежедневно мотались в автобусе за двадцать с лишним километров в Город (да ещё с пересадкой в самом Городе).

Трудной была уже сама дорога: ведь на их сельском маршруте работали старенькие, разбитые автобусы со щелястыми дверьми, так что в автобусах зимой гулял ледяной ветер; да если ещё учесть, что зимы у нас длинные, с метелями, жгучими морозами и коротким светлым днём, ещё и туманным в морозы, и длятся эти зимы по полгода, с октября по конец марта, — а автобусов не хватало, так что по утрам их надо было сначала дожидаться. И ходили они редко, а оттого

бывали битком набиты, и девочкам приходилось всю дорогу стоять на ногах. А в самые трескучие морозы автобусы по утрам вообще не приходили: водители не успевали отогреть их и запустить моторы.

Но наших, бывалых уже, девочек этим было не испугать: они выходили на дорогу и «голосовали», ловя попутные грузовики, так что через некоторое время близняшек уже знали все водители в их стороне — такие они были приметные: тоненькие, синеглазые; обе — с нежнейшим от мороза румянцем на щеках, и у каждой — по толстой русой косе до пояса... Правда, благом было, что дорога шла в Город краем Села, и движение на ней не иссякало ни днём, ни ночью. Но ни за какие коврижки им не хотелось жить в студенческом общезитии — их родной дом был самым уютным местом на свете, так что ради него они и терпели все эти трудности и невзгоды.

И теперь они обе получали пусть маленькую — но стипендию, а это была о-го-го какая прибавка к семейному бюджету!..

Правда, этих стипендий на все траты очень скоро уже не стало хватать, тем более что упорно стучающаяся в их сердца юность, а вместе с ней — и растущий вкус к одежде, к обуви, к внешности просили, требовали, умоляли одеваться лучше, красивей, индивидуальней, и они нашли очень простое решение: стали подрабатывать ночными нянечками в детской больнице, где уже бывали на практике.

Правда, оставаться ночами в гулкой больнице единственным персоналом наедине с больными детками было жутковато — но их же всегда было двое, а двоим, когда они вместе, уже всё нипочём; так что можно было даже вздремнуть по очереди. А утром, после ночных дежурств, бегом — снова на занятия. Но и этим их было не испугать: бегать они привыкли с детства.

И ведь умудрялись при этом ещё и хорошо учиться!

И вот — пожалуйста: четыре года спустя медицинское училище выпускает двух наших новоиспечённых медсестричек. Слава Богу, их упорство и желание были вознаграждены, и здоровье их выдержало все трудности. Сколько уже позади: школа-восьмилетка, потом — медучилище с бесконечными лекциями, зачётами, экзаменами, широкий круг одноклассников и одноклассников... И теперь перед ними распахивает двери сама Жизнь, калейдоскопически яркая, многоликая, страшноватая, пугающая контрастами, — и в эту Жизнь, как в огромную реку, надо кидаться и плыть, оттолкнувшись от твёрдого, такого надёжного берега.

И они кидаются... В их юных девятнадцатилетних душах всё звенело и искрилось тогда от жажды деятельности — помогать если и не всему человечеству, так хотя бы своим землякам быть здоровыми и счастливыми! — и они торопились: скорей, скорей начать работать и жить настоящей, взрослой жизнью! При этом в каждой из них будто пела каждая жилочка, а в душах горел яркий лучик, освещающая их изнутри.

Николай Ерёмин

* * *

Тела тяжесть доверивший посоху,
 На любой отвечая вопрос,
 Я иду по воде, аки посуху,
 А потом по земле, как Христос...
 Чтобы каждый живущий в глуши
 Сбросил, радуясь, тяжесть с души...

* * *

Помню, мы с тобой легко и дружно
 Обещали раз и насовсем
 Делать то, что никому не нужно,
 И не делать то, что нужно всем...
 Но в краю печалей и забот
 Получилось всё наоборот...

* * *

Снова скачет в ночи при луне
 Чёрный всадник на белом коне...
 А за ним — наяву и во сне —
 Белый всадник на чёрном коне...
 И две тени летят сквозь года,
 Слева — счастье, а справа — беда...

ПОЧЁТНЫЙ ДОНОР

Во дворе играли дети...

Дворник — точно сатана,
 Кровь продаст, получит деньги
 И напьётся допьяна...
 Помню, как с похмелья, добрый,
 Выпив, так сказать, чернил,
 Мне значок «Почётный донор»
 Он с улыбкой подарил...

НА РУССКОМ БЕРЕГУ АМУРА

Борису Черных

От БАМлага — дорога отцовская...
Боже, как это было давно —
Завитая и Шимановская,
Зея, Невер, Сквородино...
Незабвенный город Свободный,
Где в роддоме неволи народной,
В самом центре шестнадцати зон
Был по воле судьбы я рождён...
Где души моей сила небесная,
Благовещенский Дальний Восток,
От Амура дорога железная —
Боль, и память моя, и восторг...
Где и матери тень, и отца
До сих пор — у родного крыльца...

СТАРЫЙ ХОЛОСТЯК

— Я был влюблён... Но годы шли...
Менялись радостные лица...
Кто был помешан на любви —
Всех приняла психобольница.

Пришла пора, увы и ах,
Когда заметил я устало,
Что на возвышенных словах
Помешанных совсем не стало.

Безумные — наперечёт...
А умные — куда уж нам уж! —
Все видят деловой расчёт
У женщин, выходящих замуж.

Я был влюблён, — признался он, —
Но изменил — и изменился,
И вспоминаю всё как сон,
И очень рад, что не женился.

Увы, без папы и без мамы
Уже который год подряд
Код генетической программы
И космос мной руководят...

Ах, между Солнцем и Луной
Что завтра станет со мной?

* * *

Помнишь, друг, как почти в коммунизме,
Над страной, уставшей от дел,
Фейерверк прожигателей жизни
Осветил небеса — и сгорел?..
Глянь, опять, что ни праздник — подряд
Фейерверки горят и горят...

* * *

Ах, Боже, неужель
Закончен Твой каприз?
Жизнь потеряла цель,
Цель потеряла смысл.
На сердце — маета,
И это неспроста...

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК В РОССИИ

Большевизация,
экспроприация,
советизация,
коллективизация,
индустриализация,
электрификация,
героизация,
военизация,
дебилизация,
мистификация,
дезинформация,
ликвидация,
профанация,
деградация,
кульминация.
стагнация,
реабилитация,
интенсификация,
ваучеризация,
приватизация,
модернизация,
инфляция,
деноминация,
дефолт.

* * *

Пожалейте меня, пожалейте!
Пригласите, согрейте, налейте...
Объясните, как дальше мне жить.
Попытайтесь меня уложить,
Чтобы я хоть во сне позабыл,
Где до вас в одиночестве был...

* * *

Душа, за всё, что ты хотела,
Всю жизнь расплачивалось тело
Сполна — не много и не мало,
Но, одряхлев, платить устало...

А ты, душа, всего желая,
Опять, как прежде, молодая!

* * *

За церковною обителью —
Вечность, солнечный дурман...
Над могилами родителей —
Две берёзки да бурьян...
О, колючие мгновения! —
Рву и рву траву забвения...

* * *

Чашу, до краёв налитую,
Жадными губами пью...
Жизнь кончается молитвою,
Святой Боже, в честь Твою.
Пью и слышу: — Пей до дна!
Глядь, а чаша вновь полна.

* * *

Вновь не сыплет с неба манна...
Снова, не смыкая вежд,
Я живу среди обмана,
Обещаний и надежд —
И во сне, и наяву...

Слава Богу, что живу!

* * *

Вновь — муки самоугрызения,
И нету мне от них спасения...
В себе превозмогая злость,
Вот-вот перегрызу я кость,
Увы, прижатаю к капкану, —
И, точно волк, свободным стану...

* * *

Увы, погас огонь в крови —
И впереди разверзлась бездна...
Реанимация любви
Бессмысленна и бесполезна.
Смирись, мой друг, поэт-пророк!
Всё, что сказал ты, —
Между строк.

* * *

— Причастен я к звериным играм...
Но даже в шутку, захмелев,
Я никогда не стану тигром! —
Сказал величественный Лев. —
Поскольку посреди морей
На всей земле я — царь зверей!

* * *

Музыкой лаская,
Словом без прикрас,
Песня колдовская
Подружила нас...

Так вот, строчка к строчке,
С некоторых пор
Были — одиночки,
А теперь мы — хор!

И пока мы песни
Новые поём,
Жить всё интересней
Вместе с каждым днём!

* * *

Новый год. В душе — зима,
Никакого потепленья.
Я давно сошёл с ума:
Слышу ангельское пенье
На счастливом — вдалеке —
Непонятном языке...

ТРИУМФ

Новогодняя сказка

Евгению Попову

В самом конце декабря в наш прекрасный сибирский город Абаканск из Москвы пришла радостная весть: писатель Альберт Иванович Шалимов за роман «Годы шумят» удостоен высшей литературной награды — премии «Триумф», и нужно ему тридцать первого декабря явиться в Кремль, где на всероссийской новогодней ёлке первое лицо страны — Дед Мороз — вручит лично ему эту премию.

Председатель Союза российских писателей Михаил Михайлович Михайлов срочно созвал по этому поводу собрание, на котором поздравил Альберта Ивановича с заслуженной наградой и сказал: — В наше непростое и трудное время, когда вся страна переживает небывалый кризис, призываю вас, дорогие собратья по перу, скинуться нашему уважаемому лауреату на авиабилет до Москвы, потому что в нашем министерстве абаканской культуры, к сожалению, денег нет. — Скинемся! Конечно же, скинемся! — зашушукались и засуетились взволнованные инженеры человеческих душ.

И лауреат, смущённый, взбодрённый и торжественный, произнёс: — Ах, я так рад, я так рад, что мой роман, итог всей сознательной творческой жизни, опубликованный в Интернете, получил признание и высокую оценку! Спасибо вам от всей души! А деньги — не волнуйтесь, деньги я, как только получу премию, верну каждому с процентами!

И сел Альберт Иванович на самолёт, и прилетел в Москву, и пошёл пешком по знакомым заснеженным улицам.

Как давно он не был здесь! Как похорошела столица со времён застоя и перестройки! Вдоль каждой улицы — витрины богатых сказочных магазинов, огоньки разноцветные, а на каждом перекрёстке — ёлки, украшенные гирляндами. Идёшь в сторону Красной площади, а люди радостные, улыбаются, дорогу показывают. И чем дальше идёшь, тем больше удивляешься: вся история как бы перед тобой, от домов старинных белокаменных до современных высотных зданий из стекла и бетона.

И перед самой Красной площадью встречают тебя вожди всех времён и народов, живые, как ни в чём не бывало, — парад двойников, так сказать. Тут тебе и Иван Грозный с Пётром Первым, и Ленин

с Троцким, и Маркс с Энгельсом, и Сталин с Хрущёвым, и Ельцин с Горбачёвым... И берут они тебя так ласково за руки белые, и ведут прямо через Спасские ворота в палаты Грановитые, где высоченная ёлка вращается, волшебная музыка звучит, и Дед Мороз со Снегурочкой говорят в волшебные микрофоны:

— Ну наконец-то! Альберт Иванович Шалимов! Гость дорогой, долгожданный!

И достаёт Дед Мороз из-под ёлки большую коробку, украшенную блёстками, и объявляет:

— В этой коробке — сто миллионов долларов! Но прежде, чем их вручить, мы со Снегурочкой просим вас загадать три желания, которые тут же, по мановению моего волшебного ледяного посоха, будут исполнены!

И затихла музыка, и замерли вокруг новогодней ёлки вожди всех времён и народов в компании лучших из лучших, в красных галстуках, пионеров и школьников. И посмотрели они пристально в глаза сибирскому лауреату, и ответил им лауреат:

— А хочу я, мои дорогие читатели и почитатели, чтобы, как в моём романе, исполнились наяву обещания всех присутствующих здесь вождей! Желание первое — чтобы наступил мир во всём мире! Желание второе — чтобы в нашей стране наконец-то моё поколение людей, уже пенсионеров, стало жить при коммунизме! И третье желание — чтобы отныне на каждой улице был праздник!

— Без проблем! — сказал Дед Мороз и стукнул изо всех сил волшебным ледяным посохом три раза... Да так, что на ёлке все огоньки потухли, но, к счастью, вновь загорелись.

И выпили приглашённые под звон курантов по бокалу игристого шампанского, и взялись за руки, и закружились в танце вокруг ёлки в весёлом хороводе, припевая:

А нам не страшен серый волк,
Серый волк, серый волк!
Потому что с нами наш
Добрый Дед Мороз!

И подошёл Альберт Иванович Шалимов к Снегурочке, и поцеловал её в губы сахарные, и прошептал:

— А поехали со мной, Снегурочка, в кругосветное путешествие? Все расходы беру на себя! Согласна?

— Конечно, согласна! Поехали! — сказала Снегурочка, улыбнулась, топнула ногой, взмахнула рукой и воскликнула: — Всё у нас получится!

И сели они в подкатившие волшебные сани, впереди в золотой упряжке — тройка вороных коней...

И расступились стены Кремля... И умчалась тройка со счастливыми седоками под звон бубенцов...

Только их и видели!

Михаил Мельниченко

* * *

Из одного, двух, трёх и четырёх
Я выбираю пять, и шесть, и больше.
Я понимаю: рвётся там, где толще,
А держит всё — всего лишь волосок.

Я понимаю: прорастёт росток,
А дерево огромное — засохнет.
От грома человек порою гложет,
И писк иной его вгоняет в шок.

Вот так и я, взирая на восток,
Всё время почему-то вижу запад
И, предвкушая, ощущаю запах
Прекрасных, но не пройденных дорог.

Меня всегда влечёт какой-то рок,
Но я зачем-то остаюсь на месте.
Ко мне со всех сторон стекают вести,
Я их воспринимаю — видит Бог!

ПЛАТО ПУТОРАНА

Мне не твердил тибетский лама
Буддийских истин ни о чём.
Но пил я из озера Лама
И даже купался в нём.

* * *

Всё с гор, всё с гор берёт начало,
И так, наверно, наша жизнь
Там, в вышине, была сначала,
А после уж спустилась вниз

* * *

Спасибо тем, кто избы ставит
На берегах таёжных рек.
Он этим и себя прославит,
И стольким людям даст ночлег.

Турист, промокший и суровый,
Спускается с озёр и с гор,
А здесь изба, и сруб здесь новый.
Такой уют, такой простор!

Такой приют, конечно, нужен.
Он — как подарочек судьбы.
И пьём мы из походных кружек,
Пьём за хозяина избы!

Кто сруб рубил — не знаю. Кто он?
Но он — великий человек!
Он даже президенту вровень,
Раз стольким людям дал ночлег.

Свет керосинки льётся в зале,
Звучит гитара лампе в такт.
Давно мы так не отдыхали,
Давно не расслаблялись так.

Спасибо тем, кто избы ставит!
Спасибо, добрый человек!
Пусть этот стих тебя прославит
На час, на год, на жизнь, навек.

* * *

Когда вокруг был стыд и срам,
Когда все люди были хамы,
Тогда один влюблённый хам
Вдруг взял — заговорил стихами.

Ему не внял ни млад, ни стар,
Его охаял белый свет.
Он поболтал и перестал,
Но хам тот — первый был поэт.

* * *

То, что в Сибири вольные просторы,
Известно всем уже давно.

А что в Сибири зреют помидоры,
Не всем известно, то-то и оно!

В стране вечнозелёных помидоров
Оазис есть, где помидорам — рай!
Там помидор толстеет, словно боров,
И краснотой сияет через край.

Пусть Казахстан — столица тех просторов,
Где всюду степь, повсюду тот же вид,
А Минусинск — столица помидоров,
Он красным помидором знаменит.

Но красные там зреют и арбузы,
А царствует там всё же помидор!
Арбузы те лишь набивают пузо,
А с помидор бежишь до самых гор.

О Минусинск — столица помидоров!
О южный город в северной стране!
Из огородов, не из коридоров,
Тех помидоров принесут и мне.

А я их ел бы, ел и ел всё время,
Их не могу наесться до сих пор,
Всё ем и ем, желудку внемля.
Нет ничего вкуснее помидор!

ВСПОМИНАЯ ПОХОДЫ

По распадкам и по сопкам
мы таскали рюкзаки,
и пьянели мы без водки,
и трезвели от тоски.

От тоски, тоски по дому,
по любимой, дорогой
штурмовали буреломы
и обрывы над рекой.

Мы в поход не брали водку,
брали только спирт с собой,
и, в кустах оставив лодку,
пробирались мы тайгой.

И балдели до отпада
от таёжной красоты,
посещали водопады,
и вершины, и хребты.

Были взгорья и распадки,
были россыпи и пни,
были мокрые палатки,
были солнечные дни.

По распадкам и по сопкам
возвращались мы в свой дом,
чтобы там поднять нам стопку
за родным своим столом.

Николай Гайдук

ЧИСТЫЙ ЧЕТВЕРГ

Первый дождь по весне широко хлестанул —
Это чистый четверг начинается.
В черноте, в страхоте небосвод потонул,
А потом засияет — раскается.

Где ты был, дорогой? Как ты жил, с кем дружил?
Сердцем правила сила нечистая?
Слава Богу, четверг чистотой одарил,
А иначе пропал бы, неистовый.

Может, кто-то и смог по-другому прожить,
В чистоте содержал свои помыслы.
Ну а ты как начнёшь свою жизнь ворошить —
Не придумать печальнее повести.

Забывал, предавал, все заветы отверг,
Было много недоброго, скверного.
Остаётся надежда на чистый четверг —
После дождичка благословенного.

Сотни лет на Руси неспроста говорят —
Значит, сказка бывает действительной:
Даже ворон купает своих воронят
В четверговой воде очистительной.

БАЛЛАДА О СИБИРСКОМ ДЕСАНТЕ

*Зимой 41-го года сибирский десант под Москвой
вынужден был прыгать без парашютов*

1.

Давно это было — зимой в сорок первом,
Уже под Москвой грохотала война.
Возле палатки гармоника пела,
Шутили, курили, и вот тебе на...
Пришли по тревоге отцы-командиры,
Весёлый у них получился рассказ:
Повсюду по фронту прорехи и дыры —
И нет парашютов у нас!
Нет парашютов, а прыгать придётся —
Сугробов полно в подмосковной степи.
Какой-то остряк под сурдинку смеётся:
Соломку иди постели...

Короткие сборы. И всё. Не до шуток.
Взрели винты в облаках над рекой.
Сибирский десант — никаких парашютов,
Один только снег пуховой...
Кому повезло, а кому и не очень —
От крови сугроб становился багров.
Сибирский десант — раскалённые очи
И удивлённые рожи врагов.
Откуда они, будто ангелы в белом, —
В косматых своих полушубках летят?
В кошмарной атаке, в безумии смелом
Сибирский десант — огнедышащий Ад!

2.

Давно это было — зимой в сорок первом,
Теперь это будто бы сказка и миф.
И только порой в снеговье белопенном
Почудится мне окровавленный мир.
Калиновый куст — отчего он багровый?
Рябиновый куст кровоточит в полях.
Сибирский десант будет снова и снова —
Мерещится мне в облаках и в снегах.
И если вдруг станет опять не до шуток —
Кого нам бояться, какого врага?..
Сибирский десант — никаких парашютов —
Летит через сердце и через века!

КВАДРАТНОЕ СОЛНЦЕ

1.

Помню, гроза покуражилась вволю,
Вот и затеял туман кутерьму.
Солнце квадратное светит над полем.
Что это? Как это? Я не пойму.
Может быть, молнии резали небо
И пообрезали солнечный круг?
Хоть бы какая подсказочка мне бы
Малость развеяла детский испуг.
Долго бродил я в промокшем бурьяне,
Будто в какой-нибудь Тмутаракани,
Где ни села, ни дороги тебе,
Только квадратное солнце в тумане —
Точно окошко в родимой избе.

2.

Годы прошли...
И в туманах по полю —
Чертополох торжествует, осот...
Долго искали мы вольную волю,
Вот и нашли, наскребли на хребёт.
Русской деревни тут скоро не будет,
Русскому лесу приходит хана.
Многим теперь только бусы да бубны,
Горы золотые и реки вина...
И не хотелось бы думать об этом,
Но и не думать нельзя — оглянись:
То, что казалось кошмаром и бредом,
Прочно вошло в нашу новую жизнь.
Так и антихрист войдёт — не заметим,
Только в туманах, где дождь моросит,
Солнце квадратное слабо засветит,
Точно окно уходящей Руси...

* * *

Скоро в потёмки уйдёт поколение
Тех, кто умел воевать и пахать.
Пусть они хвалят ещё пока Ленина,
Сталина станут добром поминать.

Старость бывает порою наивная,
Только и младость не блещет умом.
Чертополох торжествует над нивами,
Рушится русский разграбленный дом.

Строится новое дивное царствие,
Многие детки уже в нём живут —
С денежным деревом любят поцацкаться,
Булки для них на деревьях растут.

Светлое, нежное, доброе, милое —
Нынче не стоит почти ни гроша.
Там, где теперь паутина всемирная, —
Мухой мудрёной застряла душа.

Вот почему эти мамонты старые
Грамотных деток сегодня смешат.
Бабка и дедка такие отсталые —
Гада от гаджета не отличат.

Рушатся их идеалы священные —
Вера в людей и мечты на успех.
Нам бы у них попросить бы прощения,
Скромности бы научиться не грех.

Мамонты прошлого — сгорбленно-гордые,
Блещут медалью отваги, труда.
Нищие, старые и старомодные —
И только совесть у них молода.

Горько им видеть родное Отечество.
Золотом бредит наш сбрендивший век.
Те, кто спасает аж всё человечество, —
Что им какой-то один человек?

Вот он идёт, дерзким ветром колеблемый,
Между разбитых заводов и хат —
Вон он, великий погост поколения
Тех, кто умел воевать и пахать.

* * *

Засентябрила листва, закружилась,
Будто музыку слышит в лесах.
На поляне рябина уже накалилась
Так, что светится даже впотьмах.

Ты сорвёшь эти влажные горькие гроздья —
Греет руки таинственный свет.
Это осень вошла в твоё сердце, как гостья,
От которой спасения нет.

Скоро низкое небо без птиц онемееет,
Нахлобучит косматую бровь.
С тихим стоном река по ночам леденеет,
Будто в жилах столетняя кровь.

Долго спящие зори всё реже и реже
Проявляют горячий восторг.
И усталое сердце то колет, то режет,
То дрожит, как последний листок.

И дрожат по утрам посиневшие росы,
И туманы крадут берега...
Скоро стужа войдёт к тебе в душу без спроса
И поселится там на века.

А пока наслаждайся видением ярким,
Золотым волхованьем земли.
Этот мир ещё дарит пока что подарки,
И хорошие дни — не прошли.

ЧАСЫ С КУКУШКОЙ

Волшебство такое раздобыть
Можно было лишь за океаном.
Накормили мальчика обманом,
Сказками, которых не забыть.
Словно бы дыра была в стене —
Залетала в горницу кукушка:
На луга звала и на опушку.
Эту беспокойную подружку
Слышал я порой даже во сне.

А потом сломался механизм,
Над часами бабушка склонилась:
«Как же он придёт, тот коммунизм?
Время-то, милоч, остановилась!»
Глянул я на чёрное гнездо —
И душа впервые заболела.
«Кто забрал кукушку?» — «Да никто».
«Ну а где она?» — «Да улетела!»

Долго я потом искал её,
Маялся печальями и дурью.
Никаких не нужно соловьёв —
Дайте мне чудесную колдунью!..
Жить любил в глуши я и в миру,
Не спешил и всюду был беспечен:
Накукует пташечка в бору.
Времени полно. Ещё не вечер.

А теперь глядишь — и солнца нет,
И снега вот-вот сюда припрутся.
Сколько ни проси — тебе в ответ
Юность и любовь не отзовутся.
Видно, всё, что было на роду,
Сосчитала птица-грамотейка.
Лишнего подарка не дадут,
Бесполезно кланчить, не надейся.
Лишнего не надо было мне
Никогда, а нынче и подавно.
Вся страна в разоре и в огне,
Всё кругом печально и бесславно.

Первый снег в тайге, и я, как зверь,
Тёплый кров ищу перед ненастьем.
Сердце часто греется теперь
Золотым костром бывшего счастья.
Снится дом родной, резной карниз,
Над часами бабушка склонилась:
«Как же он придёт, тот коммунизм?
Время-то, милоч, остановилось!»
Снится, будто я хочу спросить:
Посчитай, кукушка, только честно, —
Сколько будет крови на Руси,
Чтобы совесть жаркая воскресла?

* * *

Синие щёки февраль надувает —
И отступает под ветром зима.
Будто волшебная флейта играет —
Музыка в поле, в горах и в домах.

Почки уже поднабухли на ветках —
Нотная грамота в роще, в лесах.
Музыка слов не бросает на ветер —
Музыка может творить чудеса.

Скоро из дальних своих путешествий
Птицы нагрянут — горланить с утра.
Грозным ключом водяной заскрежечет —
Дыбом алмазная встанет гора.

Снова начнут хороводить русалки,
Леший придёт из таёжных глубин...
Ну а пока что — летящие санки,
Смех детворы, снежно-сахарный дым...

Геннадий Васильев

Собаки

РЫЖИЙ

Рыжий сидел на дорожке и ждал. Терпеливо ждал — так, как могут ждать только те, кто всё потерял. От кого отказались, выгнали, даже не сняв ошейника. Он не сразу понял, что выгнали. Думал — хозяин придумал новое место для прогулки. А тот привёз, открыл дверку:

— Вылезай! Гулять!

Рыжий выскочил радостно: новое всегда интересно. Хозяин дверцей хлопнул, опустил стекло.

— У тебя своя жизнь, у меня — своя. Новая. Не скучай тут без нас!

И укатил. Сволочь.

Рыжий всегда знал, что хозяин — сволочь, потому и называл его всегда с маленькой буквы: *хозяин*. Хотел даже как-то покусать, но не решился. Не то чтобы испугался — так... хозяин всё-таки... какой-никакой... Из пиетета, в общем.

Жена хозяина его любила. Кормила его, гуляла с ним, разговаривала. Говорила:

— Эх, Рыжий, как я была счастлива, когда была юная и никому не нужная! Когда жила у папы и мамы. Им я тоже была не нужна — но я была нужна себе, себе принадлежала. Читала книжки. Всё перечитала, до чего руками дотянулась. Это я про школьную библиотеку. А в районную меня и записывать не хотели — звонили родителям, спрашивали: сколько мне лет? Потому что просила я не «Остров сокровищ» или «Дети капитана Гранта» — это всё уже знала наизусть, — а Стендаля и Мопассана. Мать сказала: «Ни в коем случае!» А отец разрешил. Сказал: «Не ханжи, клуша! Она про это всё равно рано или поздно узнает. Пусть хоть готова будет».

Рыжий слышал внимательно, хотя иногда отвлекался: кошка там, просто отметина дружеская на пеньке — свою же оставить надо. Жена хозяина терпеливо ждала, поводок не тянула. Убирала за ним, если что выронил, в целлофановый пакетик.

— А потом, — говорила опять, — встретила вот этого. И куда делась моя самостоятельность? Живу, как... клуша.

Однажды она исчезла. Рыжий проснулся утром, пошёл привычно в прихожую, снял зубами с крючка поводок, твякнул для убедительности: забыла, что ли? Но никто из спальни не вышел. Рыжий потоптался в коридоре, ткнул головой двери спальни — никого. Он задумался.

Что же делать? Не на ковёр же ходить. До вечера терпел. Стулья погрыз за ножки, коврики в коридоре в гармошку собрал.

Хозяин явился весёлый.

— Всё, Рыжий, вдвоём остались! Гулять теперь со мной будешь.

Рыжий вяло хвостом махнул, изобразил радость. «С тобой — так с тобой, пошли».

С хозяином было скучно. Он всё время говорил по телефону, дёргал поводок, торопил. И пакета с собой не взял целлофанового.

— Давай не тяни, переезжай ко мне завтра же. Пока всё устаканим, а уж узаконим потом! — кричал хозяин радостно в трубку и дёргал поводок.

Голос у него был такой — противный, елейный. Медовый. С женой он таким никогда не разговаривал.

Рыжий чувствовал себя странно. Предателем он себя чувствовал. Когда хозяин снова дёрнул поводок, Рыжий зарычал. Хозяин изумился: — Ты на меня? Ах ты, псина! — и стегнул его поводком.

Рыжий оскалился. Хозяин испугался.

— Ладно, ладно. Маменькин сынок. . . Подумаешь, шлёпнули его. Ну, извини. И домой пошли. Поесть тебе дам. От пуза.

Дома хозяин навалил Рыжему целую миску, но пёс не стал есть. Демонстративно. Посмотрел на хозяина укоризненно: «Купить решил? Сперва Хозяйку верни, потом поговорим». И пошёл обследовать квартиру. Хозяйкой ещё пахло, но следов её не было. Ни вещей знакомых, ни помады в металлическом патрончике, которым Рыжий иногда играл, за что ему не раз влетало. Ну, как влетало? Хозяйка отыскивала патрончик, брала псину за холку и выговаривала, тыкая помадой в нос:

— Рыжий, ты бесстыжий, нельзя это воровать! Понял?

Рыжий виновато вилял хвостом, клялся: не буду больше! Врал, конечно.

Теперь точно не будет. Нет больше ни Хозяйки, ни помады.

Рыжий почувствовал тоску, заскулил. Хозяин подошёл, погладил его неуверенно, с опаской.

— Ты не скули, пёс, — сказал он, пытаясь вспомнить интонации, с которыми говорила с Рыжим жена. — Не скули. Что поделаешь. Жизнь — она такая штука. . . Её больше здесь не будет, с этим придётся смириться. Она ушла. Будет другая. И я буду.

Он пытался потрепать собаку за холку — Рыжий увернулся, отошёл в угол, сел, не сводя глаз с хозяина. Тот рассердился.

— Ну ты, пёс! Все-таки хозяин здесь я, а ты. . . ты только собака, понял? Четвероногое животное, приложение к человеку. Слуга. Не захочешь жить по моим правилам — выгоню к чёртовой матери!

Он замахнулся — Рыжий показал клыки.

— Ну и чёрт с тобой! — хозяин выругался. — Сиди. Жрать не хочешь — твоё дело.

И ушёл к себе в комнату.

Рыжий потосковал ещё, но голод не тётка.

Через три дня появилась новая жена хозяина — молодая, энергичная. Пахло от неё духами и какой-то загадкой. Загадка, впрочем, скоро разрешилась. Рыжий услышал разговор хозяина с новой женой. — Ну что, что там эскулапы говорят? Кто будет у нас — мальчик, девочка? — хозяин сидел на кровати рядом с ней, гладил её по животу.

Новая жена смеялась.

— Говорят, мальчик. Современная медицина редко ошибается.

Хозяин целовал её в шею.

Утром и вечером они гуляли с хозяином. Рыжий тосковал, но делать было нечего. Никак он не мог приучить хозяина брать с собой пакет, и другие собачники укоризненно на них смотрели. Рыжий старался хотя бы лапами зарыть то, что из него выпадало, — собаки так не делают, так делают кошки. Но ему было стыдно, и он зарывал. Хозяин нетерпеливо дёргал поводок:

— Чего ты ковыряешься? Сделал дело — гуляй смело!

Он любил так выражаться — штампами.

Соседка-пенсионерка, которой до всего в подъезде было дело, как-то встретила их с прогулки.

— Здравствуйте!

Хозяин ответил.

— Что-то давно красавицы вашей не видать. Не заболела?

— Не заболела, — ответил хозяин хмуро, сдержанно. — К родителям уехала, в деревню. Насовсем. Разошлись мы.

Рыжий хотел укусить хозяина. Он хотел сказать, что это неправда, что никаких родителей у бывшей жены хозяина давно нет, они умерли, нет и той деревни, в которой они жили, — она ушла под воду, когда строили море, Хозяйка ему про это рассказывала с грустью.

Он мог укусить, но что это даст? Сказать-то всё равно не мог. Рыжий только заскулил тоскливо.

— А, — протянула соседка. — А эта у вас, девушка-то, — дочка ли, сестра младшая?

— Жена моя, — хозяин почти не сдерживал раздражения, которое вот-вот перейдёт в ярость. — И ребёнок у нас будет скоро. Если это все вопросы, мы пойдём. Не возражаете?

Он с силой дёрнул поводок.

Соседка проводила их медленным взглядом.

Дома хозяин ярости не скрывал. Снял поводок, швырнул его, не глядя.

— Сука! — выругался. — Штирлиц подъездный! Коза драная! Чмо в горошек!

«Почему в горошек, если даже — чмо?» — мог бы спросить Рыжий. Странное определение. Спросить мог бы, если бы говорил. И не говорил, и был занят: хозяин после прогулки снова навалил ему от пуза.

Постепенно Рыжий стал привыкать к новой жизни. Смирился. Тосковал, конечно, но уже — про себя. Молча. И совсем бы смирился, и забыл бы про Хозяйку. Но однажды услышал такой разговор, от которого шерсть на загривке встала дыбом. Хозяин с новой женой говорили на кухне, прикрыв дверь, но Рыжему всё равно было слышно. — У меня страшный токсикоз, ты же видишь! — голос её звучал капризно, она почти плакала. — Отчего, думаешь? Питаюсь правильно, делаю положенную зарядку, гуляю сколько нужно. А вот — тошнит. — Так у всех беременных токсикоз, и у всех — по-разному, — голос хозяина звучал растерянно.

— У меня — не по-разному, — в её голосе вдруг пропали слёзы, послышался другой звук. Такой — противный, как будто пилили не фанеру, а сталь, но — лобзиком. И лобзик всё время ломался. — У меня — не по-разному. Меня тошнит от запаха. Какого, думаешь?

Она сделала паузу. Хозяин молчал — видимо, пожимал плечами. — От запаха псины твоей!

— От Рыжего? — даже сквозь двери было слышно, как хозяин изумился. — Пёс чистый вроде. Я каждый раз после прогулки...

— «Вроде!» — перебила его, передразнила новая жена. — Это тебе так кажется. Он тебе родной, роднее меня, ты с ним вон сколько уже прожил, — она вдруг опять заплакала. Да как — зарыдала!

— Ты с ним вон сколько, ты его с помойки подобрал, а я тут — приживалка! — она рыдала всерьёз, и Рыжий забеспокоился.

Такого в их доме ещё никогда не бывало. Жена хозяина (бывшая, Хозяйка) никогда не устраивала истерик. Даже когда хозяин по нескольку дней не приходил домой. А эта...

Хозяин и правда подобрал Рыжего с помойки, щенком. Кто и когда щенка родил — откуда теперь знать? Хозяин увидел, пожалел, принёс домой... и очень скоро потерял интерес. Унёс бы обратно, но Хозяйка полюбила эти торчащие уши, этот пушистый, почти лисий, хвост. Хозяйки больше нет, а есть эта... истеричка...

— Так чего ты хочешь, не пойму? — судя по голосу, хозяин стал терять терпение.

— Да нет, ничего, — новая жена мгновенно успокоилась. — Ничего... Пускай живёт, конечно... Привыкну...

Вот тут у Рыжего и поднялась шерсть дыбом. Но он ещё не понял отчего. И что будет — не знал ещё.

И вот сидит он на пешеходной дорожке. Ждёт.

Наконец из проулка вышли две собаки. Маленькая — видно, производная таксы и кого-то тоже невзрачного. Вторая псина — посolidнее, поджарая, тонконогая, но высокая и мускулистая. Они вышли из проулка, остановились напротив Рыжего метрах в ста, сели на снег. Ждали. И он ждал. Маленькая наконец встала, оглянулась на подружку — та отвернулась, делая вид, что это её не касается. Маленькая, виляя обрубок хвоста, стала танцующей походной приближаться

к Рыжему. Тот приподнялся, махнул метёлкой хвоста. Подруга маленькой с беспокойством следила за ними. Маленькая подошла к Рыжему. Обнюхались. Подруга маленькой несмело твякнула, мелкой рысцой направилась к ним. Смотрела тревожно, неуверенно. Подошла. Обнюхались и с ней. «Поиграем?» — предложил Рыжий и припал на передние лапы, гавкнул. Подруги приняли игру, отскочили от него, ощерились... И тут всё кончилось.

Из проулка лениво, или, скорее, деловито, вышла приземистая лохматая — сто лет не чёсана — болонка. Развесистые уши, торчащие брови до носа. Она вышла, постояла в раздумчивости, глядя в сторону непрошеного гостя и своих подопечных. Негромко, но требовательно твякнула. Так, что не оставалось сомнений: она — главная. Она здесь всем и всеми распоряжается. В подтверждение этого из проулка вышли ещё двое — потрёпанный, облезлый даже, кавказец с рваным ухом и ещё кто-то, похожий одновременно на немецкую овчарку и эрделя. Они сели около болонки, стали преданно глядеть на неё. Та ещё раз требовательно твякнула. Маленькая и тонконогая, мгновенно забыв о новом друге, виновато потрусил к болонке. Тонконогая — поджав хвост. У маленькой хвоста не было, только обрубок, поэтому она бежала на полусогнутых. Пришли — и уселись рядом с главной, виновато понурившись. Болонка почесала задней лапой ухо. Встала, демонстративно повернулась к Рыжему спиной — и, не глядя на сородичей, лениво побежала в проулок. Банда ушла за ней, не оглядываясь на Рыжего.

Это была и правда банда. Лохматая, нечёсаная и немытая болонка сколотила её давно, несколько лет назад. Банда состояла исключительно из сук — дворовых, приبلудных, главное — без ошейников. Ошейники выдавали бы другой нрав, привычку к кормёжке, избалованности, ухоженности и... ну, в общем, беспризорник домашнему не товарищ. Банда эта ни на кого не нападала, конечно, питалась исключительно чем Бог послал или человек обронил, не воровала. Но всё-таки была бандой. Потому что могла постоять за себя перед теми собаками, что промышляли вдоль берега речки, пытаясь ловить уток и голубей. Те были агрессивны, порой доставляли неприятности и людям. Болонка держала своих в строгости, не позволяя вредить ни птицам, ни людям. И сородичи слушались её беспрекословно. Что-то в ней, этой маленькой нечёсаной суке, было такое... брутальное.

Рыжий потосковал, сидя на снегу, лёг брюхом. Не взяли в банду. Во-первых, кобель. Во-вторых, ошейник. Он поцарапал лапой ошейник — нет, не снять. Вздохнул и отвернулся от проулка.

Рыжему подавали. В нём видели вчерашнюю домашнюю собаку, которую хозяин-сволочь (ну а как ещё его назвать?) выгнал из дому. Ему кидали — кто кусок хлеба, от которого Рыжий презрительно отворачивался, кто косточку, кто расщедривался на копчёный куриный

окорочок. Копчёности, конечно, были противны собачьей натуре, но — голод не тётка, как сказано.

А дня через три Рыжий нашёл подругу. Она была черна, как пантера из мультика, так же стройна, но главное — на ней красовался ошейник! Её выгнали так же, как Рыжего, коварно — привезли на место: «Гуляй!» — и хлопнули дверцей машины. Они обнюхались, понравились друг другу сразу. Рыжий упал на спину, выпятил брюхо. Чёрная стала нападать, покусывать, носилась вокруг. И он подскочил, припал на передние лапы, зарычал... Банда наблюдала за ними издали. Потом болонка села, почесалась за ухом, поковыляла в проулочек. За ней ушли все, периодически оглядываясь на Рыжего и Чёрную (он её так назвал, пусть уж будет имя собственное). «Ничего нас с этими, цивилизными, не связывает, усекли?» — пролаяла своим болонкой и для убедительности куснула тонконогую.

Несколько дней подряд, а может, с неделю и больше, я видел Рыжего с Чёрной. Ошейники у них были уже изрядно истрёпаны, и на людей они реагировали уже не как домашние собаки — предупреждали лаем: «Не подходи, не ручаюсь за себя!» Потом они исчезли. Ушли, наверное, за реку. Может, у них будет потомство. И из этого потомства они сколотят свою банду. Но это будет другая банда — обиженная на людей, не любящая людей, готовая мстить людям.

Такая вот история.

ДЖЕК

Почему, описывая эту, почти правдивую, историю, я вспомнил совсем другую и совсем правдивую? Ну, потому что про собаку. И про любовь.

Деревня ли, село ли, в которой (в котором) мы жили тогда, находилось в Воронежской области и было центральным отделением совхоза. Какого? Откуда мне знать? Я учился в пятом классе и не интересовался местной географией. Мы приехали туда потому, что отца отправили командовать медпунктом. Матери работы по медицинской специальности не нашлось, она стала ухаживать за телятами. Ещё в совхозе был ток, туда свозили зерно.

Во дворе нашем — огромном, без посадок совсем, — ко мне вдруг прибилась собачка. Маленькая рыжая дворняга. Я её полюбил очень. Кормил, лелеял. А она мне изменила. Её «перекупил» — не знаю уж чем — сосед дядя Лёша. У дяди Лёши был свой дом (наш-то — совхозный, на двух хозяев), летняя кухня и голубятня. Свою (наверное, надо взять в кавычки: «свою» — она ведь сама ко мне прибилась, гулёна) собачку я увидел во дворе дяди Лёши и как он её кормил. Обида и злость, почти ненависть — такие вот чувства меня охватили. «Что ж, — подумал я, — что ж...»

Как только наступила ночь — дело было летом, — я пошёл во двор к дяде Лёше. Во дворе были натянуты верёвки, на них колыхалось бельё. Я пообрывал верёвки — как только силы хватило! — скинул

бельё. Подобрал кирпич — дядя Лёша всё время что-то строил — и побил окна в летней кухне. Собирался кинуть кирпич в дом — тут на крыльце возник силуэт. Я в панике бросился бежать — через сад, к футбольному полю, потом обратно — через наш сад, через двор, к деревенскому (сельскому?) клубу, притаился в тени дерева — не вспомню какого. Стал ждать. Дождлся. Дядя Лёша решительно шёл к нашему крыльцу. Я закрыл голову руками. Что-то будет?..

Спустя какое-то время я видел, как дядя Лёша ушёл в свой двор. Я видел, как он собирал сорванное мной бельё, связывал верёвки, слышал или, скорее, догадывался, как матерился он.

Стало холодно. Я поплёлся домой — не ночевать же на улице?..

Отец меня не бил — он вообще никогда меня не бил. Но он кричал на меня так, что соседские ребята: Людка — моя ровесница, Вовка младше, — долго потом цитировали моего относительно интеллигентного папу.

Отец заставил меня, взял с меня слово, что утром, перед школой, я пойду к дяде Лёше просить прощения. Я пошёл.

— Ладно, что уж там, — сказал добрый дядя Лёша. — Я тебя прощаю, только больше так делать не надо. Собачка дворовая — мало ли кто её покормил? Кто покормил — к тому и ушла, — и предложил неожиданно: — Хочешь, я тебе голубей подарю?

Не откажись я тогда — может, стал бы заядлым голубятником. Не согласился и не стал. Вежливо отказался: мол, в голубях ничего не понимаю, только в кошках. Дядя Лёша облегчённо вздохнул.

Вечером, когда вернулся из школы, меня ждал сюрприз. — Загляни под кровать, — попросил отец, хитро улыбаясь.

Я заглянул. На меня доверчиво смотрел щенок. Лопухий, серо-коричневый, помесь овчарки Бог знает с кем.

Назвали мы его Джеком. Щенок рос быстро, а когда вырос — посадили на цепь (деревня ведь, хоть и село, может), через большой двор натянули проволоку, цепь повесили на неё. И на привязи, и относительно свободен. По крайней мере, не станет давить соседских цыплят. Ну а уж если те сами забредут, нарушителям границы — смертная казнь.

Жили мы в этом селе (в этой деревне?) недолго. Многие беды там приключались. Стригущий лишай состриг мне с головы все волосы, которые потом вернулись проволокой, и я плакал по утрам, расчёсываясь. Пчёлы на пасеке меня покусали так, что я должен был умереть и не умер только чудом. Сгорел отцовский медпункт. При обстоятельствах, конечно, загадочных. Отца не посадили, но ему пришлось переквалифицироваться в скотники. В общем, нужно было уезжать.

Джек стал собакой хоть и молодой, но матерой, квалифицированным охранником. Он солидно гремел цепью, передвигаясь по проволоке, лаял избирательно, но повелительно.

Наша семья подружилась с семьёй Машниных — это, кажется, были единственные друзья моих родителей в этом селе/деревне.

Виктор — кадровый офицер, а дядя Саша, его отец, — инвалид Великой Отечественной. Он ходил с костылями, хотя духом был бодр. Виктор и дядя Саша иногда приходили, случалась выпивка, застолье — не шумное, тёплое, дружеское. Дядя Саша, хоть и инвалидом был, охранял совхозный зерновой ток. Сидел ночами в сторожке, в положенные часы-минуты обходил периметр. Жаловался:

— Собаку бы мне! Как хорошо бы с собакой сторожить...

Когда мама с папой нашли куда уезжать, стало ясно, что Джека мы с собой взять не можем. И отец принял решение: Джек должен служить пользе дела. Пусть охраняет совхозный ток. Джека отдали дяде Саше. Пёс вначале сопротивлялся, не хотел никуда уходить, даже пытался покусать нового хозяина. Пожалел инвалида. Порычал — тем дело и кончилось. Ну, ещё и отец нашептал ему что-то в лохматое ухо.

Мы собирались в отъезд долго, несколько недель. Родителям нужно было получить расчёт, мне — доучиться в пятом классе. Я доучился, родители получили расчёт. Отец достал где-то большую машину ЗИЛ — как сейчас помню её длинную тёмно-зелёную морду, закрытую решёткой. Мы погрузили вещи, простились с домом и садом (там такие росли вишни!), поехали. И тут отец решил попрощаться с дядей Сашей... или с Джеком? По его просьбе водитель завернул на совхозный ток. Было раннее утро, совсем туманное ещё, часа четыре или чуть больше. Дядя Саша как раз обходил вверенную территорию, держа на поводке Джека. Их силуэты лишь угадывались в утреннем тумане. Отец вышел из машины, тихонько позвал:

— Джек...

Бедный пёс! Да нет, что там пёс — бедный дядя Саша! Джек обрадовался: вернулся тот, настоящий, хозяин! Он и этого уже признал, но — тот вернулся! Джек рванул так, что дядя Саша потерял костыли, волочился на поводке, как мешок, что-то кричал. Джек — молодой, сильный, обрадованный — и не замечал тяжести. Отец побежал им навстречу — он тоже был хромоног, одна нога короче другой. В общем, встретились, дядя Саша уцелел, его подняли, отряхнули, налили на пошок. Джек прыгал радостно: «Возьмёте всё-таки?»

Не взяли.

Уезжали мы в Сибирь.

Сидели в машине, думали о своём. Своё было — у всех. Даже у меня, школьника младших классов, переходящего в средние.

В Сибири мы устроились быстро, медиков не хватало, и отца с матерью направили в больницу, до недавнего времени бывшую районной, а теперь ставшую кустовой, которая обслуживала центральное село и ещё много окрестных деревень. Нам дали крошечную квартиру из кухни и комнаты плюс кладовка и сени. Я пошёл в шестой класс.

Однажды из Воронежской области пришло письмо. Это была ещё эпоха письменности, писали письма даже те, кто плохо учился в школе. Кадровый офицер Виктор Машнин писал отцу о том, что

папа, ветеран войны дядя Саша Машнин, умер. Это грустно, но... все когда-то умирают, тем более ветераны. Но вот что было дальше.

«Я пришёл с похорон, с поминок. Тошно было, конечно. В доме никого, все — там, в столовой. Я ушёл раньше, потому что не мог больше. Старый папа был, но всё же... Слышу — Джек скулит в сарае. Мы его закрыли, пока тут все эти приготовления проходили. Я открыл дверь, зашёл. Джек подошёл ко мне медленно, встал на задние лапы, передние положил мне на плечи... Миша, он заплакал! У него из глаз катились такие крупные, огромные слёзы. Я этого никогда не забуду, Миша...» Отец прочитал — и заплакал. Заскулил, как собака.

Я этого тоже никогда не забуду.

Как не забуду первую свою собачку, в которую влюбился и из-за ревности побил окна соседу.

Собачек потом было много, я всё своё детство провёл в деревне, а там — как без собаки? Но почему-то помнится именно та, первая, дворняга, которую увели. И Джек, который плакал — и об умершем, и о нас, покинувших его.

И Рыжего не забуду. Запомнился он мне.

Где-то он теперь?

И как живут, в каком счастья проживают его бывшие хозяева?

Им неизвестно, что мы — ответственные.

23 января 2023

Сергей Князев

СТРОКИ, СОХРАНИВШИЕСЯ ПОСЛЕ ПОЖАРА

Поля, поля... Куда как путь далёк!
И мы вдвоём идём, и лишь одни.
Мы на ночлег закутаемся в стог,
Надкусанный легонько лошадьми...

* * *

Я ходил по глубинной России,
Я к зелёным берёзовым чадам
Обращался с простыми словами —
И наш мир не казался мне адом.
И я знаю: когда-нибудь прежде
Жизнь моя обреталась в Поволжье.
И сибирские бедные сёла
На поволжские сёла похожи.
Здесь я видел: красивые люди
Берегли изначальное Слово
И уже научились толстовство
Отличать от ученья Христова.

* * *

Элеватор за селом —
Золотые купола.
Птицы клычут: вещим сном
Ведьма ночь переплела —
Или ночь диктует ей
Расхудые словеса?
В гулких звуках голубей —
Гедеонова роса.
Ангел древнего села
Не вступает в разговор.
Золотые купола.
Зёрен праведный Собор.

* * *

Двое, возле подножья Саян,
Мимо книжных киосков и ЦУМа,
Направляются к нашим краям:
Мефистофель ведёт Аввакума.
Аввакум аллилуйю поёт,
Мефистофель на крест матерится
Под сурдинку, а встречный народ
Удивляется: как не дивиться,
Если с бесом идёт протопоп
И вещает, как складный оратор?
А нечистый кричит ему: «Стоп!
Замолчи, конформист, консерватор!..»
Так идут они, хитрые, два
Непонятных и сосланных Духа,
Между тем как роняет слова
Доктор Фауст возлюбленной в ухо.
Мargarита уже влюблена,
И осталось недолго до ночи.
По Сибири идёт Сатана,
Где, как здесь говорится, не Сочи.
Да ещё и чумной протопоп
Проклинает смирение Глеба,
И орёт про Всемирный потоп,
И двуперстием тычется в небо.

* * *

Жнивье моё, жнивье!
Летит ли снег осенний —
О Ней и для Неё
Вздых первый, вздох последний —
О Родине святой,
Зимующей пред Богом,
Для Чаши золотой,
По неземным дорогам
Явившейся в жильё
Растрезанное наше.
Жнивье моё, жнивье,
Отвергнутая Чаша!
Заплакать — но о ком?..
О страннике в дороге,
О веке золотом,
О воссиянном Боге...

К БЕЛОЙ ГОРЕ

Памяти игумена Варлаама

1.

Над Белою горой клубится дым
Пред очи странника в канун Преображенья —
И тонкий мир завладевает им:
«Как хорошо здесь быть! Ни мысли, ни движенья,
Один лишь свет! Его постичь нельзя», —
И плачет странник: «Неневестная Невесто,
Из мира грешного не эта ли стезя?
Не это ли Тобой намоленное место?»

2.

Царский крест на Белой горе —
И сияющий он, и поющий!
Души тонут в его серебре,
Как во дни Поставления Кущей.
«Моисею, Илье и Тебе», —
Слышен возглас апостола древний.
И поёт благодарный судьбе
Божий раб, из последних последний.

3.

Над Белой горой плывут облака,
Обнимаются с Царским крестом.
А у ангелов поступь легка.
А у ангелов белых... И в дом
Черноризец вошёл. Он храним,
Потому что хранит в сердце самом.
И два ангела шли перед ним —
Может быть, Александр с Варлаамом.

4.

Россия! Белая гора!
Твой лик до слёз мне нравится!
Се еси добра!
Се еси красавица!
Предстоящие святые
За Тебя помолятся,
Будто свечи золотые
Золотом умоются.
Не сгорай, свеча свечей,
Матушка Царица!
За тебя в ночи ночей
Дай нам помолиться.

СЕЛЕНЦИУМ

*...Мышь невидимую
стережёт мысль молчальника...*

Нил Синайский

Хочешь слово проронить —
Будешь душу хоронить!
Не ходи! Посто́й на Небе,
Отразившемся на Поле —
На хрустящем бледном снеге —
На воде, застывшей, что ли,
Затаившейся до марта.
Через час наступит вечер,
Небеса взлетят обратно —
Защититься будет нечем
Мышке, душу стерегущей,
Мышке грозной, мышке белой,
В путь молчальника зовущей
Чёрной ночью с гроздьёю спелой.
Защититься будет нечем,
Кроме крестного знаменья,
Кроме хрупкого растенья
Самодвижущей молитвы.
Не ходи — дойдёшь до бритвы!
Ночью ль выйдешь или днём —
Наиграешься с огнём!..

* * *

И рыбы корчились в аду,
И злыми белыми глазами
Уха моргала. Пряный дух
Бродил в обнимочку с носами,
А у костра паромщик добрый
В стаканы водку разливал.
Как расплодившиеся кобры,
Куст в наблюдательность играл
С речной долиной. А в песке
Рыбёшка гневно заикалась.
И междометье «О» вращалось
На остром рыбьем языке.

СЕНИЛЯ

...Ино и ещё побредём...

Аввакум Петров

Когда она моей невестой
Была, я видел, что она
Была полна красы небесной
И совершенств земных полна.
Теперь мы старая семья —
И я не разберу сполна,
Где вдруг заканчиваюсь я
И начинается она.

Игорь Герман

Практика студента Синевина

Автор благодарит артиста драмы Михаила С. за историю из его жизни, которая послужила основой для этого рассказа

Михаил Синевин с детства мечтал стать врачом — ходить в белом халате и лечить людей. Так как желание это появилось у него ещё в начальных классах, то в ту далёкую пору он считал, что болезни пугаются именно белого халата доктора и что в белом халате всё дело.

Будучи уже в средних классах и не потеряв желаний служить самой благородной профессии в истории человечества, Миша понял, что ей, этой профессии, необходимо учиться. И обучают ей конкретно в медицинских институтах.

Миша поделился профессиональными мечтами с родителями, и родители с удовольствием одобрили и поддержали выбор сына.

Миша Синевин налёг на учёбу. Школу окончил, конечно, не с золотой медалью, но очень даже неплохо.

Семья Синевиных проживала в посёлке Ф., в полутора десятках километров от райцентра — стотысячного города К.

В одиннадцатом классе родители наняли Мише репетиторов на основные экзаменационные предметы, и ЕГЭ Миша сдал даже лучше, чем предполагал.

Мама ездила в центральную районную больницу, где договорилась о направлении сына на целевую учёбу. Составили документы, подписали бумаги. Синевина Михаила Владимировича зачислили в краевой медицинский институт с обязательным условием последующей трёхлетней профессиональной отработки по месту направления.

Студент-первокурсник Синевин был счастлив! Сбывшаяся мечта — это всегда момент наивысшего счастья, самого настоящего и искреннего!

В процессе учёбы предстояло определиться со специализацией. Сначала Миша хотел стать терапевтом, затем, хорошо подумав, хирургом. На том и остановился. Учился прилежно и с удовольствием.

Но от телесных болезней не гарантированы даже опытные врачи, не говоря уже о студентах медицинского института. Все мы люди, и все одинаково подвержены недугам.

Пришёл в студенческую поликлинику и Миша со своей жалобой. Терапевт осмотрела его и поставила диагноз: эпителиальный копчиковый ход.

— Это киста у тебя на копчике, — пояснила терапевт. — Тебя должен посмотреть хирург.

— Это опасно? — насторожился молодой человек.

— Нет, но показаться хирургу надо. В обязательном порядке. Ты где живёшь? В смысле, прописан?

— В посёлке Ф., у родителей, — и, видя, что терапевт задумчиво собрала брови над переносицей, пояснил: — Рядом с К.

— Ах да... Думаю — знакомое название, а вспомнить не могу, — врач закрыла карточку, закончив записи. — Значит, так. Можешь прооперироваться в краевой больнице, можешь — в двадцатой. А можешь — у себя. Имей в виду, что за тобой какое-то время нужен будет уход — подать, принести, унести. Конечно, лучше, если рядом будет мама. Тебе решать. Подумай.

— И думать нечего, я к родителям поеду. Там и прооперируюсь.

— Хорошо, — согласилась терапевт. — Поезжай к себе, запишись на приём к хирургу в районной поликлинике. Врач тебя осмотрит и всё скажет: как действовать дальше. Крайней спешки нет, но лучше не откладывать. Где учишься?..

— Медицинский институт. Второй курс. Целевик.

— Ну вот видишь, как хорошо, — улыбнулась терапевт. — Пройдёшь медицинскую практику, так сказать, изнутри, в качестве пациента. Тем более на базе, где тебе предстоит работать по окончании института. Это тебе не помешает. Опыт, мой юный коллега, — незаменимая вещь. А в медицине, наверное, в первую очередь. Так что воспринимай своё заболевание как практику, которую необходимо пройти. Всё, держай!..

На дворе докапывала с крыш последним выпавшим снежком вторая половина апреля. Продолжительными выходными грозили близкие майские праздники, поэтому Миша рассчитывал попасть к врачу ещё до них, чтобы это дело не откладывать в долгий ящик.

Приехал домой.

На следующий день, утром, на рейсовом автобусе — в К., записаться в поликлинику на приём к хирургу.

В регистратуре сказали, что на текущий день свободного времени в часы приёма хирурга нет, поэтому Михаила Синевина могут записать только на завтра.

Назавтра в назначенное время Миша попал в кабинет хирурга.

— Садись... — не глядя на вошедшего больного, кивнул пожилой хирург, заканчивая запись в карточке предыдущего больного. — Рассказывай.

Миша, как сумел, объяснил ситуацию.

— Показывай.

Оторвавшись, наконец, от чужой карточки и отложив авторучку, хирург сквозь очки внимательно рассмотрел и осторожно ощупал опухоль на копчике молодого пациента.

— Свищ образовался уже, — сказал он, умывая руки. — Надо резать.

— В смысле — операция? — уточнил Миша.

— Операция, операция, — хирург раскрыл карточку больного Синевина и принялся строчить в ней. — Марь Михална... — обратился к пожилой медсестре, сидящей за столом напротив. — Выпишите ему все анализы: кровь — развёрнутый, RW, СПИД, сахар, флюорографию, стоматолога пусть пройдёт, — он небрежно махнул рукой, — на всякий случай. В общем — всё.

Теперь медсестра активно принялась за необходимую писанину. — Операция будет под общим наркозом, — информировал больного врач, не отрываясь от записей в его карточке.

— То есть я буду спать?..

Хирург поднял глаза, внимательно и серьёзно посмотрел на пациента. Ответил не очень дружелюбно:

— Тебе какое дело: будешь спать или не будешь?.. Это забота хирурга, а не твоя. Твоё дело вообще телячье: пришёл, лёг, подставил. Тебе отрезали... что надо. Вот и всё.

Студенту второго курса медицинского института не очень понравились слова и тон врача, но он молча проглотил и то, и другое.

В течение следующей недели Миша сдавал анализы и собирал справки для операции. Когда всё сделал, явился опять в поликлинику. В регистратуре записали его на завтра, на одиннадцать часов. Ладно — уехал к себе в посёлок.

На следующий день, к назначенному времени, явился на приём.

Хирург хмуро просмотрел листочки с результатами анализов.

— Завтра утром явишься в ЦРБ в приёмный покой, в здание, где хирургия. Тебя положат в стационар и будут готовить к операции.

— Так завтра первое мая... — сказал пациент.

— Ну и что? — повысил голос врач.

— Праздник же!..

— И что, что праздник?.. Это для вас праздник, а у врачей праздников не бывает. Для нас все дни одинаковые — рабочие будни. Там будет дежурный врач, он тебя осмотрит и отправит в стационар. Вопросы?..

Следующим утром, первого мая, Михаил Синевин с пакетом личных вещей и необходимыми бумагами явился в приёмный покой центральной районной больницы. В этой трёхэтажке располагались три отделения: хирургия, травматология и лор.

В приёмном покое никого не было, не считая пьяного дяди, спавшего на кушетке в коридорчике для ожидающих.

Миша подошёл к гостеприимно открытой двери, где в ожидании наплыва послепраздничных пациентов, сидели медицинские сёстры в стерильно белых халатах.

— Здравствуйте, — поздоровался Михаил.

— Здравствуйте. Вы к нам?

— Да вот...

— А почему трезвый?

— А какой я должен быть? — растерялся студент Синевин.

— Сегодня же праздник... — тяжелоесно пошутившая медсестра улыгнулась. — Ладно, не обращай внимания. Это я так. О наболевшем.

В эту минуту у дверей приёмного покоя остановилась скорая, и два медбрата ввели в помещение не державшегося на ногах мальчишку. Медбратья скорее несли его, чем вели, — он висел у них на руках. Не обращая внимания на единственного очередного больного, они полуусадили подростка на кушетку в приёмном кабинете, попросив осмотреть его без очереди.

Спустился вызванный по телефону медсестрой дежурный врач — хирург, как сказали. Он осмотрел мальчишку, не подходя к нему и не касаясь его.

— Так он вдрызг пьян, — сделал вывод врач.

— Кто пьян? Кто пьян?.. — еле ворочая языком, попытался возразить подросток. — Ты мне наливал?

— Тебе сколько лет, человек?.. — спросил врач.

— Сегодня праздник. Имею право.

— Ты слышишь, что я у тебя спросил?

— Слышу...

— Сколько тебе лет?

— Двадцать четыре...

Врач засмеялся, медсёстры захохотали.

— Как фамилия твоя?

— Брэд Питт.

— Тома, пробей по базе данных, — обратился врач к сестре, сидевшей за компьютером. — По-моему, он уже был у нас, и в таком же состоянии. Посмотри поступивших восьмого марта... — он задумался. — Я даже фамилию этого Брэда Питта припоминаю: то ли Устюгов, то ли Устюжанин.

Медсестра быстро нашла нужный сайт.

— Устецкий.

— Точно — Устецкий, — поправил себя врач.

— Устецкий Роман, двенадцать лет.

— Ну и горазд же ты врать, братец, — обратился к мальчишке врач. — Двенадцать лет, а пьёшь и врёшь, как взрослый... Адрес его есть?

— Да, есть... — медсестра назвала улицу и дом.

— Отвезите его к родителям на скорой, пусть сами с ним разбираются. Я даже смотреть его не буду. Острое алкогольное отравление. Всё.

Медбратья подхватили под руки трепыхающегося подростка и вывели на улицу.

— У вас что? — обратился врач к скромно стоявшему у дверей Михаилу Синевину.

Студент протянул ему направление из поликлиники вместе со стопкой анализов. Врач сосредоточенно прочитал направление, просмотрел листочки с результатами анализов, почесал левую щёку,

затем правую, после чего молча положил бумаги пациента на стол и, не сказав ни слова, ушёл.

Миша обратил внимание, что молчаливый уход дежурного хирурга чуточку, но смутил медсестёр, они переглянулись и, вероятно, поняли друг друга.

— Сейчас позвоним в отделение, — словно оправдываясь, сказала Синевину медсестра. — Вызовем второго хирурга, он тоже здесь. У Александра Геннадьевича много работы... он занят. — Она взяла трубку телефона, набрала номер. — Алексей Юрьевич, спуститесь, пожалуйста, нужно больного в стационар принять, — положила трубку. — Сейчас придёт.

Вскоре появился в дверях Алексей Юрьевич, тоже довольно молодой хирург, рыжий, плотный, с могучими предплечьями, покрытыми густой золотистой порослью. Тихо насвистывая какую-то мелодию, он неторопливо прошёл в кабинет.

Медсестра указала ему на пациента и его бумаги, лежащие на столе.

Врач подошёл к бумагам, перестал свистеть, почитал направление, сложив трубочкой губы, долго думал, потом положил направление на стол и несколько небрежно отодвинул его от себя.

— Нет мест.

Он опять засвистел и так же спокойно, никуда не торопясь, ушёл туда, откуда пришёл. Его тихое посвистывание вскоре затихло в гулкой тишине больничных коридоров.

— Э-э... знаете, что, — обратилась к Мише медсестра. — У нас действительно сегодня нет мест, так сказать, праздничный синдром. Позвоните после праздников — в пятницу, давайте договоримся. На выходные многих будут выписывать, поэтому места точно освободятся.

Студент растерялся.

— Но врач сказал, что меня положат...

— Какой врач?

— В поликлинике.

— Он просто не в курсе, что у нас столько народа. Он одно сказал, наши врачи — другое.

— А первый доктор вообще просто ушёл, и всё. Ни слова не сказал. Это как понимать?..

— Ну-у... — развела руками медсестра. — Он подразумевал. А Алексей Юрьевич объяснил... Ну, в общем, в пятницу. Вот вам наш телефон.

Она быстренько черкнула на бумажке.

— Звоните...

Миша позвонил из дома в пятницу утром.

Медсестра, взявшая трубку, долго не могла понять, с кем разговаривает и о чём идёт речь. Когда же, наконец, поняла, сказала следующее:

— Вас, молодой человек, сегодня класть не имеет смысла. Сегодня пятница, потом выходные дни. Оперировать никто не будет. Позвоните в понедельник после десяти... — и положила трубку.

Теперь уже не только Мишу, но и его родителей эта ситуация, прямо сказать, озадачила. Но решили впереди лошади не бежать и дожидаться понедельника.

Михаил терпеливо дождался в понедельник указанного утреннего часа и позвонил. Опять не оказалось мест. Стало понятно, что тянут время, но непонятно: зачем? Студент и учиться не учится, и на операцию парня не кладут.

Так, с уважительными отговорками, прошла ещё одна пустая неделя.

Надо было что-то предпринимать, далее тянуть бесконечную резину не имело смысла.

Тогда Мишина мама пошла на крайнюю меру, то есть на приём к депутату.

Дочь этого депутата училась с Мишей в одном классе, они вместе пели в школьном хоре и вообще были и до сих пор оставались в дружеских отношениях.

Мама всё рассказала депутату, пожаловалась и немного всплакнула. — Без проблем, — сказал депутат и попросил номер телефона Михаила.

И оказалось — депутатскому слову можно верить.

На следующее утро Мише позвонили из ЦРБ, сказали, что освобождено место и что его ждут на плановую операцию.

Так как срок годности анализов для оперативного вмешательства истёк, врачи великодушно не стали гонять парня на повторную сдачу. Его без лишних разговоров положили в стационар и тут же взяли всё, что требовалось взять.

Накануне операции пациенту поставили две очищающие клизмы, утром — третью, потом — наркоз и прооперировали.

Всё хорошо, но... немножечко не рассчитали дозу: пациент проснулся во время операции. Вернее, в её завершающей стадии, когда уже зашивали надрез.

— Я проснулся... Что делать?.. — дал знать о своём состоянии пациент. — Ничего. Лежи, — ответили ему.

После пяти часов вечера этого же дня прооперированному Синевину разрешили осторожно подниматься на ноги. Мишина мама всё время находилась рядом с сыном.

Через несколько дней его выписали домой под наблюдение хирурга поликлиники.

С выпиской в руках Михаил явился к знакомому хирургу.

Хирург хмуро посмотрел на больного.

— Прооперировали?

— Да?

— Ладно. Где твоя карточка?

— У вас была.

—Марь Михална!..

Медсестра перебрала стопку карточек на своём столе, затем — на столе врача, и третью — где-то у себя под столом.

—Нету.

—Иди в регистратуру,— обратился к оперированному больному врач.— Пусть найдут карточку. Она там.

Не так-то просто, господа-товарищи, ходить туда-сюда со свежим швом на копчике, но деваться некуда: не царское время — слуг нет.

В регистратуру, как и положено, стояла очередь из чихающих и кашляющих бабушек. К окошку молодого нахала не подпустили, и в этой очереди Миша простоял не менее сорока минут: последние десять минут — практически навалившись на стойку.

—Карточку дайте мою,— обратился он к регистраторше, ещё молодой приятной женщине.— Я еле стою уже.

—Фамилия, адрес?..

Пятнадцать минут она честно искала карточку по всем уголкам регистратуры. Очередь из бабушек громко возмущалась и грозила поликлинике всевозможными земными карами. Миша из последних сил висел на стойке у окошка регистратуры.

Чуточку растерянная и покрасневшая молодая регистраторша подошла к окошку с пустыми руками.

—Не нашла... — словно оправдываясь, сказала она.— Скорее всего, она в кабинете. Пусть медсестра ещё раз посмотрит внимательнее.

У кабинета мученик с облегчением присел на кушетку, ожидая, пока выйдет очередной пациент.

Вошёл.

Объяснил.

Медсестра, ворча, просмотрела всё ещё раз внимательнейшим образом. Карточка как сквозь землю провалилась.

—Идите вместе в регистратуру,— отправил их врач.

Миша за медсестрой опять направился в регистратуру. Остался ожидать с этой стороны окошка.

Медсестра вместе с регистраторшей, посоветовавшись, начали искать по каким-то коробкам, перебирая их одну за другой.

Очередь из бабушек даже перестала кашлять и ругаться: над регистратурой повисло зловещее молчание.

Наконец медсестра заулыбалась, и Миша понял, что его карточка найдена.

В то же время молодая регистраторша вдруг по непонятной причине побледнела. Побледнела настолько, что это стало заметно из очереди.

Совершенно белая, регистраторша подошла к окошку, где её тихо ждала разъярённая толпа больных. Здесь, вместо того, чтобы продолжить обслуживание, она закрыла окошко и, ни слова не говоря, удалилась.

От этого её странного поступка бабушки растерялись вконец. Одна из них сказала, что напишет Путину.

В кабинете хирурга, куда вошёл Миша, улыбающаяся медсестра не выдержала и рассмеялась.

— Что такое? — недовольно поинтересовался хирург.

— Анатолий Иваныч... — просмеявшись, сказала медсестра. — Регистраторша перепутала и положила его карточку в другую папку.

— В какую?..

— «Мёртвые».

Хирург усмехнулся, расслабился, и вместе с медсестрой они над чем-то там пошутили.

Миша не знал, как реагировать на такое известие, поэтому никак не отреагировал.

— Ничего, — успокоил его врач. — Это хорошая примета. Значит, будешь долго жить...

В последних числах мая студент Михаил Синевин ехал на рейсовом автобусе в краевой центр. Ехал уже на сессию, в свой родной медицинский институт, по которому порядком успел соскучиться. Соскучился и по учёбе, и по бесшабашной студенческой жизни, и даже по своей общаге.

Сейчас, сидя в автобусе и глядя из окна на разбухшую весной природу, молодой человек был убеждён, что практика, которую он прошёл благодаря своей болезни, непременно сослужит ему добрую службу. По этой ли причине или по какой либо другой, но в его голове, бесконечно повторяясь, крутились строчки знакомого стихотворения из детской книжки: «Мальчик радостный пошёл, и решила кроха: „Буду делать хорошо и не буду — плохо“».

Екатерина Малиновская

* * *

Сгоревший лес пустой и серых облаков
Тяжёлая налившаяся влажность
Повалены грозой тугие деревья
К ним тянется упавшая трава
Как будто это я, глаза-роса
И тело как зелёная стрела
Прозрачная, уснула — ожила
На длинном лепестке качается отважно
Душа, что мне дана за каплей капля
С напутствием отцовским береги
И жидкость цвета вызревшей ирги
Окрасила дорожки новых вен
Сплетённых так затейливо затем
Чтоб лес и облака в себя впитать
До капли выпить, выпить и отдать
Земле с такой же жадностью и жаждой
Как было мне дыхание дано
На век, что этот лес, многоэтажный

* * *

Ночью я лежу мечтаю...

Пётр Мамонов

я хочу жить в мире без людей
в царстве белокаменных идей
чтоб кивала мне, всегда права,
белая Платона голова

чтобы, вне природного закона,
Хайдеггера Ницше и Генона
призраки летали в вышине
и спокойно улыбались мне

в стороне стою мечтаю я
тихая живая статуя

* * *

То милый друг средь бела дня
В кругу оставивших меня

То вянут падки до слезы
Берёз неровные пазы

То мы увязшие в любви
Что короли в Консьержери

То тень притихшая во тьме
Боится стать заметной мне

То привидение в саду
У всей округи на виду

То отражение в стекле
Огня в версальском октябре

То злые змеи-языки
Горят на кончике строки

То льнёт упитанная лесть
И бред шизоидного сна
То обезумевший француз
С улыбкой выпал из окна
То дева милая в плаще
Вся ускользает от себя
То странной пластикой язык
К уснувшей девушке приник
То самолёт реки ночной
Коснулся дна и в нём уснули
Рыбы спрятавшись в пустых
Иллюминаторах-глазах
То меж зубов угрюмый стон
И в воду падающий взгляд
То кто-то мёртвый и родной
Записки шлёт из-под земли
То безответные листья
Слезами сын изрисовал
То знают только там где ты
Меня оплакивал и ждал
То знают только там где ты
Меня оплакивал и ждал

В недавнем сне явился знак
И вижу я смеётся как
Вчерашний друг средь бела дня
В кругу оставивших меня

* * *

всё честнее пишется верлибром
вьётся соразмерно мысли нить
в будущем, недалнем и недлинном
вряд ли будут в рифму говорить

это сердце чутко слышит старость
бьётся мысли хиленькая трость
где-то за диваном завалялась
радость от того, что не сбылось

тихое спокойное веселье
сонностью подёрнуто, что мхом
проза в столбик, рифма за углом
то ли счастье, то ли невезенье

* * *

Летела белая ракета
И всё закончилось когда
Увидел каждый — сила света
Всё уничтожит без следа

Ракета белая белела
Внутри дальнейшей из планет
В ней белизна такая зрела
Белей которой в свете нет

Свистела белая ракета
К земле бессветной на пути
Творец шепнул во тьму из света
Родная, только долети!

Упала белая ракета
И расплзаясь белизной
Возникла злая вспышка света
У нас с тобою за спиной

И мы увидели друг друга
Глаза и губы через тьму
Ракета, белая подруга
Конец мученью моему

Создатель радуется где-то
Далёко от добра и зла,
Спит белоснежная ракета
Впитав прозрачные тела

* * *

подобраны упавшие слова
тому, что обозначить невозможно
когда дышать болезненно и страшно
от странной мысли вовсе не дышать
летать в окно, нырять в земную твердь
минуя скрип потёртого паркета
ночного, это, и не только это
несложно, если верно подобрать.

открой глаза, тебе знакомый звук —
рассыпались горошком, покатались
и кошка, всё услышав наперёд,
проводит чутким умудрённым взглядом
слова, остановившиеся рядом
в окраинах белёсой темноты
и скажет мне: *чур, собираешь ты!*

ей этого добра уже не надо.

* * *

Во дворе застыло время.
Снег решёткою накрыт.
Тенью сетки волейбольной:
Мне не больно мне не больно, —
Из-под сетки снег твердит.

Вот енот, а вот лисичка
Спит в бумажном колпачке.
В фантик жёлтенький одета,
Спит бумажная конфета
На заснеженном сучке.

Время стрелкою застыло,
Встал бумажный циферблат.
Пять минут — и всё, что было
Между мной и жизнью, было
Пять минут назад.

Алексей Козловский

Свидание в Жиндарёвке

Главы из романа «По кругу любви и печали»

Татьяна Сафонова — женщина трудной судьбы. Когда-то она была замужем за таксистом, но после его гибели в аварии осталась с тринадцатилетней дочерью Светланой одна. Тогда и сошлась с коллегой мужа Мефодием Кукарцевым. После долгих мытарств, когда в силу сложившихся обстоятельств того посадили в тюрьму, Татьяна выходит замуж за нынешнего супруга, директора крупного электрохимического комбината. Во время отдыха в Таиланде Татьяна подружилась с Гунтой Заблотской, куратором при Союзе писателей в большом краевом центре. Брат Гунты работает в местах, где отбывает наказание Мефодий. Чувствуя свою вину перед бывшим мужем и воспользовавшись протекцией подруги, Татьяна решается тайком от семьи навестить неудачника в Жиндарёвской колонии.

Узнав о материнских планах съездить к Гунте в Красногорск, Светлана поднялась на дыбы, но с нею разговор был коротким:

— Хватит занятия пропускать, отдохнуть летом нужно!

Замаев же отнёсся к намерению супруги весьма равнодушно, что сразу возбудило подозрения со стороны жены: а не любовницей ли собирается проводить свободное время её супруг? Но так как поездка в краевой центр была инициирована самой Татьяной, нужно чем-то поступаться.

— Если понравится в гостях, задержусь немного, — заранее подстраховалась Сафонова-старшая, собираясь в город, потому что кто его знает, где находится колония, в которой сидит Мефодий и как её там встретят?

— Мы за две недели успели на курорт смотаться, чуть ли не на край света, а ты в Красногорск собираешься как в Антарктиду, — попеняла матери обиженная дочь.

— Я в тех краях ещё не была, чужой город, — возразила Татьяна.

— Считаю, мало чего потеряла. Музей неплохой, театр оперы и балета, музыкальная... — стал перечислять главные очаги культуры всезнающий супруг.

— Да я просто хочу развеяться, у меня уже комплекс на здешнее окружение: одни и те же кварталы, одни и те же физиономии повсюду, — продолжала изворачиваться хитроумная дамочка, и в конце концов

её домочадцы оказались готовыми к потере на некоторый срок своей хранильницы очага, а Татьяна, не откладывая задуманного в долгий ящик, позвонила Гунте.

Узнав, что подруга уже на чемоданах, красногорская секретарша обрадовалась:

— Вот и молодчина! Я тебя встречу.

— Зачем утруждаться? — удивилась расчётливая путешественница. — Что я, от вокзала к тебе на такси не подъеду? К тому же точно ещё не знаю, когда соберусь, завтра или послезавтра! Как удастся оторваться от дел.

Вообще-то Таня лукавила, говоря о работе: туда можно было просто позвонить, и вся недолга, — но почему-то захотелось пожеманничать, придать вес занимаемой должности. Но всё равно после звонка подруге стало легче на душе, словно Татьяна готовилась к выходу на волю: тут же из шкафа была извлечена походная сумка, подобраны наряды с учётом поездки не только в Красногорск, на что Светланка сказала: — Словно в Швейцарию собираешься.

— Почему? — удивилась предусмотрительная путешественница.

— Там же Альпы, люди на них восхождения делают.

— Мне так удобней.

— А как же оперный и музей? — съязвила наблюдательная девчонка.

— Не суй свой нос в чужие дела, без советчиков обойдусь.

Хорошо хоть Замаев не был свидетелем данной перепалки, он не смог выбраться с работы и через водителя извинился перед своей женой. Помогая Татьяне донести до машины сумки, тот её же и успокаивал:

— Поезд в семь сорок, успеем.

— А утром ты будешь в Красногорске? — поинтересовалась Светлана.

— Буду.

— Сразу позвони, как доехала.

— Ну да, в школу, или ты задумала что?

— Не боись, скатертью дорога, мы тоже от тебя отдохнём!

«Устали они, видите ли, — размышляла, сидя в автомобиле, Татьяна. — А я, выходит, железная: что ни день, то сюрприз — если не дочь, то муж приготовит...»

— А почему Николай не приехал? — переспросила она шофёра.

— Ждёт селектор по инициативе центра, — охотно пояснил тот, а Таня подумала: «Наверное, сочиняет, все они заодно, эти заводские, за место держится каждый, потому и не продают друг друга...» — и больше не лезла к водителю с расспросом.

На железнодорожный вокзал прибыли раньше срока, и Таня успела сходить в киоск, купила пару газет, чтобы если не почитать в дороге, то по крайней мере сделать вид, что женщина она деловая, тем более шофёр занёс кладь в купе и вежливо попрощался.

— Брат? — бездумно поинтересовался уже сидевший там гражданин.

— Водитель моего благоверного, — походя пояснила Татьяна, осматривая временное пристанище: вагон был новёхонький, не то чешский, не то германский.

— Доедем с комфортом, — пообещал сосед, — если соседей не подсадят.

Таня давненько не ездила по железной дороге — пожалуй, с тех пор, когда училась в своём библиотечном. Тогда считалось за счастье, если удавалось купить плацкарту, а случалось и в общем трястись на жёстких сиденьях. Здесь же купейный вагон, и купе полупустое; правда, не совсем удобно ехать с мужчиной, хотя сосед, скорее всего, человек приличный — учитель или чиновник средней руки, в костюме, при галстуке. . .

— Николай Максимович, адвокат, — представился тот, заметив, что за ним наблюдают.

«Какой предупредительный, вышколенный», — подумала незадачливая пассажирка и поспешила ответить:

— Вот как? А у меня мужа Николаем зовут.

— Нормально. Значит, не оговоритесь при случае, — попытался costrить тёзка её супруга.

— Татьяна Евгеньевна, — спохватилась попугчица адвоката и вспомнила о газетах. — Можете почитать, там кроссворды есть на последних страницах.

— Всю жизнь разгадываю подобного рода задачи, вот и сейчас еду от вас, защищал одного бедолагу.

— Из Красногорска — к нам в область? — удивилась Таня.

— А что такого? Сейчас попадают клиенты, которые в состоянии выписывать защитников из Москвы.

— Хлопотная у вас работа, опасная, — зачем-то завела разговор на совершенно не интересующую её тему Татьяна, после того как переоделась и приготовилась с комфортом провести остаток дорожного времени.

Мужчина тоже переменял костюм на спортивную форму, даже шлёпки достал, чем немало удивил свою спутницу.

Какой предусмотрительный, а может, жена позаботилась; это мой Замаев всегда собирается сам, хотя за ним-то есть кому поухаживать, если он с Дементьевой. . .

Ослеплённая ревностью, а верней, её суррогатом, потому что особых чувств к нынешнему супругу она никогда не испытывала, Таня совершенно упустила из виду, что дома осталась Светлана и так просто с любовницей не пофлиртуешь.

— У всякой работы свои нюансы, — уклончиво ответил мужчина. — Вы, наверное, менеджер?

Руководительница информационного центра сначала хотела потрафить наблюдательности соседа и представиться торговым агентом, но потом передумала.

— Сама не знаю кто, — простодушно сказала она.

Нестрогая одежда, теснота пространства, интимная обстановка, даже лёгкая музыка из репродуктора, да ещё это покачивание вагона настраивали на бездумное существование, тем более с таким ненавязчивым спутником, который, кажется, привык уже ничему не удивляться.

— Понимаю вас. Как сказал поэт: «Нам не дано предугадать...»

— Я в своё время библиотечный заканчивала, так что в курсе, — бывшая «библиографша» неожиданно подметила, что дорожный диалог завязывается почти так же, как некогда её первая беседа с Замаевым, только он тогда Блока цитировал, а этот — Тютчева.

— А скажите, все адвокаты столь сентиментальны? — пошутила женщина, незаметно втягиваясь в лёгкий флирт.

В купе пару раз заглядывали разносчики из вагона-ресторана, и адвокат позволил себе угостить соседку нехитрыми дорожными деликатесами, при этом извлёк из портфеля плоскую фляжку-нержавею, и огоньки пролетающих мимо поезда станций замелькали заметно веселей.

Чем дальше они ехали вдвоём, тем легче становилось на душе. Татьяна даже попыталась представить, что уже много лет знает этого человека, а после того, как кто-то из них погасил в купе верхний свет, то и вообще Николай Максимович стал похож на её супруга.

А может, есть резон расслабиться, послав к чёрту заботы, вчерашние хлопоты, никому не нужные условности?..

Когда адвокат положил руку на её обнажившееся в полураспахе почти домашнего халатика колено и заглянул в глаза, Таня не стала изображать удивление, а просто слегка прикрыла веки, и какие-то непонятные тени замесались по зеркальной поверхности за спиной неожиданного соблазнителя.

В Красногорск поезд прибывал ранним утром, и поэтому долго прощаться не пришлось. При первой же попытке Татьяны встать мужчина тактично вышел в коридор и снова появился в купе, когда она привела себя в надлежащий вид.

— Сейчас прямо в свою контору, — аккуратно повязывая галстук перед зеркалом, пояснил он.

— А я в гости к подруге, в Союз писателей, она там секретаршей работает, — прямодушно откликнулась Таня и только после этого сообразила, что зря она выдала истинную профессию Гунты, надо было её представить по крайней мере директором пропаганды, так было бы посольней.

— Наслышан об ихней братии, — довольно цинично отозвался о писателях адвокат, и бывшая «библиографша» даже обрадовалась, что так мало общалась со своим попутчиком.

Привокзальная суeta сразу же захватила приезжую; повсюду сновали встречающие, степенно раздвигали толпу своими тележками

долговязые носильщики, вкрадчиво предлагали услуги «левые» таксисты, и по-хамски хватали за рукава патентованные фирмачи.

— Куда едем? — бесцеремонно поинтересовался один из них у Татьяны.

Она посмотрела на привокзальные часы — почти восемь, скорее всего, Союз как творческая организация работает с девяти, значит, к Гунте домой она успевает, — и назвала адрес.

— Полкосухи устроит? — спросил таксист.

— Валяй, — Татьяна слушала шофёра вполуха, а сама посматривала по сторонам: их машина долго ехала по одной из центральных улиц, первые этажи домов были забиты различными магазинами, банковскими конторами, филиалами каких-то фирм.

Перескакивая в разговоре с одного на другое, таксист неожиданно круто свернул налево, подрезав путь чуть ли не десятку автомобилей, и остановился возле панельной девятиэтажки, в один из подъездов которой красногорская гостья вползла со своими сумками, сильно подозревая, что Гунту она дома уже не застанет. Трудно было предположить, что до её квартиры на «тачке» более получаса езды.

Действительно, потренькав бесполезным звончком, Таня вздохнула и пошла назад, ловить очередного «экскурсовода», чтобы ехать теперь уже в Союз писателей...

— Гунта, миленькая, я два часа каталась по городу, — тиская подругу, приговаривала Таня. — Сначала к тебе домой направилась, таксист разговорчивый попался, уболтал в доску, возможно, поэтому и тебя не застали, потом сюда на перекладных добиралась.

— Вообще-то до нас охотно берут, — умильно разглядывая подругу, изрекла секретарша. — Ты, наверное, устала с дороги. Я сейчас у шефа отпрошусь. Хочешь посмотреть на живого классика? Он даже в Москве печатался — правда, очень давно.

— Подожди, не суетись, — остановила болтушку Татьяна. — Ты пока занимайся своими делами, только от сумки меня избавь, а я посмотрю, чем вы в городе дышите, к Енисею заверну... Хорошо здесь, на Стрелке, читала я про ваши новшества.

— Посмотри, — неожиданно легко согласилась Гунта. — А то по Союзу поброди, губернатор ремонт нам недавно отгροхал.

— Гунточка, золотце, — в приёмную, которая в здешнем Союзе писателей размещалась почему-то в стороне от начальственного кабинета, заглянул молодой человек, весь кругленький, с лысиной во всю голову и в золотых очочках. — Мы с тобой договаривались на перепечатку, а то я уже и спонсора нашёл на издание книги.

— Некогда, Мусик, — то ли передразнила заскочившего в комнату литератора Гунта, то ли его в самом деле так оригинально звали. — Ко мне подружка приехала, так что насчёт рукописи поговорим позднее.

Гунта выпроводила очкарика и повернулась к Тане:

— Вообще-то Мукасеев — талант. Хочешь рукопись посмотреть?

— Да ну его, твоего Мусика, лучше расскажи, как живёшь.

— А никак. Когда из Таиланда приехала, ещё было о чём поговорить с ребятами, а теперь в основном их слушаю. У нас здесь «Литературный бар» открыт, вот где колоритные личности собираются. Хочешь, своего покажу? Неплохой паренёк, но... пьёт.

— Способные всегда так, — резонно заметила Татьяна.

— Так, да не так. Вот сейчас увидишь — уже под градусом.

Гунта не обманула. Когда они, пройдя по узкому коридорчику, появились в писательском буфете, за одним из резных деревянных столиков сидел мужчина лет тридцати пяти, в приличном костюме, при галстукe, по внешнему виду не уступал недавнему Таниному адвокату, а вот лицо — испитое, с огромными мешками под глазами, короче — лицо алкоголика, хотя сами глаза — до того красивые, голубые глаза русского поэта — беззащитно взирали на окружающих, не видя никого. — Антон Росляков, — представился Гунтин поклонник. — Пиво будете пить? Угощаю в долг: сама знаешь, Вилор не поставил в номер.

— Мы закажем, — засуетилась Гунта и решительно отодвинула руку Татьяны с протянутой пятисоткой. — У меня здесь кредит.

— Пью. А что делать? — Росляков с сожалением посмотрел на свою бутылку, повернув её к свету. — Все мы бездари, оттого и комплекс, хотя Аркаша Кутилов сказал когда-то: «Вот я умру, и вдруг оно заплачет, шальное племя пьяниц и бродяг...»

— Ты о ком? — поинтересовалась Гунта, она принесла вино и закуску.

— Об омском бомже. Давай помянем...

— Нет, сначала выпьем за мою ненаглядную подружку, — заупрямилась Гунта.

После не совсем уместного предложения недооценённого гения Таня выпила с большой неохотой, а у Гунты глаза потеплели:

— Мне твои стихи нравятся, особенно те, в которых ты о заморочках с женой рассказываешь.

Потом они пили «за тех, кто в море». Росляков, оказывается, ещё и в речном учился. Воспоминания перемежались анекдотами, реминисценциями. Прощались как старые знакомые.

— Хорошо живёте, — усмехнулась Таня. — Надо братцу твоему позвонить.

— И позвоним, и письмо напишем, билет в зубы, и — чемодан-вокзал. Только до Северска на автобусе часов пять, а дальше — у людей спросишь.

— Ничего себе объяснила, — покачала головой Таня и внезапно решила ехать завтра, чтобы не откладывать дело в долгий ящик.

— Завтра? — изумилась Гунта. — Я хотела у Вилора отпроситься, по городу тебя поводить.

— Сначала то, ради чего весь этот сыр-бор, а потом можно будет и красотами Красногорска наслаждаться.

— Ну, смотри, а то скажешь, что я тебя выпроваживаю, — сникла подружка. — Тогда надо Димке письмо писать, а ты можешь пока

местные новости посмотреть, они у нас — сплошной криминал: душат, бьют, как в Чикаго.

— У нас тоже недавно одного предпринимателя грохнули, в депутаты собрался.

И пока Сафонова бездумно пялилась в телевизор, Гунта бойко настучала послание своему троюродному братцу.

— Кажется, всё, — протянула писательская секретарша бумагу к жиндарёвскому замполиту.

Таня бегло посмотрела написанное и удовлетворённо хмыкнула. — Молодец. Теперь нужно Замаеву позвонить, пусть думает, что мы с тобой только и делаем, что телевизор смотрим и предаёмся воспоминаниям.

Замаев обрадовался или сделал вид; впрочем, говорить было не о чем, и Татьяна, наказав, чтобы он зря не донимал Гунту звонками, попросила позвать Светлану.

— Она где-то с подружками, — простодушно сообщил муж, и у заботливой мамы заняло сердце.

Выручила Гунта, которая изъявила желание поболтать с Николаем Александровичем.

— Смотри мне, не вздумай любезничать, — прикрыв трубку ладошкой, шутливо наказала она секретарше.

Пока тайландская знакомая болтала с Замаевым, Таня отыскала визитку, которую ей впопыхах сунул попутчик, и повертела её в руках, раздумывая: а не позвонить ли своему соседу по купе? Но благоразумие взяло верх над глупым желанием, и беспечная путешественница спрятала лощёный кусочек картона подальше, решив, что приключений впереди намечается предостаточно...

Провожая подругу в дальнюю дорогу, Гунта посоветовала:

— Смотри не увлекайся там сильно, а то променяешь хорошую жизнь на прозябание возле ээка, я тебя знаю.

— У меня, кроме личного интереса, ещё Светланка есть, — ответила Таня.

— Всяко может повернуться, — пожала плечами писательская секретарша. — А вон и троллейбус до самого автовокзала, оттуда на Северск экспрессы почти ежечасно идут. Катись на здоровье и помни: на обратном пути — жду!

— Жди, заеду, — пообещала Татьяна. — И привет Рослякову, пускай меньше пьёт, а больше пишет. Жалко талантливого человека.

Позже, уже посматривая из окна пропахшего соляркою ЛиАЗа, гостя Красногорска припомнила подвыпившего поэта, и ей стало бесконечно грустно; жалость к незнакомому человеку постепенно перешла на Мефодия. Таня представила, что вскоре свалится на голову бывшему мужу, словно снег на тайгу, неожиданно и беспечно, «Хорошо, что оделась соответствующим образом», — посматривая на обочины,

где тёмный окрас деревьев оттенял нарастающий снег, радовалась незадачливая путешественница. И всё-таки ей было страшновато: вот приедет в этот тмутараканистый Северск, а там скажут, что Жиндарёвка для гражданских закрыта: дескать опасная зона — зэка, убийства... это вам, девушка, не с адвокатами проводить время,— и только одно вселяло надежду — заступничество Гунтино брата. Майор — он и в Африке майор, человек солидный, почти как на картине Федотова: такой если скомандует, то куда все обидчики полетят.

Татьяна достала письмо и ещё раз перечитала Гунтино послание. Особенно ей понравилось то, что подруга характеризует её как чувственную и очень нежную особу, способную к самопожертвованию. «Правильно, я такая», — зевнула Сафонова и откинулась на высокую спинку кресла...

Проснувшись она от толчка; за окном — окраина деревянного городишки, какой-то забор, и по тому, как задвигались пассажиры, стало понятно: скорей всего, это и есть искомый Северск. Оказалось — нет, тоже райцентр, а до конечного пункта ещё больше часа пути. Вскоре дорожный асфальт сменился обыкновенной грунтовкой, правда неплохо прикатанной, тайга уступила место более скромной, угнетаемой северной непогодой, растительностью, всё чаще в просветах между деревьями виднелись пологие сопки, временами и вообще близлежащие пространства были очень похожи на болота, пока замершие и прикрытые слоем снега.

Сам город представился слегка ошарашенной женщине как невообразимая смесь всего старого и нового, деревенского и городского, ухоженного и заброшенного.

Чем пристальнее она осматривалась, тем более убеждалась, что вовсе не Красногорск, а именно Северск был некогда столицей сибирских золотоискателей, где сколачивались и проматывались целые состояния, но само наличие большого населённого пункта чуть ли не на краю ойкумены не сильно-то радовало заезжую туристку. Тане казалось, что будь Северск маленьким, она скорее бы нашла из него выход к неизведанной Жиндарёвке.

И действительно, в привокзальной сутолоке Татьяна окончательно растерялась, обругав себя за то, что ещё в Красногорске к сумке со своими дорожными причиндалами присоединила вторую, набитую продуктами для Мефодия. Помыкавшись с багажом, она махнула рукой на всякую предосторожность и, почти не спрашивая разрешения, оставила своё имущество возле какой-то с виду более приличной, чем окружающие, женщины. Та сидела среди громоздких баулов и с упоением лакомила мороженым.

— Присмотрю, — согласилась гражданка, — всё равно здесь торчать до вечера.

Таня хотела поинтересоваться, куда это женщина собралась, но потом заторопилась и бросилась очертя голову в толпу.

О существовании Жиндарёвки многие здесь даже не подозревали; кто-то говорил, что нужно ехать на другой берег Енисея, другие уточняли: мол, правильно, через реку, но не через сам Енисей, а минуя его протоку. Правда, лёд теперь стал непрочный, и лучше бы добраться до аэродрома, там какие-то вертолётчики не то раз, не то дважды в неделю наведываются в колонию.

— А после паром наладят, просто время вы неудачное выбрали...

«Может, вернуться, пока не поздно, — то-то Гунта продуктам обрадуется — купить приличное платье и снова закатиться хотя бы и в ресторан с красногорскими друзьями-писателями?» — в отчаянье думала Таня, возвращаясь к своим вещам. Женщина уже доела мороженое и стала более словоохотливой.

— В гости или по служебной надобности? — поинтересовалась она.

— На свидание, — осторожно ответила Татьяна.

— Значит, в Жиндарёвку или в Лузановку; если туда, то нужно в аэропорт.

— Мне бы в Жиндарёвку, — уже безо всякой надежды пояснила Таня.

— Тогда вам меня сам Господь послал, — женщина с таким видом посмотрела на собеседницу, что вроде она действительно является Михаилом-архангелом. — Сейчас никуда бегать не надо, скоро наша «летучка» подъедет, на ней мужики в управление покатали и за мной обязательно подвернут.

— А вдруг забудут? — ещё не до конца веря, что ей так здорово повезло, спросила Татьяна.

— Не забудут, потому что у моего благоверного ночное дежурство, а в доме шестеро сорванцов, их с собой в наряд не возьмёшь.

— Шестеро? — покосилась мамаша одной-единственной дочери на свою соседку. — Это когда вы успели? Вроде с виду ещё молодая.

— Двое — покойной сестры. Да мы привычные, хотя детям не климат, думаем на Большую землю перебираться. Вы сами-то из Красногорска или подальше? — оживилась незнакомка.

— Меня Татьяной зовут, — на всякий случай представилась Сафонова.

— Марина, — кивнула женщина. — Просто Марина, почти как по телевизору.

— Да и я — просто, а живу в соседней с Красногорским краем области. Климат у нас помягче, снега давно уже нет, и деревья вовсю зеленеют.

— Здесь Север, приедете через месяц — увидите белые ночи, зимой же — полярка. Я с трудом привыкала, за своим дурачком попёрлась, а тут с семьёю сестры несчастье, теперь её детям за мать.

— А супруг-то не против был? — любопытствовала Таня, поняв, что такое знакомство будет не лишним.

— Мужик у меня спокойный, приедете в Жиндарёвку — сами убедитесь.

— Да нет, мне бы в гостиницу, — заскромничала беспечная путешественница.

— Какая ночью гостиница? А вот завтра вам свидание предоставят, если зарегистрированы и всё другое...

— У нас брак гражданский...

— Ну, тогда не знаю, — женщина откинулась на сиденье и вытянула перед собой ноги. — Конечно, к бесконвойным наведываются девчонки, спят с ними за деньги, но это втихую. Начальство подобного не поощряет.

«Час от часу не легче, — подумала Таня, — меня за проститутку приняли. Неужели я так непритязательно выгляжу?» — и поспешила тотчас заверить многодетную мать:

— Мы с Кукарцевым хорошо жили, он порядочный человек, да и сел не по своей вине.

— Верю, верю, — улыбнулась соседка.

И в это время от входной двери ей замахал рукой какой-то военный. — А вот и Василий Данилович, наш завхоз, прапорщик, — выпалила Марина и подхватила с места. — Давай шустрее, а то «вохра» ждать не любит.

Почему оставшиеся в машине люди не хотели ждать, Тане стало понятно сразу, как только они загрузились в обтянутый тентом кузов, оказавшись в центре весёлой компании. Человек пять мужчин, две девчонки, наверное, из тех, о которых ей рассказывала Марина, уже сидели на боковых лавочках вдоль бортов, в ногах у пассажиров «летучки» были расставлены узлы и несколько ящиков с водкой.

Пока ехали по городу, публика грузотакси ещё сдерживалась, шалман начался на берегу реки.

— Пей, — протянули Тане алюминиевую кружку с эфирно пахнущей жидкостью.

— Нет-нет, спасибо, я не хочу, — отстранилась привередливая горожанка.

— И зря, так спокойней ехать, — заметила многодетная мамаша и без приглашения выпила водку залпом.

Остальные тоже не строили из себя паинек, и вскоре нутро машины превратилось в вертеп: кто пел, кто смеялся, сосед слева поинтересовался, как зовут незнакомку. «Зачем тебе?» — с отвращением подумала несчастная пассажирка и отвернулась, однако напористый донжуан в бушлате одной рукой приобнял соседку, а второй, когда машину сильно мотало, всякий раз хватался за Татьянину грудь. Она, как могла, оборонялась, со страхом посматривая вокруг и стараясь делать вид, что ничего не происходит. Машина мчалась по льду, колея которого была наполнена талой водой, и подумалось, что вот так же форсировали в сорок первом году Ладогу под Ленинградом, не хватало только воя летающих на бреющем вражеских самолётов, но этот вой с успехом заменяли гомерические раскаты пьяного хохота. Татьяна долго крепилась, но после того, как машина в очередной раз едва не ушла под лёд, отхлебнула из общей кружки. Хотела чуть-чуть,

а получилось много, к тому же водка пошла, как заметил один из военных, «в масть», и сразу стало покойно.

— Захорошело? — осведомилась Марина, глаза у которой блеснули и платок сбился набок. — Не бойсь, здесь только свои.

— А зачем они в город ездят? — подыграла соседке Таня.

— Да кто в комендатуру, кто по личному. У нас в Жиндарёвке есть продовольственный магазин, а чтоб товары какие — завсегда в Северске покупаем, — ответила многодетная мамаша и глянула во вшитое в брезент узкое оконце. — Уже скоро приедем, но, кажется, того... надо бы сбегать по нужде. Вася, посигналь Ренатычу, нам приспичило!

— Я тоже с вами, — безо всякого стеснения засобирался Танин ухажёр.

Несмотря на то, что Марина его уже пару раз отпихнула прочь, пьяный «дубак» продолжал попытки обнимать понравившуюся ему женщину, причём был он по-прежнему немногословен — просто лез, и всё.

— Какому Ренатовичу? — словно за спасительную ниточку, ухватила Татьяна за вроде бы знакомое отчество.

— Начальство наше в кабине едет.

— Начальство рядом, а здесь — такое? — изумилась новенькая.

— Ерунда, не впервой!

Наверное, в кузове нажали на сигнальную кнопку, потому что машина ещё немного прокатилась и встала.

— Володька с понятием, к кустикам подрулил. Пошли, бабоньки! — призывно махнула рукой Марина и стала первой пробираться к выходу.

Накрашенные девицы тоже поднялись, зашарашился и приставучий военный.

— Николаев, отставить! — громко распорядился прапор.

— Пошёл ты... — тот, кого назвали Николаевым, вроде бы помогая сойти своей соседке, повис на ней. — А вот мы... сейчас вот...

— Отстаньте, — попыталась одной рукой оттолкнуть от себя наглеца испуганная женщина, другой она держалась за поручень дверцы, потому что иначе они точно бы завалились в снег. — Да пустите же!

В это время Татьяна увидела, как из кабины выпрыгнул на снег, кажется, тот самый начальник, о котором упомянула её новая знакомая.

— Вы... вы... — жертва нападения рванулась к мужчине.

Тот оглянулся и не спеша подошёл к необычной парочке.

— Николаев, скотина!

— Извините, товарищ майор, вот слазил и поскользнулся, — «кавалера» как ветром сдуло.

— Что нужно? — уже более миролюбиво обратился подошедший к Тане.

— Я Сафонова, еду в Жиндарёвку, — Татьяне расхотелось афишировать, что она является пусть и бывшей, но всё же женой осуждённого.

— В Жиндарёвку? К кому?

— К Кукарцеву Мефодию Николаевичу, — выдохнула приезжая, понимая, что стремится не в дом отдыха, а в зону.

— Жена? — прищурился майор, и в это время из-за кустов появились облепившиеся бабёнки.

— Дмитрий Ренатович, это со мной, мировая девчонка, — безо всякого стеснения одёргивая юбку, обратилась Марина к Таниному спасителю.

— Дмитрий Ренатович...

Татьяна внимательно посмотрела на стоящего рядом: симпатичный, подтянутый; судя по отчеству, должно было быть в нём нечто восточное, но больше похож... и сразу вспомнилось Гунтино письмо. Да никак это её троюродный брат, замполит!

— Нагорный? — не веря своим глазам, нараспев произнесла виновница данной заминки.

— Точно, — удивился майор.

— Так я же к вам от Гунты с письмом...

Татьяна стала шариться в сумочке, пока не нашла нужную бумагу. Знакомый незнакомец бегло просмотрел написанное, и сразу всё встало на свои места.

— Девочки, в машину, а вы, — Танин заступник высадил из кабины какого-то лейтенанта, — садитесь!

Он помог подруге своей сестры сесть рядом с шофёром, затем влез и сам.

— Поехали!

Грузовик тронулся, и в это время над Таниным ухом заверещал сигнал тревоги,

— Чего они? — возмутился Нагорный.

— Николаева забыли, — глянул в зеркало заднего обзора водитель и, остановив машину, пошёл разбираться с отставшим.

— Так вы и есть та самая Гунтина подруга, с которой она на море отдыхала? — уже помягче спросил суровый майор у своей соседки. — Она мне звонила, но связь ни к чёрту. Сами видите, где мы живём, так что надо иметь смелость...

— Да вот, решила, — развела руками Татьяна.

— Хорошо стервецы сидят, если их жёны то в Индокитае, то на Крайний Север запросто катаются, — снова посуровел военный.

— У меня нынешний супруг — директор очень большого химического комбината, надоело быть женой ничтожного зэка руководительнице информационного центра...

— Да я понимаю, — иронично улыбнулся тот, — сам имею в родне...

В это время вернулся шофёр, и Нагорный умолк.

Интересно устроен человек: только что Таня всерьёз опасалась за свою жизнь, и вот уже, посиживая с братом знакомой, вспомнила про сумки — конечно, не о том, что их могут украсть, а вот облевать или перемять крепкими солдатскими задницами — запросто. Однако не станешь же смешить людей тем, что поведаешь о брошенной поклаже. — Это Енисей? — показывая на широкую белую полосу, которая простиралась параллельно дороге, спросила женщина.

— Он самый. Скоро конец санному пути, — уточнил майор.
— А как же я возвращаться буду? — затревожилась путешественница.
— Возвращаться зачем? Останетесь поселенкой, — полушутливо произнёс мужчина. — У нас треть таких живут за зоной со своими мужьями.
— Странная у вас здесь организация: вроде сидят — и... с жёнами.
— А у вас по-другому? — впервые за время пути откликнулся водитель.
— Расейскому мужику не привыкать, — уточнил замполит и показал прямо перед собой: — Вон и Жиндарёвка.

В тусклом свете умирающего весеннего дня Татьяна увидела слева от себя здание одинокой пятиэтажки, несколько домиков вокруг, в стороне что-то казённое — наверное, баня и кочегарка, последнюю выдавала высокая труба, которая едва дымилась; а правее, через дорогу, — зона, по всем правилам обнесённая колючей проволокой, даже вышки были по углам, но ворота почему-то открыты настежь; чуть в стороне от огороженной территории — не то сквер, не то парк, в котором тоже расположилось несколько неказистых строений; а уже далее — жиденькая тайга,

— Вы теперь куда? — поинтересовался замполит; видимо, он что-то обдумывал, но так до конца и не решил, как поступить с неожиданно свалившейся на него обузой,

— Меня Марина обещала пристроить, — робко заикнулась о своей новой знакомой бывшая жена настоящего ээка.

— Марина? Куда? Там же детский дом в миниатюре, притом она уже хороша. Пожалуй, сделаем так. Володя, ты сейчас публику выгрузай — и ко мне.

Таня растерялась, она почувствовала себя как в вакууме, словно уши заложило ватой, и от этого даже речь майора казалась глухой и растянутой. Усилием воли заложница сложившихся обстоятельств заставила себя сконцентрироваться и даже согласилась с предложением Нагорного, только попросив того побыстрее уладить все формальности.
— Утром отнесу ваши бумаги в комендатуру — и всего делов-то.

— А у меня только паспорт и удостоверение.

Таня поняла, что влипла. А чего бы она хотела, полулегально оказавшись на режимном объекте?

— Это не совсем по правилам, — покачал головой замполит, — бумаг нет, а факт прибытия налицо.

— А письмо? У вас же письмо... от Гунты, — как за последнюю соломинку, ухватилась Сафонова за Гунтино послание.

Замполит ещё раз зачем-то пробежался глазами по сообщению от своей сестры и махнул рукой:

— Вперёд и с песней.

А уже минут через десять Татьяна уверенно входила в холостяцкую квартиру Дмитрия Ренатовича, а водитель добросовестно тащил за нею тяжёлые сумки.

Когда Володя ушёл, майор предложил гостье раздеваться и даже поухаживал слегка, но он был не очень-то доволен тем, что на него свалилось.

«Зато трезвый»,— подумала Таня и ошиблась, потому что за ужином хозяин запущенной двухкомнатной квартиры достал из холодильника бутылку водки.

— Нет-нет,— запротестовала ещё не успевшая забыть про недавнее угощение в кузове грузотакси дамочка и только после усиленных приглашений позволила себе грамм пятьдесят.

— Значит, с Гунтой в Таиланде отдыхали?— оживился майор, наливаясь излишней уверенностью.

— Отдыхали,— подтвердила Татьяна.— Мы с ней сразу сдружились.

— А я сестрёнку почти не помню. В детстве девчонкой мелькала перед глазами, потом, классе в пятом, они с матерью к нам приезжали, вот и всё, прикинь.

Как-то плавно, без церемоний, перешёл на «ты» со своей новой знакомой майор. Таня «прикинула» и поняла, что слишком рассчитывать на родственные чувства Нагорного — лишнее, просто нужно выбить с него «свиданку» с Мефодием, и дело с концом. Но чем дольше продолжался ужин, тем развязней становился Гунтин братец и тем призрачней надежда на безоблачное пребывание здесь, в почти уже ненавистной Жиндарёвке.

Татьяна со страхом, который постепенно возвращался к ней, смотрела на развалившегося на стуле мужчину. Тот, вытянув ноги, пошевеливал громадными ступнями в чёрных хлопчатобумажных носках и рассуждал о нелёгкой солдатской доле:

— Жена от меня уехала, сына забрала, даже не разводилась. Городская, навряд ли тебя, а здесь какие удобства? Вот сегодня горячей воды почему-то нет, завтра — электричества, послезавтра — хлеб неудачный, пекарня для всех одинаково печёт. Опять же, публика у нас... общаться моей половине не с кем: несколько жён офицеров, остальные — вроде тех, которые с тобой ехали.

— У них-то, наверное, все бумаги в порядке,— постаралась как-то разведать ситуацию Таня, но тот засмеялся:

— Какие бумаги? Сейчас где-нибудь в каптёрках человек по десять, а то и больше, пропустят через себя, конечно, за деньги, вот и все бумаги. Народ здесь аховый, но рассчитывается исправно.

— Почему?— совсем глупо поинтересовалась наивная женщина.

Она понимала, что не стоит ввязываться в подобный разговор, поощряя нагловатого майора, но любопытство взяло верх.

— Потому. Если раз обманут, в другой кто сюда поедет? Ради интереса можно и в Северске найти на свой зад приключение.

— Что-то у меня голова разболелась,— сказала чистую правду Таня.

— Это мы сейчас,— хозяин квартиры неуверенно поднялся из-за кухонного стола, где они ужинали, и пошёл в комнату.

— Вот, — покидал он на потёртый диван относительно простиранные постельные принадлежности, и привыкшей к уюту женщине это бельё напомнило об экипировке плацкартных вагонов во времена её молодости: точно такой же серый и влажный комплект, — хотя стоило сказать спасибо и за это.

— Можно бы в спальне, да там у меня матрас провалился, а рейку прибить всё никак не соберусь.

Таня смотрела на высокого, ещё не старого мужчину в солдатских брюках и спортивной куртке, который мог бы многое в жизни успеть, а вместо этого прозябает в безвыходном одиночестве здесь, почти на краю света, без жены, без детей, разговоры которого дальше нужд зоны не распространяются, хотя они и поговорить-то как следует не успели.

— Да ничего, — сказала утомлённая гостья и стала застилать диван.

Конечно, Татьяне хотелось бы расспросить Нагорного о Кукарцеве, но ещё раньше поняла, что Мефодия тот не знает; наверное, не одна сотня эков находится на исправлении в Жиндарёвке. И всё-таки бывшая жена бывшего таксиста больше ради приличия заикнулась о муже.

— Кукарцев? Собирался им поплотнее заняться, да всё как-то недосут, а потом и бумажку, в которую фамилию записал после звонка сестры, задевал куда-то, — ответил мужчина и сделал шаг по направлению к сидящей на расправленном диване женщине. — Завтра лично узнаю и сделаю, а то посторонних в управлении не очень-то уважают, могут не так понять. Сколько их, с воли-то, приезжает в поисках приключений.

Таня опустила голову и снова обратила внимание на чёрные носки, потом её взгляд медленно переместился на брючину с красным кантом по боковому шву; последнее, что бросилось в глаза, — это руки, неторопливо растёгивающие ремень...

— Нет, я не хочу, — протестующе закричала она, и Нагорный бестолково замахал на неё:

— Тише ты, недотрога, здесь слышимость до пятого этажа, а за стеной «хозяин»! — как бы ни был пьян замполит, но сразу сообразил, что подобный концерт ему ни к чему. — Ну, не хочешь — ясно, устала, значит, пора отдыхать.

Руки мужчины продолжали нервно теребить ремень, теперь уже застёгивая его.

— А вообще-то смотри сама, но лучше тебе за меня держаться, иначе в такие лапы можешь попасть — изнасилуют и убьют. В Жиндарёвке и такое случалось.

«Изнасилуют и убьют...» Стоило ли ехать за тридевять земель, чтобы нарваться на подобное?

Нагорный ушёл на кухню: пил, курил. Таня чувствовала запах дыма, слышала бульканье наливаемой жидкости, а также глуховатое бормотание. Постепенно действительность стала отодвигаться куда-то,

растворяясь в полузабытьи. Ночью она просыпалась раза два, даже успела стащить с себя спортивный костюм, а когда окончательно проснулась, за окнами уже светало и никого в квартире не было.

Кое-как приведя себя в порядок, Татьяна через силу пожевала кусочек кисловатого хлеба и запила его остатками газводы из бутылки, чтобы выпитой водкой не отдавало, а перекусив, стала собираться, сама не зная куда. Она уже пошла к выходной двери, когда решила ещё раз заглянуть в сумочку и с ужасом обнаружила, что паспорта там нет — может, в большую сумку сунула. Перерыла и в ней всё до дна и только тогда сообразила: наверное, замполит забрал регистрировать или в отместку за вчерашнюю несговорчивость. Сразу вспомнились рассуждения о здешних порядках, и впечатлительная женщина заставила себя снять куртку и хотя бы до обеда не дёргаться.

На тумбочке в спальне у Нагорного стоял телефон, но, боязливо заглянув туда, она с отвращением отметила, что матрас действительно провалился на пол, низкие бортики деревянной кровати возвышаются над скомканной несвежей постелью.

Ждать пришлось часов до десяти. Ключ клацнул в замочной скважине, и вчерашний её покровитель или, верней, притеснитель предстал перед своей наложницей снова по-военному подтянутым, бодрым и самоуверенным.

— Всё,— заявил он безапелляционно с порога,— Кукарцев твой в «холодильнике» сидит вторые сутки, поспорил с кем-то, а ты говорила, что мужик спокойный, рассудительный. Теперь до конца недели, а то и больше.

— Выходит, я зря моталась?— невольно подстраиваясь под майорский жаргон, неуверенно спросила Татьяна, забыв о паспорте.

— Может, и зря, а может... Я тут документ твой без спросу взял, спала сладко, после хотел по телефону предупредить — не работает.

— Что же мне делать?— в отчаянье вскрикнула неудачница.

— Пока остаётся одно — ждать. Во дворе погуляй, только к зоне не суйся: утянут эки за проволоку, потом ищи виноватых,— заботливо посоветовал майор и добавил: — Кстати, обрати внимание: собачьего лая не слышно.

— Почему?— удивилась Таня.

— А здешний контингент всех слопал, даже у начальника лагеря и то выкрали породистую такую... овчарку.

— Овчарку?— обомлела испуганная женщина.

— За милую душу — вместо баранины. Ну, я пошёл, хотя про Кукарцева ничего пока не обещаю — права качать меньше надо. И вот ещё что: второй ключ от двери в прихожей висит, на гвоздике.

Пространные объяснения Нагорного возымели своё действие, и Татьяна решила никуда не ходить, а чтобы скоротать время, принялась за уборку: мыла и чистила, скоблила и выметала, только

майорскую кровать оставила неприкосновенной, даже обед из подручных продуктов сварить успела, частично истратив на это из тех, которые везла Мефодию.

Хозяин заявился домой под вечер. Остановившись на пороге преобразённой квартиры, опешил.

— Зачем ты это? — только и спросил.

— Я там в ванной занавески и шторы постирала, только сушить где — не знаю. На балкон заглянула — бечёвка есть, но слабая.

— Это чтоб рыбу вялить, — смутился майор.

— Ну, обед я тебе без рыбы сготовила. Проходи.

— Да теперь, считай, ужин... — и, словно в благодарность за проявленную инициативу, протянул Тане паспорт и какие-то бумаги к нему. — Здесь пропуск в зону и всё такое, так что можешь собираться, а то мужик-то, поди, соскучился.

— Уже? — руки у Татьяны опустились.

Столько ждала, стремилась — и вдруг... растерялась.

— Собирайся быстрее, провожу. Может, Гунте расскажешь, какой у неё брат внимательный.

«А он совсем не похож на зашоренного служаку», — думала Таня про своего провожатого, с трудом успевая за замполитом, хотя тот и нёс оба сафоновских баула.

— Здесь у нас магазин, — попутно объяснял, что к чему, майор. — А вот и КПП... приготовься!

Впрочем, вошедших пропустили без лишних формальностей, даже не обыскали. Зайдя во двор зоны, Таня почувствовала себя так, словно Нагорный, в отместку за вчерашнюю строптивость, обрёк нелегальную дамочку на арест.

— Сворачивай налево, — скомандовал провожатый. — Видишь общежитие? Там и устроишься.

Зайдя вовнутрь приземистого деревянного здания, Таня со страхом и интересом огляделась: ничего особенного, обыкновенная казённая, какие-то правила под стеклом на зелёной доске, всё обыденное, и если бы не зарешёченные окна, то даже не скажешь, что это кутузка.

Дежурный вызвал какого-то мужчину, и тот, встречая приезжую, спросил:

— Мужика сразу приведут или...

— Сразу, сразу, — ответил Нагорный. — Ты ей, Ефремович, на кухне всё покажи, с постановой нашенской ознакомь, ну и, конечно, чего нельзя...

— Всё можно, кроме спиртного и наркоты, — стал наставлять Татьяну распорядитель.

Общежитие для приезжих Тане понравилось, особенно кухня, только слегка смутили тараканы, которые время от времени пробегали куда-то по своим тараканьим делам, вовсе не обращая внимания на людей.

Возле большой шестиконфорочной плиты хозяйничали две дамочки. Они безразлично посмотрели на новенькую и отвернулись, словно желая поскорее отделаться от постороннего взгляда.

— Твой не тубик? — небрежно спросил Танин провожатый, когда они шли по узкому коридору, с одной стороны которого находился ряд дверей, крашенных тёмно-зелёной краской, что настроения, конечно, не поднимало.

«Прежде здоровым был, а сейчас не знаю», — с ужасом подумала Таня. — У нас для тубиков специальные комнаты и посуда, — уточнил тот, кого Нагорный назвал Ефремычем, — невзрачный мужчина в военной форме и в погонах прапорщика.

«Какой исполнительный», — подумала Татьяна, заходя следом за провожатым в небольшую комнатку с двумя кроватями по обе стороны, столиком и тумбочкой в углу у входа.

— Располагайтесь, — кивнул на прощание прапор и ушёл.

Таня с тоской осмотрелась вокруг, приоткрыла тумбочку: алюминиевые тарелки, ложки, две кружки. «Как для поминок, даже вилок нет. Да-а, залезла я куда не просили, — размышляла упавшая духом женщина. — Вот придёт Мефодий — и что, ночевать с ним придётся, а иначе... для чего нас сюда приносит нелёгкая?..»

Добровольная затворница со злостью пнула ногой одну из сумок, которые сиротливо дожидались своей очереди. В это время послышались шаги по коридору, дверь в комнату открылась, и внутрь заглянул мужчина. Если бы Таня встретила его на улице, то могла бы поспорить: это не Мефодий! Измождённое, худое лицо, коричневые круги вокруг глаз, на щеках щетина, бледная полоска губ, тонкая шея. Он был в чёрном хабэшном костюме и в чёрной шапочке с козырьком, которую называют, как позднее пояснил бывший супруг, «пидоркой».

Едва-едва узнаваемый, он растерянно стоял у порога и хлопал глазами. Татьяна пристыла к табуретке, на которую плюхнулась от неожиданности. Таких горемык она уже имела возможность видеть издалека, когда шла сюда, но те вольно разгуливали по зоне, а тут...

С появлением Кукарцева в комнатке стало ещё мрачней, и чтобы хоть как-то настроиться на встречу, Татьяна себя представила на его месте и шагнула вперёд, для чего-то совсем глупо поинтересовавшись: — Ты не тубик? — но, не дождавшись ответа, с маху обняла своего бывшего мужа и заплакала.

— Нет, — ответил мужчина, — просто от недоедания. Я последнее время наказан был. Сказали, Нагорный похлопотал, и вот... не знал, что думать. Сначала решил: Ренатович опять со своими воспитательными штучками...

— Я тебе иконку привезла.

Ещё утром, роясь в поисках паспорта, Татьяна нашла в большой сумке случайно завалявшуюся иконку, которую купила когда-то в одном из сувенирных ларьков, просто на всякий случай, и вот — сгодилась.

— Николай Чудотворец, — произнёс Мефодий с почтением и поставил подарок на стол, прислонив к стене.

— Говоришь, в карцере сидел? Всё правоту доказываешь? — стала торопливо увещевать мужа расстроенная подвижница, выставляя на стол банки и баночки, пакеты и коробки с продуктами. — Кормить тебя буду, жалеть, — а сама краем глаза заметила, что и у Мефодия нервишки сдали, тоже вот-вот расплечется.

— Тоскливо мне здесь, всё чужое, — глухо поведал он и, не дожидаясь, когда бывшая жена что-то сварит, стал торопливо есть всухомятку.

— Сейчас супчик организуем, минутное дело. Меня ваш прапор с кухней познакомил.

Таня взяла кастрюльку, достала концентрат и пошла туда, где до этого колдовали тоже чьи-то хмурые жёны. Одной уже не было, вторая настороженно отодвинулась в сторону, но, увидев заплаканное лицо, поинтересовалась:

— Впервые здесь?

— Да, — кивнула Таня, наливая воду в кастрюльку.

— А я третий раз, теперь освоилась. Эту конфорку занимайте, она самая быстрая, другие пока разогреются. Здесь прежде база золотодобытчиков была, кухня и общага от них остались, а ещё баня и кочегарка.

— Я видела, — поддакнула Татьяна.

— Вы кого приехали навестить? — спросила незнакомка, впервые открыто глянув на собеседницу, и стало понятно, отчего она упорно не желала поднимать головы: на левом глазу у Таниной собеседницы было заметно бельмо — правда, с одного края, но всё же.

— К бывшему мужу, — не в силах оторвать взгляда от изъяна, сказала жена строптивного ээка.

— Это мне здесь глаз повредили, — вздохнула соседка и стала торопливо мешать картошку, которая жарилась на сковороде, распространяя едва ли не на всё общежитие умопомрачительный запах.

— Как же вы так неосторожно? — в свою очередь любопытствовала Таня.

— Уметь надо, — усмехнулась женщина и показала на плиту: — Побегит!

«Повариха» схватилась за алюминиевую ручку пальцами и успела передвинуть кастрюльку на соседнюю конфорку, но при этом запрыгала и замахала рукой.

— Сожглись, — посочувствовала более опытная стряпуха и тут же представилась: — Меня Капитолиной зовут, а проще — Капой.

— Татьяна...

Пока доваривали ужин, разговорились, и если Сафонова больше упирала на то, что Мефодий сидит случайно, то Капитолина, едва ли старше своей новой знакомой, разве повыше и пофигуристей, почти фотомодель, сообщила прямо:

— А мой по пьяни подрался и человека насмерть забил в состоянии невменяемости, вот и схлопотал пять лет...

Когда Таня со своим «быстросупом» собралась уходить, новая знакомая предложила:

— Я вам картошки в тарелку отложу, накормите своего бедолагу. Я его видела в коридоре, когда к вам шёл: совсем спал с лица, сердешный.

При виде жареной картошки Мефодий оживился, он и суп ел почти по-собачьи, быстро-быстро. Таня сидела напротив и, чтобы снова не расплакаться, стала рассказывать о женщине у плиты.

— С бельмом-то? Я про её историю слышал, сама из Северска. Как тебе городишко?

— Достаточно убогий. Может, раньше гремел, а теперь... Впрочем, и здесь у вас тоже не очень-то. Спасибо, Нагорный помог, моей подруги какой-то родственник, тебе Светланка писала о Гунте.

— Писала. Как она там, девчонка-то? Хоть бы фотографию привезла.

— Это твоя защитница любит, одно время даже на видео засветилась.

— Артисткой будет, — расправляясь с картошкой, сделал вывод Мефодий.

— Уже артистка, с Замаева поездку в Таиланд стрясла, но о тебе, видит Бог, не забывает, — и Таня скоренько перекрестилась, глядя на подаренную иконку.

— Светланку понимать нужно, а не воспитывать, — мужчина строго посмотрел на бывшую супругу, но получилось это у него опять как-то жалостливо, и, словно спеша перевести разговор на другое, спросил о Никулиных.

— Стас баллотировался в депутаты, но пролетел, Миррка же по-прежнему крутится за двоих, зато при деньгах. Никула за иномаркой в Калининград ездил, фикус мне с запада привёз, по пути где-то выцепил.

— Ты тоже словечек поднахваталась, — Мефодий разговаривал всё так же глухо, стараясь не поднимать глаз.

Когда ешь закончил, снял свою чёрную спецодежду и прилёг на кровать.

— Отдохну маленько по-человечески, а то в «холодильнике» все бока отдал железом.

— Ты уже в годах, а всё правду ищешь, — осуждающе произнесла Таня. — Мне Нагорный рассказывал, что права качаешь, подрался с кем-то.

— Странно ты рассуждаешь: если подрался — значит, виноват, — приподнялся на локте Кукарцев. — Просто законы здесь волчьи, а люди — такие продуманные встречаются, что сил нет смотреть.

— Ладно, отдохни, я посуду помою, — примиряюще заметила Таня и пошла на кухню.

Там, возле раковины, в которой моют посуду, уже стояла Капитолина и, вытирая слёзы, смотрела в зарешечённое окно.

— Что случилось? — спросила Татьяна, ставя чашки на оббитый оцинкованным железом стол.

— Старые разборки, — буркнула жена неизвестного заключённого.

— А мой вас за картофель благодарил, он сразу догадался, от кого презент, — решила хоть таким образом разрядить обстановку Таня и почувствовала, как у неё задрожал голос.

— Наверное, поведал о здешних нравах? — шмыгая носом, поинтересовалась Капитолина. — Вы без приключений на свиданку попали?

— Да нет, в дороге, пока ехали через Енисей, думала, всем хана: «дежурка» битком набита, все пьяные, а колея полна воды.

— Сегодня приехали?

— Вчера. Ночевала у здешнего замполита, с его сестрой вместе в Таиланде отдыхали.

— У Нагорного?

— Знаете его, да? — оживилась Татьяна, слегка пододвигая посуду ближе к раковине и тем самым давая понять, что делу время, а потехе час. — Нормальный мужик, в дороге от пьяного защитил и сюда без проблем устроил.

— Нагорный у них за няньку, сам с начальством такие порядки завёл, теперь расхлёбывает. У тебя закурить нет? — спросила Капитолина. — А то к мужу возвращаться охоты нет, пусть переберется.

Таня отрицательно покачала головой и предложила:

— Вы домывайте свою посуду, а я возьму у Мефодия.

Когда новоявленная «декабристка» зашла в комнату, то увидела, что Кукарцев спит, словно оловянный солдатик, вытянувшись на чистой постели поверх одеяла. В застиранной тенниске, в цветастых семейных трусах, как большой ребёнок, только лысина выдавала его возраст, и Тане снова стало жалко этого нескладного и фактически чужого ей человека. Стараясь не шуметь, она осторожно сгрэбла со стола сигареты и спички, когда же вернулась на кухню, то Капитолина, вымыв свою посуду, домывала уже и сафоновскую.

— Это хорошие, с фильтром. Правда, не «Вирджиния», но у нас на работе девочки с удовольствием их курят, — зачем-то наговорила на своих коллег Татьяна: кроме Лены, слабый пол в «информашке» был некурящим.

— В Таиланде бываешь, «америку» за рядовое курево считаешь, да ещё и оправдываешься, — раздумчиво разминая в пальцах сигарету, произнесла женщина. — Наверное, мужик много денег оставил?

— Да нет, этот — бывший, у меня теперь другой, директор электрокомплекса, — впрочем, безо всякого хвастовства сообщила жена добычливого человека. — Я тоже неплохо зарабатываю, так что на жизнь хватает.

— А как он тебя сюда отпустил?

— Да нет, я к подруге, сестре Нагорного, вроде бы в гости поехала, в Красногорск, а сама — здесь оказалась.

— Значит, ревнивый, — удовлетворённо хмыкнула Капитолина и, не дожидаясь ответа, добавила: — Мой тоже зверь. И зачем я только к нему езжу? Но, с другой стороны, — женщина нервно затянулась сигареткой, — я его не виню, постановка подлая. Вот глаз почему у меня такой? — помолчала и добавила: — Во время первой поездки попала к здешним псам на прописку.

— Как это — на прописку? — догадываясь, что её собеседница оказалась в нерядовой ситуации, спросила Таня.

— Очень просто. Ломакина моего в карцер сунули, а меня к себе «дубаки» затащили. После Сашка узнал, взъярился, досталось мне на орехи.

В это время на кухню заглянул мужчина, одетый почти так же, как и Мефодий.

— Здесь я, здесь, — откликнулась женщина, — скоро буду.

Татьяне стало понятно, что это и есть тот самый Ломакин, из-за которого её новая знакомая столько терпит.

— А тех, которые над тобой издевались, больше не видела? — подождав, пока Капитолинин супруг исчезнет, снова невпопад спросила Сафонова.

— Куда там! Один мне после сказал: «Не вякай, и будет твоему козлу здесь не зона, а рай». Ничего живётся, не жалуется.

— Ради мужа, значит, — сказала Таня и поёжилась, представив себя на месте этой почти незнакомой женщины.

— Осуждаешь меня? Наверное, решила, что я от рождения стерва?

— Нет, зачем же? Просто их беспредел возмущает.

— Ты когда назад?

— У меня только сутки в запасе, так что, наверное, послезавтра. Всё равно Кукарцева на день в карцер уводят, это его нелегально Нагорный устроил таким образом, да и мой настоящий муж может запросто в Красногорск позвонить.

— Тогда до Северска вместе поедем, я тебя домой провожу.

Когда Татьяна вернулась в комнату, Мефодий уже проснулся и что-то искал на столе.

— Кипяточку бы... — попросил он, как маленький, и когда получил желаемое, то, высыпав в кружку едва ли не половину пачки цейлонского чая, залил его горячей водой.

— Чифирь? — несмело переспросила Таня.

— Да самую малость. Ломает меня всего и в сон клонит. Ты с кем на кухне трещала?

— Да всё с той же Ломакиной.

— Дрянь у неё мужик, всех закладывает, через такого же и я залетел.

— А Капитолина хорошая.

— Хорошая, только с «дубаками» спала. Каждый устраивается как может, — Кукарцев поднял бумажку, которой перед этим накрыл свой «чай», и осторожно сделал первый глоток. — Хочешь попробовать?

Таня, больше из любопытства, отхлебнула из кружки.
— Тьфу, гадость, горчит, — сморщилась она.
— Нужно с карамелькой, тогда кайфово.
— Как ты живёшь, кем работаешь? — поинтересовалась Татьяна, глядя на блаженствующего мужчину,
— Я же писал, с тех пор — без перемен: на машину меня не ставят, молодых хватает, лес валим, есть своя мастерская — мебельная,
— Так, пожалуй, и краснодеревщиком станешь?
— Стул или шкафчик запросто смастерить смогу.
— А я теперь у Замаева со Светланой живу. Ритка в нашу «хрущёбу» вселялась, когда из деревни в город перебралась, а теперь свой коттедж обменяла на неплохую квартиру. А твой дом цел, так что без крыши над головой не останешься, когда вернёшься.
— Спасибо. Только вернусь ли? — вздохнул Мефодий, и Татьяне снова захотелось плакать.

Спать ложились на разные кровати. Бывший супруг даже не сделал попытки, чтобы приласкать женщину, приехавшую к нему. И на Таню словно столбняк нашёл: то, что легко получалось с другими, в данном случае переросло в проблему, Она понимала: первый шаг за ней, Мефодий и прежде не отличался смелостью, тем более здесь, где в зарешечённое окно падал свет от лагерного фонаря, словно бы предостерегая людей от необдуманных поступков. И всё же Татьяна решилась: изворачиваясь под одеялом, освободилась от ночной рубашки, оставшись в одних плавочках, мысленно перекрестилась и, волнуясь, словно до этого никогда не спала с мужчиной, устремилась вперёд.

Мефодий испуганно дёрнулся, и только когда Таня его обняла, весь напряжился... Вскоре они оба забыли и про тюремное окно, и про наружную охрану; казалось, даже мир перестал существовать для почти случайно встретившейся в Жиндарёвке пары. Бывшие муж и жена любили друг друга и, несмотря на слишком разные у обоих планы, знали: пока вдвоём, нужно жить, хотя по отношению к настоящему мужу Татьяна поступала бесчестно.

«У Замаева всё есть, — думала она, поплотнее прижимаясь к Мефодию, — а у этого бедолаги — ничего, и виновница данного беспредела — я...»

Жалость снова наполнила женскую душу едва ли не до краёв, и вдруг Таня стала казаться себе очень маленькой, тело её затрепетало, и, чтобы убедиться в реальности своего существования, женщина застонала, она почти плакала, обнимая такого близкого, хотя и чужого ей, человека.

После завтрака Кукарцева увели, и Татьяна осталась одна. Капитолина не появлялась на кухне, и, походив по коридору, женщина вышла в парк. Там висевшее на верёвках бельё несколько очеловечивало мрачный пейзаж вокруг эковского посёлка. Весенний день

был не лучше, не хуже всех остальных: тучи плотно прикрывали небо, только изредка пропуская к земле жидкие порции солнечного тепла и света. Тане хотелось побродить по посёлку; для этого нужно было перейти через пустырь и дорогу, а значит, удалиться от общежития, но, помня предупреждение и рассказы Капитолины, жиндарёвская пленница ограничилась гулянием по скверу.

Отсюда была достаточно хорошо видна жизнь за проволокой, хотя ничего интересного для созерцания Татьяна не обнаружила: справа — домики и бараки, слева — здание, скорей всего, мастерской, пилорама и брёвна, которые эки превращали в доски и брусья. Сами обитатели запроволочного пространства напоминали обличьем Мефодия, в таком же тёмно-сером мышинном одеянии, все они куда-то спешили, и только некоторые посматривали в сторону празднично шатающейся по скверу дамы: Впрочем, в отдалении она заметила прохаживающегося старичка, очень чистенького, аккуратненького, будто игрушечного, который странным образом старался всё время держаться поближе к Тане. Чем она привлекала к себе этого бедолагу, Таня не знала, но, словно перестраховываясь, поспешила назад, в общежитие. На сей раз её новая подруга была на кухне. Капитолина заканчивала готовить обед, когда туда вошла Татьяна.

— Ну, как дела? — поинтересовалась жена ревнивца.

— Мефодия увели. Вот, гуляла по скверу, можно сказать, на пару с каким-то старикашкой, так и ходил по пятам.

— Поздравляю: этот божий одуванчик жену грохнул, теперь здесь прохлаждается.

— Свою жену? — ужаснулась Таня, вроде бы если чужую — то всё в порядке.

— Стопудово. Но ты не бойся, он смирный, а ходил за тобой, потому что о дочери тоскует, она от него отказалась.

«Да что это за место такое — всем плохо? — подумала Татьяна, провозжая Капитолину взглядом. — К тому же день такой длинный, ещё одного такого не выдержу. Надо бы Дмитрию Ренатовичу позвонить, узнать, когда можно съехать».

— Завтра наша «дежурка» в Северск едет, — ответил Нагорный. — Мне ребята подсказывают, там ещё Ломакина из общаги собиралась.

Таня помчалась в комнату Капитолины. Та сидела на кровати в обнимку с Ломакиным. Известие о Татьянинном отъезде оба восприняли с удивлением.

— Ты же только приехала!

— Да нет, если считать с дорогой в оба конца, четверо суток выходит. А вдруг Замаев спохватится?

— Обедала? — поинтересовалась подруга.

— Перехватила чуток. Мефодия подожду, тут немного осталось. Каково ему здесь, не знаете? — в свою очередь спросила она у самого Ломакина.

— Не ладит с братвой. Недавно шухер затеял, думает, что в зоне без понятий проживёт, а здесь своя постанова.

Таня слушала разглагольствования чужого мужчины и всё больше жалела Кукарцева. «Пропадёт он тут»,— подумала она, но менять решение об отъезде не стала и вечером, когда Мефодий появился на пороге комнаты для свиданий, сказала, собирая к ужину нехитрый стол:

— Завтра уезжаю. Звонил Нагорный, машина в город идёт, чтобы назад успеть до конца ледовой переправы.

— Успеешь,— горько усмехнулся бывший муж.— Местные ещё долго туда-сюда мотаться будут.

— Они привыкли, а мне страшно.

— Человек ко всему притерпеться может,— потянулся Мефодий к пачке чаю.

«Издеваются над людьми, словно на дворе средневековье. Постановова у них тут — жизнь по понятиям»,— вспомнились Татьяне слова Капкиного супруга.

— По понятиям — это как?

— Значит, по уголовным законам: как братва решит, так и будет; а вообще-то правда твоя, человек здесь — ничтожество.

— Надо как-то мириться, тебе одному их не переделать.

— Мужикам всегда тяжело, пальцы гнуть не умеют, да я и не хотел бы. Может, «купчику» выпьешь?

— Зря ты чифирить пристрастился,— покачала головой Таня.— У тебя и без того с желудком проблемы.

— Жалеешь, словно жена,— кажется, слегка осерчал Мефодий.

— А кто я тебе? Жена и есть. Вот подожди, будешь себя хорошо вести — вместе со Светкой приедем.

— Со Светланкой? — вскинулся мужчина и тут же обмяк.— Нет, девчонке сюда не надо, рано ей подобное паскудство видеть. А насчёт чифирия ты не права, он мозгам не даёт закинуть, к тому ж лекарство. Здесь много чего узнаешь. В Новосибе, пока в СИЗО парился, видел, как один стержнями от авторучки вяжет, лучше, чем спицами или крючком.

— Сам-то какое ремесло освоил? — только чтобы не молчать, спросила Таня.

— Режу по дереву изредка,— прихлёбывая свой «целебный» напиток, изрёк Мефодий.— Жаль, что в кутузке сижу, а то такую бы тебе рамочку подарил... на память.

— Никак умирать собрался? Подаришь ещё,— погладила мужа по руке невольная «декабристка». — Главное — носа не вешать. А то, что я с другим живу,— сам понимаешь, на воле тоже не для каждого кредит в хорошую жизнь открыт. Мы со Светкой одно время даже на полу в своей квартирёшке спали, это когда из деревни перебрались, не то чтобы на грузотакси — на булку хлеба порой денег не было.

— Да я понимаю. Живите, если срослось, оно и нормально, если мужик что надо попался.

— Ломакин, Кукарцев, на выход!

— Я пошёл, — Мефодий поднялся с кровати и шагнул к Татьяне. — Теперь не знаю, когда увидимся, да и увидимся ли. Ты это... больше не рискуй, повидались, и ладно.

— Иди, — Таня неловко обняла своего бывшего мужа и сразу же отстранилась, стало трудно дышать и невольно подумалось, что неотложки здесь нет.

Когда в комнату заглянула Капитолина, то нашла свою новую подругу по несчастью уже собравшейся, оставалось слегка подкрасить губы и уложить последние вещи в сумку, которая теперь стала намного легче.

— Проводила? — дежурно поинтересовалась женщина.

— Словно долг исполнила. К первому мужу на кладбище почти не хожу, а сюда приехала, — вздохнула Таня и спросила: — Пора? Тогда присядем на дорожку.

Выходили из общежития, словно много лет знали друг дружку.

— Вон тот старичок, — показала в сторону сквера Капитолина, — наверное, в курсе, что мы уезжаем, пришёл проститься.

Увидев, что его заметили, женоубийца торопливо стащил с головы шапчонку и поклонился, Таня кивнула в ответ, Капа помахала рукой: — Живи, дедуля!

На бетонной площадке перед управлением уже стояла знакомая Татьяне машина, возле неё прохаживалось несколько человек, чуть в стороне разговаривал с кем-то из военных сам замполит. На подошедших посмотрел приветливо:

— Готовы штурмовать материк, десантницы?

— Неужели дорога плохая? — переполошилась Татьяна.

— Обыкновенная. Вот Данилыч с вами поедет, а он рисковать не любит.

— Главное — не умирать прежде смерти, — усмехнулся военный.

— Эту к себе в кабину возьмишь, — показал Нагорный на подругу своей сестры. — Она у нас жена ба-а-альшого начальника, таких беречь надо.

— Я с Капой в кузове поеду, — заупрямилась Татьяна, ей стало неловко перед новой знакомой.

— Ты с Капой? — удивился майор.

— Да пусть обе к шофёру лезут, всё-таки слабый пол, — великодушно предложил собеседник Нагорного и отошёл в сторонку.

— Гунте привет. Звонить мне сюда бесполезно, но пусть не забывает, — стал изъясняться в родственных чувствах совсем раздобревший майор. — В гости её не зову — как видишь, не побережье Чёрного моря, да и к бывшей жене собираюсь в отпуск, всё-таки сын у меня. — Передам, — согласилась Таня. — Мы с ней ещё в филармонию сходить хотели.

— Живут же люди, — усмехнулся Нагорный и, подхватив Татьянину сумку, зашагал к машине, потому что оттуда уже махали рукой.

Подсадив Капитолину в кабину, Татьяна ухватилась за ручку и почувствовала, как сильные руки их провожатого помогли ей самой оказаться там же. Ещё раз помахали друг другу, и «летучка», обдав майора синим дымком, тронулась с места. Таня смущённым и любопытным взглядом напоследок окинула посёлок. Где-то здесь шустрил муж её попутчицы, Сашка Ломакин, и сидел в сыром карцере невезучий Мефодий. Капитолина молчала. Водитель включил магнитофон, и почти всю дорогу женщины вынуждены были слушать блатные песни.

К удивлению приготовившихся к самому худшему пассажирок, дорога через Енисей не показалась такой уж гиблой, как прежде: может, оттого что ехали они по морозцу, а может, просто в кабине меньше потряхивало, — но как бы там ни было, дамы быстро освоились, хотя говорить ни о чём не хотелось. Только где-то на полпути, когда солнце стало особенно припекать, Татьяна, опуская картонный щиток перед лобовым стеклом, спросила:

— Летом здесь гнуса и комарья, наверное, много?

— Хватает, — согласился водитель.

— Гнуса везде достаточно, — двусмысленно заметила Капитолина, и на этом дорожная беседа закончилась.

К Северску подъехали в полдень, потом долго петляли по непривычно широким, правда, далеко не городским, улицам. Наконец, «дежурка» остановилась совсем не там, где рассчитывала оказаться Таня: она думала, что водитель довезёт их до вокзала.

— А это и есть автовокзал, с задов заехали, — пояснила Капа, когда женщины высадились на дощатый тротуар.

— Автовокзал? Тогда нужно узнать: может, ещё не все экспрессы ушли в Красногорск, — заторопилась горе-путешественница.

И всё, что ей пришлось пережить за последнее время, словно бы отодвинулось далеко-далеко. Хотелось скорее туда, в привычную суету и хоть в какой-то цивилизный порядок; даже на предложение Капитолины отдохнуть денёк у неё, а потом ехать дальше ответила отказом.

— Тогда пошли, провожу, — понимающе улыбнулась та. — Вон, кажется, то, что тебе нужно, — и показала на какой-то большой автобус.

Оказалось, что приехали они вовремя, очередной рейс на Красногорск намечался через полчаса, так что перед Татьяной замаячила перспектива оказаться у Гунты засветло, а не торчать ещё сутки в этой деревянной прихожей ГУЛАГа.

Усадив свою новую знакомую на свободное место, а таковых в салоне ЛиАЗа оказалось достаточно, Капа заметила, показывая на подвешенный впереди по проходу телевизор:

— Кончается тмутаракань, начинаем жить как белые люди. Может, напишешь? Хотя — о чём?.. Со своим-то чего решила?

— Не знаю. Может, Гунта когда через Нагорного будет о Мефодии ему напоминать, да Кукарцев и сам с моей дочерью переписывается.
— Ну, тогда прощай. Встретились и разошлись, как в море корабли.
— Ты тоже никак захандрила? — удивилась Татьяна.
— Да нет, просто у каждого свои заморочки. В общем-то, что хорошего? Сама увидела, — сказала Ломакина и, резко повернувшись, пошла от автобуса, высокая, стройная, с неприятно изуродованным лицом, и Таня потом всю дорогу вспоминала слова Капитолины, которые она сказала ещё раньше, в зоне, что поездка туда старит женщину, сколько бы лет ей ни было.

Гунта встретила подругу восторженно и сразу выдала комплимент, обратный тому, о чём говорила Капитолина:

— Да ты у нас даже помолодела. Вот Мефодий-то как обрадовался, наверное, наголодался во всех смыслах.

— В следующий раз тебя отправлю, если так интересно, — не стала загружать проблемами любопытную дамочку смущённая путешественница.

— А как Нагорный, не очень-то важничал? Валька ему не даёт спуска!

— Да они уже в застарелом разводе.

— Вот братец, а мне ни гу-гу! — возмутилась хозяйка и потащила гостью в комнату. — Сейчас примешь душ с дороги. Знаю я эти северá — небось, и холодной воды не доставало.

— Замаев звонил? — едва сумела преодолеть словесный напор подруги жена директора комбината.

— Может, и звонил, я на работе, а здесь телефон пока без автоответчика. Да брось ты грузиться прошлым, живи впереди остального населения.

— Опять с каким-нибудь писателем переспала? Ишь какие рулады выводишь! — удивилась Таня.

— Росляков о тебе спрашивал, грозился новую книжку подарить...

— Господи, — вздохнула Татьяна, — словно в другой мир попала.

Оказавшись в душе, дала волю своим желаниям, сливая на себя всё, что попадалось под руку: от жидкого мыла до геля для ополаскивания. Даже дезодорантом-освежителем побрызгала в разные стороны в тесном пространстве ванной комнаты, потом, сполоснувшись, наполнила далеко не джакузи зеленоватой енисейской водой и, блаженствуя, улеглась в благодатную купель.

— Тебя там кондрашка нехватила? — услышала сибаритка голос подруги и поняла, что хорошему всегда приходит конец.

Поздно вечером, когда кумушки вдоволь насплетничались, раздался телефонный звонок.

— Тебя, — объявила Гунта, протягивая трубку Татьяне, которая сначала даже не узнала мужа по голосу.

Тот, лишь вскользь поинтересовавшись, как отдыхается, приказал, чтобы жена завтра же выезжала домой.

— Зачем? — затревожилась Таня.

Ей показалось, что супруг пронюхал о тайном вояже в Жиндарёвку, но по тому, как Замаев напирал на дела, решила, что тот снова нацелился в командировку.

— Чего ему надо? — сунулась Гунта.

— Домой вызывает, говорит, на работе дел невпроворот.

— Тогда завтра на московском придётся, он к вам поздно приходит, зато в тот же день ночевать дома будешь. Только надо предварительно Николаю Александровичу позвонить, чтобы встретил. Вот посажу тебя на поезд и звякну, пусть машину прямо к вагону подгонит. . .

— Звякни, — согласилась, снова почувствовавшая усталость, путешественница. — Только смотри не проговорись, что я на Север моталась!

— Постараюсь, — пообещала Гунта. — Да ему, видать, не до твоих придумасов, если срочно требует, но я полагаю — соскучился. С мужиками такое случается.

«Ты-то откуда знаешь, инженерша писательских душ?» — подумала, устраиваясь на диване, Татьяна, и Грунта, словно читая чужие мысли, произнесла:

— А вообще-то я в мужиках ничего не смыслю. Они мне кажутся какими-то инопланетянами, вечно колючие, рукастые, так и норовят обыскать, облапать.

— Ты не у особистов работаешь?

— Не скажи, гэбисты в массе своей народ культурный.

— Знаю, — отмахнулась Таня, — с горячим сердцем и всё такое. . .

— Вот именно, — согласилась Гунта, гася в комнате свет. — Спокойной ночи!

— Тебе того же, — ответила Татьяна и крепко зажмурилась, пытаясь заставить себя сразу же уснуть, а сама ещё долго лежала и вспоминала недавнее путешествие, такое короткое и сумбурное, хотя на самом деле тревожилась не о том, что прошло, а о том, что будет.

Анна Павловская

* * *

я видела мистический байкал
пещер таёжных мшаные купели
но в юности меня околдовал
киношный дух французских виноделен

хотелось мне надкусывать бисквит
беседовать с аббатом об искусстве
менять наряды делая визит
к вердюренам как на страницах пруста

...посёлок таксимо какой район
который год и не припомнить сразу
осталось даже фото тех времён
где я на фоне колесá белазы

там цвёл багульник снег лежал в горах
и жили мы у черта на рогах

* * *

с верхней полки неба крадёт шаман
стаю птиц запихивает в карман
и уходит сквозь болевой порог
в двух мирах как призрак и поплавок

чёрный ворон плавает над тайгой
сердце разгоняется до такой
что частицы времени как смола
застывают в перьях его крыла

разрубает небо ночным крылом
и уходит сквозь временной пролом
и в воронку вóронова зрачка
затекает призрачная тайга

с этих пор останется он в тайге
навсегда подвешен на волоске
жизнь и смерть обтекают его с боков
потому что видел он мир богов

* * *

над лесом красная полоса
заката кровавый путь
шаман не может закрыть глаза
шаман не может уснуть

сова сорвётся в ночной полёт
гадюка скользнёт во тьме
всё что родится и что умрёт
он знает в своём уме

и наклоняясь воды испить
он шепчет в речную муть
вода не может глаза закрыть
земля не может уснуть

* * *

Раскрывается луг нараспашку,
Бьёт крылом над запрудой ветла.
Кто родился в несчастной рубашке,
Понимает такие дела.

Вот карасик тебе, вот подлещик.
Что ты скажешь мне, Хемингуэй?
Я люблю настоящие вещи
В стороне от фальшивых людей.

Это сна золотая излука,
Это облачных кущ облучок,
Что ввалилась волшебная щука
На последний пропащий крючок.

* * *

где-то где-то посредине гетто
где живут убийцы воры и поэты
говорят бакланы на своём наречье
это мир обмана чёрный словно печень
это конь в натуре это жисть с откоса
начинаем с дури а потом колёса
на задворках-дворках за помойным баком
лысые шестёрки лечат душу драгом
и глядят на это с пьяного балкона
нищие поэты тоже вне закона

СИБИРСКИЙ РОМАНС

Мутной водки и курева —
и подальше — в Сибирь,
где с нечёсаной курвой
спит в снегах богатырь.
Вижу хату сосновую,
золотой абажур,
поутру нездоровую
мысль при взгляде на шнур.

Скука душная, тяжкая,
как медвежий кожан.
— Жизнь прошла между ляжками
этой дуры, братан.
Ничего здесь не сдвинется,
время чисто из льда.
Вот когда мы откинемся,
говорят, вот тогда...

* * *

В захолустном чёрном баре,
храме плюшевых портьер,
он играет на гитаре,
пьяный белый офицер.

Он умеет, он играет,
хриплым голосом поёт,
и мелодия цепляет
и по нервам больно бьёт.

Он поёт в душевной песне
не про запад и восток,
он поёт, что он воскреснет,
словно тонкий колосок.

В нескончаемом загуле
из-под ног уйдёт земля,
он получит в сердце пулю
за российские поля.

Не дойдёт он до Берлина,
он в Стамбул не уплывёт,
ждёт его сырая глина,
Ангары кровавый лёд.

* * *

где слётки звёзд упали с папиросы
из темноты забытых праотцов
я улетела в неоткрытый космос
в стеклянной банке из-под огурцов

за мной текли неоновые рыбы
немых урбанистических дождей
за мной неслись бумажные колибри
последних непрочтённых новостей

и поднимаясь вверх над городами
в ознобе сна уткнувшись в звёздный шарф
моя душа взлетала как цунами
и плакала как первый астронавт

по счёту отвалившихся ступеней
на отблеске вселенской немоты
я прибыла к созвездию растений
где говорили травы и цветы

по срезу слёз святейших баобабов
бобов волшебных и дремучих чаг
я прочитала горестную сагу
о разобщенье кошек и собак

о белых птицах в услуженье бога
несущих души в кружеве крыла
о мёртвых стерегущих под порогом
родной очаг от медленного зла

мне было проще жить в священной роще
и с ветвью золотою говорить
чем на земле отыскивать на ощупь
послания мерцающую нить

* * *

Ходит ялик нетверёзый
по обманчивой реке,
с неба капают берёзы
и стекают по щеке.

Плачь, не бойся, в бедном храме
сигарету затрави,
все пришли сюда с дарами
нерастраченной любви.

Здесь просторно-одинокое,
здесь вода черным-черна,
но зато заметно Богу,
что и вправду ты одна.

Только тем ты и заметна,
только тем и хороша,
что со струйкой сигаретной
выливается душа.

Ольга Гуляева

Рассказы

РЕЙТИНГ 5,0

— Слышь, Харя, — Петрович, шурша фольгой, разворачивает тормозок, и дух колбасный распространяется по всему гаражу, проникая в сознание водителей и слесарей, кондукторов и диспетчеров. — Женился бы ты, Харя.

Петрович делает внушительный кусь и запивает этот кусь, наливая в пластиковую кружку из красного термоса, испускающего в пространство успокаивающий пар. Уже жуя, Петрович добавляет:

— Питаться надо вовремя, питаться надо хорошо, — и смотрит на Харю так, будто бы они боролись на руках и он, Петрович, не молодой уже человек, победил крепкого, жилистого Харю.

— На трассе поем, — улыбается Харя. — Галанино всегда славилось...

— Из дома брать — дешевле, — опытный Петрович смотрит на Харю назидательно, наслаждаясь ещё и тем, что вовлёл добродушного Харю в акт доминирования, где с лёгкостью занял верхнюю позицию.

Когда мужчина стареет и не может уже уестествить свою верную любящую жену, а может быть, просто не хочет, поскольку жена тоже не молодеет, мужчина зачастую начинает транслировать свой бесценный опыт эффективного проживания жизни. Подойти к молодой женщине у мужчины не хватает духа, храбрости, внешней привлекательности, да и префронтальная кора его головного мозга со временем не становится толще и краше. Если представить такого мужчину взобравшимся на молодую женщину из «Инстаграм», картинка будет следующая: мужчина, кряхтя, барахтается на хрупком бледном тельце, которого в кадре нет — оно скрыто под упитанным конвульсирующим телом мужчины. В финале мужчина слезает с женщины, которая из картинки 3D превращается в картинку 2D, она становится точь-в-точь как её фоточки в «Инстаграм», только смазанная. Либо на крахмальной простыне, возникшей неизвестно откуда, и вовсе остаётся мокрое место. Разумеется, в воображении мужчины всё происходит иначе: мужчина смотрел много порно, эти сеансы и сформировали в его голове представление о том, как всё должно быть. О да, сладостным самообманом любят заниматься не только женщины.

Если мужчина богат, случается иначе: лёгким горным козлом он забрасывает своё мускулистое тело, пахнущее дорогим парфюмом, на тело инста-женщины и порхает, как бабочка, жалит, как пчела.

Но Петрович-то экономит на всём, потому сейчас Петровичу дешевле вступить в ментально-гомосексуальный акт с Харей.

— Не дороже денег на трассе, не дороже денег, — улыбается Харя. — Ладно, Петрович, хорошего дня тебе, поехал я, заказ у меня, на Подтёсово, предварительный.

«Везёт дуракам, — ворчит про себя Петрович, жуёт бутерброд и тут же выводит в позитивчик: — Да я на сторублёвых больше сделаю, и машина по городу целее будет — мало ли что на трассе бывает».

Семь утра, декабрь, тридцать градусов мороза, Красноярск. Кому-то, очень давно, пришла в голову нелепая мысль — назвать микрорайон, где иней колко сверкает в воздухе под экономным светом фонарей, за которые городские электросети то несут ответственность, то не несут, где на птичьих лапках задубевших тополей, охраняющих люки, исходящие паром, иней этот становится то волчьей шкурой, то медвежьей — кому-то пришлось в голову назвать этот микрорайон Зелёной Рощей.

На обочине голосует парочка — наркоши, которых выгнали с притона, поскольку всё кончилось, и теперь наркошам надо перекумарить. Добрый Харя взял бы наркош, они тихие, ему не жалко, но у него — предварительный заказ на Подтёсово, потому, оставив гуманизм вместе с замерзающими наркошами за спиной, на облаке плотного дыма, весело проникающего в городскую экосистему из выхлопной трубы, Харя едет на адрес.

Свет, включающийся в окнах многоэтажек, тонкими струйками выплёскивается во дворы. Облитая этим тёплым светом, возле одного из подъездов стоит женщина. Воротник её пальто уже покрылся инеем, но она ещё не замёрзла, только щёки покраснелись, как у малыша, который с горки на санках катается, времени не замечая. В руках у женщины сумка, не маленькая, но и не такая, с какой женщины из гастронома выходят, домой идут, разгружают сумму при помощи кота или кошки, а потом готовят на всю семью.

— Утро доброе, — говорит женщина, устраиваясь на сиденье рядом с водителем.

— Доброе, — вежливо отвечает Харя и жмёт на газ.

Городская иллюминация утонула в котловине, из которой машина выехала на Енисейский тракт. До поворота на Большую Мурту женщина дремала, а Харя думал о том, что он уже много раз возил пассажиров по этой трассе, и ни разу трасса полностью не повторила саму себя. Многие из пассажиров были похожи друг на друга, но трасса всегда была разной. Сейчас, например, навстречу ему из глубины сибирских руд МАНы везли лес, деловую древесину. Ворованный лес в Китай либо лес, вырубленный законно для нужд граждан и организаций, — не важно. Переваливаясь с боку на бок, МАНы везли по сорок кубов

деловой древесины каждый, брёвна были закреплены на телегах цепями, но казалось, что если ветер вдруг решит выдохнуть в полную силу, брёвна эти снесёт с телег, и покатаются они обратно в лес, и пустят там корни, и нарожают деток, и будут потом ездить в город за курточками и ботинками для них. МАНов Харя насчитал десять. — Сколько нам ехать ещё? — спросила вдруг женщина полусонным голосом.

Она, отогревшись, змеёй выскользнула из рукавов пальто, подол остался под ней, на сиденье, она молниеносно свила из него гнездо и сидела теперь в этом гнезде, комфортная и уютная.

— Мурта, сто километров проехали, — ответил Харя и подумал: «Почему они всегда спят до Мурты?».— Триста до Подтёсова осталось.

— Красота какая! — женщина смотрит наружу, где белые стволы берёз ещё не отбрасывают теней на синий снег.— Мы в школе на лыжах ходили по такому лесу. В детстве хорошо было. А в девятом классе я в мальчика влюбилась, Он внимания на меня не обращал, совсем. Я училась лучше всех, танцами увлекалась. Мальчики смотрели на меня, подойти боялись, но я понимала, что смотрят. Если б я знак дала, симпатию как-то показала, любой бы моим был. Но мне этот нравился. Я сказать ему хотела, всё бы сказала, но в десятом классе он с Настей дружить стал. Настя мышь серая была, я до сих пор этого не понимаю. Сразу после школы они поженились. А я после этого мужчинам не верю. На меня смотрели мужчины, всегда смотрели. Но я не могу им верить.

«Дружить», сказанное женщиной, никак не соотносилось с гармонией зимнего леса, это «дружить» резануло Харю слух, нарушило границы его личного пространства: Харя ни разу в жизни не видел дружбы между мужчиной и женщиной, тем более в подростковом возрасте, когда это ещё даже не мужчина и женщина, а колбы с гормонами. Но подменная речевая конструкция, возведённая женщиной с такой лёгкостью, могла быть следствием чего угодно, потому Харя решил не акцентировать внимание на этой мелочи.

— Грустно, — сказал он и, чтобы поменять тему, добавил: — У меня пёс есть. Небольшая, дворняга. Сука у нас а гараже как-то оценилась. Когда щенков нашли, четверых Петрович в ведре утопил, а пятого я забрал. Я бы всех забрал, раздать есть кому, но Петрович уже утопил их. Он и моего, собственно говоря, утопил. А дело было так. Еду я, значит, с пассажиром по мосту Коммунальному. И вдруг лампочка красная загорается, вот здесь,— Харя показывает на приборную панель.— Это значит, что электроника полетела. А я в электронике в этой не шарю. Понимаешь, совсем не шарю в электронике. Ну, разворачиваюсь, пассажира на Предмостной высаживаю, извиняюсь и еду в гараж. А там — Петрович с ведром с этим развлекается. Я как увидел, что щенята в ведре пузыри пускают, по ведру пнул, и вот они,

щенята,— на полу на бетонном лежат. «Совсем охренел?! — заорал Петрович. — Кому они нужны, нищету плодить?» Я и Петровича пнуть хотел, но сдержался, к тому же холодно было уже, а щенята — на полу. На бетонном. Животы розовые, а рты синие уже. Короче, один только живой остался. С ним мы до сих пор,— Харя усмехнулся,— дружим. Он дома ждёт меня. Радуется, когда с работы возвращаюсь.

— Давайте остановимся,— попросила женщина,— я бы сигарету выкурила. Очень трогательная история, меня она взволновала, и теперь очень хочется курить,— женщина смущённо посмотрела на Харю.

— Курите здесь,— разрешил Харя.— Раньше, в советские времена, в такси можно было курить — на то и такси, чтобы пассажиру комфортно было.

Харя нажал кнопку, и стекло со стороны пассажирского сиденья чуть опустилось. Женщина достала из сумочки пачку сигарет, вытащила одну, чиркнула зажигалкой. Безмолвно чиркнуло зажигалкой и её отражение в лобовом стекле. Женщина и её отражение затянулись и выпустили дым в приоткрытое окно.

За разговором время идёт быстрее. Указатель «Мокрушенское» был уже исколот острыми лучами декабрьского солнца.

— Знаете, почему Мокрушу зовут Мокрушей? — прищурившись, спросил Харя.

— Почему? — женщина вежливо откинула прядку со лба и снова потянулась за сигаретой.

— Давным-давно, когда люди ездили в Красноярск только на автобусах, в Мокруше жила женщина-контролёр, Марья. Она проверяла билеты у пассажиров и следила за тем, чтобы водители работали исключительно на АТП. Левые билеты, пассажиры за наличные, походно-полевые жёны водителей — всё то, с чем много лет безуспешно боролась транспортная система, — всё это пресекла Марья. Марья на своём «уазике» могла возникнуть на любом участке трассы Енисейск — Красноярск. Маршрут пятьсот девятнадцать, который раньше считался у водителей самым хлебным, при Марье стал обычным маршрутом. Если раньше водитель мог подобрать пассажиров с обочины и доставить из пункта А в пункт Б, не выдавая билетов, то теперь водителю приходилось давать билет каждому пассажиру и жить на зарплату. Марья могла выписать штраф за что угодно, за мелочь. Потому Марью водители боялись и трижды плевали через левое плечо, когда Марья, исполнив свой профессиональный долг, покидала салон автобуса. Когда на пятьсот девятнадцатом появился Яшка, Марья была в расцвете своего контролёрского озверения и женской красоты. Марья никогда не была замужем. Яшка же успел за свои двадцать пять лет перепортить много девок. Месяцами мог добиваться, но, как только девка становилась его, он игрался с ней ещё пару недель и бросал. Девки рыдали, родители грозились

переломать Яшке ноги. Но до греха не доходило, и Яшка, белозубый, голубоглазый, высматривал из кабины своего автобуса очередную жертву. Марья не верила Яшке долго, год, говорят, почти. Подношений не брала, ни гулять, ни в кино идти с ним не соглашалась. Тем более не соглашалась «прокатиться до города». «Прокатиться до города» работало всегда. Марья была непреклонна. Но одним прекрасным утром Яшка проснулся у Марьи.

— Они поженились? Марья стала добрая? — женщине очень хотелось, чтобы история Яшки и Марьи закончилась как в хорошем любовном сериале.

Женщины иногда склонны к самообману, который является следствием заниженной самооценки. Мужчины, впрочем, тоже склонны к самообману, но сейчас речь идёт о женщинах. Айёга из сказки, девочка, считавшая себя очень красивой, не видела никого вокруг себя. То есть видела, но все эти люди были менее красивы, нежели Айёга, потому она считала, что другие, некрасивые, непременно сделают всё так, как хочет Айёга. Эта, такая, казалось бы, простая для реализации, программа всегда работает, но криво и до поры до времени. Компенсировать низкую самооценку самообманом — не самое продуктивное занятие, особенно если практиковать регулярно. Реальный мир становится миром сериальным, но для того, чтобы вечно жить в сериале, надо вечно быть режиссёром, не оставляя себе времени ни на сон, ни на еду, ни на походы в театр. Возможно, кому-то это и удаётся, но если просто женщина берётся режиссировать, тем более режиссировать неподвластное режиссуре, делая это целью своей жизни, на саму жизнь у неё не остаётся времени, как не остаётся его и на какие-либо другие цели. Тогда женщина теряет смысл. Но такая женщина никогда не сможет признаться себе в том, что жизнь её бессмысленна. Когда все до единого актёры покинут съёмочную площадку, она сделает это, но её уже никто не услышит.

Короче, Айёгу в итоге унесли гуси. Она думала, что гуси кричат: «Айёга самая красивая», — но они кричали своё обычное «ягва-гва».

Иллюзии всегда рушатся. Это никогда не приятно.

— Нет, не поженились они, — Харя притормозил, чтобы объехать лисицу, перебегающую дорогу. — Бросил её Яшка, как и всех остальных. Она в ногах у него валялась, умоляла не бросать. При людях, все видели — и водители другие, и пассажиры. В деревне Марью жалели. Запила она, на работу ходить перестала. Водители выдохнули, конечно, но жалко было Марью даже тем, кого штрафовала она по делу и без дела.

— А Яшка?

— А что Яшка? Яшке как с гуся вода. Девку себе завёл, постоянную. Жениться собрались. Марья, как узнала, что они в Красноярск едут на свадьбу закупаться, взяла тазовку дедову, зарядила, пришла

на автостанцию, дождалась автобуса Яшкиного и застрелила обоих в упор, когда они подышать вышли. Домой пришла, перезарядила тозовку и сама застрелилась. С тех пор, говорят, деревню Мокрушей и зовут. До этого случая она Сухая Балка называлась.

Молекулы мороза, разноцветными точками рассыпанные по ясному голубому небу, составляли очертания предметов вроде бы привычных, но искажённых странными колебаниями. Пианино, комод, архимандрит в рясе, топоры, иглы, рулетки висели в небе, прозрачные, создавая впечатление своего отсутствия. Эти несуществующие предметы и тела парили над машиной, движущейся по трассе. Женщина вспомнила, как в детстве, когда ей было пять лет, она научилась лепить фигурки из облаков. Она смотрела на облако, и облако принимало ту форму, о которой она думала. Но сейчас облаков не было, были только несуществующие предметы, завораживающие.

Проехали Мокрушу, остановились в Галанино, у кафе «Островок». В кафе пахло очень вкусной едой и чем-то ещё притягательно-неуловимым. Дамы за стойкой, дородные, приветливо поздоровались с Харей и с его пассажиркой. Харя попросил чаю и макаронки с котлетой. Женщина заказала борщ на первое, гуляш с картошкой на второе и большой кусок меренгового торта на десерт. Чай попросила зелёный. Ей принесли чудесный зелёный чай, заваренный со смородиновым листом. Очень давно женщина не поглощала пищу с таким наслаждением. Харя одобрительно смотрел на женщину и медленно ел свою котлету с макаронками.

— Еда как в лучших ресторанах, а стоит недорого, — порозовевшая довольная женщина змейёй выскользнула из рукавов пальто и уже привычным движением свила себе удобное гнездо.

— Галанино всегда славилось, — улыбнулся ей Харя.

Шапкино, Каргино, Новокаргино, Широкий Лог — Харя знал трассу как свои пять пальцев, она всегда была разной, но названия населённых пунктов оставались неизменными. Смородинка, Абалаково, Лесосибирск.

— Лучше нет родного края, чем деревня Прутовая, — Харя весело проговорил старую присказку. — Деревня называется Прутовая потому,

что здесь нескольких кандалных конвой прутьями засёк. Насмерть.

— Жалко их, — поставила интонационный грустный смайл женщина.

— Они уголовники были, бунт подняли среди заключённых, — сказал Харя.

«Тогда не жалко», — подумала женщина, но промолчала.

Приехали в Енисейск.

Енисейск — город церквей. Храмы видно почти из любой точки города.

— Раньше в Енисейске было двенадцать церквей,— сказал Харя.

— Наверное, очень набожные люди здесь живут,— сказала женщина.

— ...и сорок кабаков,— добавил Харя.

Женщина попросила остановить машину возле одного из храмов, и Харя остановил.

— Зайдём?— спросила женщина, и Харя сказал:

— Зайдём.

Купили свечки, поставили у икон. Около одной из икон женщина задержалась. Икона была пробита пулей, разрублена топором, но к ней, как и к другим иконам, можно было поставить свечки.

— Это старец Даниил Ачинский,— сказал Харя, незаметно прошедший к женщине.— Говорят, злых духов изгонял из людей. А икону эту коммунисты испортили. Но она считается чудотворной. Когда икона была в одной из деревень, в деревне началась эпидемия брюшного тифа. Когда умерло уже больше половины жителей деревни, местный батюшка обошёл деревню с этой иконой, и выздоровели все, за один день. Так говорят про эту икону.

— Откуда вы всё это знаете?— женщина посмотрела на Харю.

— Я не совсем таксист,— сказал Харя.

«Ну да, ну да»,— подумала женщина, но промолчала.

Вышли из церкви, сели в машину, поехали до Тёлкино— зимник, ледовую переправу на Подтёсово всегда делают там. Воды Енисея, скрытого толщей льда, медленно катились к Ледовитому океану.

Указателя «Тёлкино» не было, как и самой деревни— жители её переехали в город ещё в семидесятых годах прошлого века. Харя знал дорогу к зимнику и без указателей.

Женщина никогда в жизни не видела такого чистого белого— прозрачно-белым было всё: сугробы по обочинам дороги, сказочный лес, совы, спящие сладким полуденным сном на вершинах громадных елей. Белыми были искры в ярко-голубом сухом воздухе. Ледяные кристаллы преломляли солнечный свет, из-за этого в воздухе время от времени фейерверками вспыхивали маленькие радуги. Вода, воздух и сорок градусов мороза складывались в неопишемую красоту. Женщину переполнила несказанная радость, та, которая возникает вроде бы неизвестно откуда, а потом навсегда остаётся в человеческой душе. Переехали реку, ещё десять минут— и в поле зрения появились краны речпорта и деревянные дома советской постройки.

— Подтёсово,— улыбнулся Харя.

— Хорошая была поездка,— удовлетворённо, но с некоторым сожалением сказала женщина.— Можно, я онлайн рассчитаюсь?

— Почему бы и нет?— сказал Харя, останавливая машину у одного из деревянных домов.

— Ой, не грузится, — женщина, смущённо тыкая пальцем в экран телефона, пытается рассчитаться, но тщетно — экран при любом нажатии выдает белые окна.

Ещё минут пятнадцать женщина пытается загрузить банкинг — бесполезно.

Харя вежливо ждёт, потом говорит:

— Здесь часто связи нет. Может, по карманам посмотрите?

— Да я сто лет уже наличкой не пользуюсь, — расстроено говорит женщина. — Кто сейчас с наличкой ходит?

— А вы посмотрите: вдруг завалилось что, мелочь, может, какая? — улыбается невозмутимый Харя.

Женщина инстинктивно запускает руку в карман пальто, нашаривает там что-то, вынимает руку из кармана, протягивает открытую ладонь Харю, чтобы он посмотрел, чтобы понял, что в кармане у неё — всякая ерунда. Но женщина вдруг с удивлением обнаруживает на своей ладони монету. Монета увесистая, наверное, серебряная. Старинная монета, на которой изображены какие-то непонятные символы и знаки. — Вот, монета, — рассеянно говорит женщина, — но её не хватит, наверное, — ехали-то долго.

— Хватит, — говорит Харя, — монеты достаточно.

— Спасибо, добрый человек, — испытывая чувство неловкости, проносит женщина и, чтобы как-то сгладить неловкость, спрашивает: — Как вас зовут? Кого благодарить?

Харя взглядом указывает женщине на лобовое стекло прямо у неё перед глазами. На стекле наклейка, какие есть у всех водителей таксопарков, но не все прикрепляют их к стеклу. Надпись на наклейке гласит: «Попандопуло Харон Иванович, водитель первого класса».

Женщина выходит из машины и идёт к деревянному дому с резными наличниками.

...«Не буду сегодня экономить, устал как собака на сторублёвых на этих. Пассажиры невоспитанные, кто с пивом в машину лезет, кто с семками. А эти, сосались которые на заднем сиденье, — позорище, до дома доехать не могут, не терпится, — думает усталый Петрович и вызывает такси по приложению. — Денег жалко, конечно, но домой охота — жуть. Жена борща наварила. Ну и что, что целлюлит? Зато борщ», — думает Петрович и нажимает «Заказать».

На экране телефона высвечивается: «Через семь минут за вами приедет серый „Фольксваген Поло“, водитель Харон Иванович Попандопуло, рейтинг 5,0». Петрович видит только «Через семь минут» и, довольный, захлопывает телефон.

БАБКА, РЖАВЫЙ БАК И СИЛЬНЫЕ МУЖЧИНЫ

Она материализовалась из июльского воздуха, который ходил ходуном, шкворча на раскалённой сковородке Солнца. Повязанный наподобие

тюрбана платок возвышался над плотным морщинистым лицом; так, наверное, выглядели славянские жёны султанов или шейхов, если, преодолев все гаремные перипетии и выйдя не без некоторого достоинства из многочисленных интриг, доживали до старости, которая не то чтобы делала их краше, но придавала внешней значительности.

Я не была тогда ни хозяйкой участка, ни хозяйкой домика, стоящего на участке, — друзья пригласили меня пожить на даче, которую арендовали для беззаботного времяпровождения. Я раскопала себе несколько грядок и, освежив приятные воспоминания о том, как выращивала на станции юннатов свёклу, замочив её предварительно в растворе метиленовой сини, стала выращивать всё то, что, в принципе, всегда можно недорого купить на базаре.

Я не была хозяйкой, потому приветливо поздоровалась с дородной старой дамой, из ниоткуда возникшей на участке.

— Малину надо рвать, с корнем, малина сорняк, — проскрипела бабка.

— Не знаю, — сказала я, — это не моя дача, друзья снимают.

— Малина сорняк, — повторила бабка, — всё заполонит, если не драть. Тебя как звать?

Я представилась.

Ягоды малины, налитые, тяжело висели на ветках, малины было в тот год много, я собирала её, Виталий, мой муж, радостно собирал, когда приезжал ко мне, друзья собирали, а малина не кончалась. Я могу съесть много малины, плевать, что потом кружится голова, — малина вкусная. Я варила малину в небольшом тазике, мяла деревянной толкушкой с сахаром, малина не надоедала, но и не заканчивалась. — А меня зовут тётя Маша, мы с Серёгой через участок живём, — сказала бабка.

И скрылась в бурьяне, которым зарос участок дяди Саши, приезжавшего к себе на дачу, чтобы в одиночестве пить водку. Когда дядя Саша пыхтел ночью у меня за стенкой, когда потихоньку включал по утрам телевизор с новостями, я чувствовала себя в безопасности.

Домик на нашем участке и на дяди-Сашином был один; вероятно, когда участки «давали от предприятия», их первые счастливые обладатели скооперировались и построили один домик на двоих.

Между нашим участком и бабкиным расположился участок дяди Саши, который после смерти матери пренебрегал огородными работами. Бабка со своим дедом, Серёгой, проникали сначала на дяди-Сашин участок через лаз, который проковыряли себе под баком, в которой когда-то дядя Саша набирал воду для полива, а потом, через дырку в заборе, — на наш.

На следующий день после знакомства с бабкой я встала с утра, сделала маникюр. Секатором. Удобно, кстати. Выхожу на участок, а там бабка с дедом со своим. Ну, не прямо там, а у себя на участке галдят, как дрозды. Вслушиваюсь. Выражают друг другу сожаление о том, что у дяди Саши такая малина, такая малина, такая смородина,

такая смородина, и всё это богатство пропадает. Высовываю бошку из кустов, громко-громко говорю:

— Здравствуйте, тётя Маша! Здравствуйте, дядя Серёжа!

Встрепенулись, глаза опускают, поднимают, опускают, поднимают. А глаза одновременно и виноватые-виноватые, и хитрые-хитрые. Дядя Серёжа сигарету у меня стрельнул и вносит, такой, деловое предложение:

— Лена,— говорит,— сердце у нас болит за ягоду. Ягода такая у Сашки — хорошая, крупная — и пропадает.

— Дядя Серёж,— говорю,— малина не входит в сферу моих интересов.

— Чё, есть малина? — спрашивает.

— Есть,— говорю.

— А у Сашки чеснок ещё есть,— подключается к беседе бабка.

— И чеснок у меня есть,— говорю,— дикий. Хороший чеснок,— говорю.— А где сам-то он? — спрашиваю.

— В больнице лежит, со спиной,— баба Маша знает всё. Про всех. По старой гаремной привычке.

— Мне,— говорю,— усы надо. У него клубника хорошая. И тоже, кстати, опадает вся и гниёт.

— Ой, Леночка,— говорит баба Маша,— так ты усы нарви иди, он нам в том году разрешил.

— И малину разрешил? — строго смотрю на соседёй.

— Разрешил, разрешил,— кивают оба и смотрят вниз так, как будто бы земля расступилась и в этой пропасти разверзшейся видно её ядро, посмотреть на которое вблизи они оба мечтали с пелёнок.

Но хоть и разрешил дядя Саша, но как-то неловко будет, если вдруг приедет, а мы тут такие — одни с ведром, вторая с маникюром.

Договорились, что сначала Серёга на шухере стоит на въезде в посёлок, потом я. Усов в клубнике не оказалось. Нашла только четыре пригодных. Бабка со своим Серёгой набрали малины и пошли к себе.

Через год мы с Виталием выкупили участок, который снимали мои друзья, и стали там полноправными хозяевами. Участок и половина домика сделались моим раем и фронтом работ для Виталия. У забора лежали старые доски, которые Виталий пилил ножовкой, чтобы я могла их сжечь в печке.

Не знаю, за какие заслуги Боженка дал мне Егорку, но таки дал. Егорка приехал с бензопилой и перепилил эту кучу досок за день. О, как он их пилил! Пиление Егоркой досок — это то, что я буду вспоминать, когда придёт мой смертный час. Чтобы было не так страшно идти в мир иной, я буду вспоминать, как Егорка пилит дрова, как доски будто бы сами собой летят по воздуху, распадаясь на дрова, которые будут жарко гореть в моей печке, а Егорка, едва касаясь их цепью пилы, летит рядом, как летают люди у Шагала, только Егорка, в отличие от людей Шагала, идеально сложен, загорелый, и мышцы

его рельефно перетекают под кожей, превращаясь в чистую энергию. Да, я пойду в мир иной, видя эту картину, представляя себя в моём раю созерцающей летящие доски, ощущающей запах бензина.

Нет, разумеется, я всегда, когда перехожу в мир иной, читаю стихи, но, когда буду делать это в последний раз, я прочту Егорку первым в ряду лучших стихотворений и буду немного сожалеть, что не я его написала.

После этого Виталий купил электропилу «Макиту» и теперь пилит его дрова, складывая их к забору в аккуратную поленницу.

Ещё через год я нашла в двери записку. В записке был номер телефона и текст. Из текста следовало, что дядя Саша хочет продать нам свой участок. Мы сговорились о цене, дядя Саша приехал с братом на грузовой машине и собрал в неё то, что было нужно ему и его брату. Нам дядя Саша оставил поликарбонатную теплицу, трёхкубовый ржавый бак и кучу хлама, которую мы долго ещё будем вывозить с дачи.

Узнав о том, что дядя Саша продаёт нам дачу, баба Маша подошла к забору и стала орать:

— Это моя ёмкость стоит на твоём участке!

Стоит и врёт на голубом глазу, поживиться хочет. Знает же, что я вежливая, тихая, непьющая, вот и решила воспользоваться.

— Х..ёмкость, — вежливо отвечаю я.

И считаю тему исчерпанной.

Всё лето и всю зиму бабка, разгораживая загораживаемый Виталием лаз под баком, выпускала на наш участок свою огромную собаку. Безобидную, если не считать того, что размеры мин, производимых ею в немислимых количествах, абсолютно соответствовали размерам самой собаки.

Бабка, ощутив себя верблюдницей, плевалась слюнями в мою сторону, один раз слюни не смогли отделиться от её рта, и она осталась стоять со слюнями, висящими на губе.

Бабка хотела бак, он был её прелестью.

Моей же прелестью нового дачного сезона стал холодильник.

От Галины Андреевны, мамы Виталия, нам достался холодильник. То ли мой ровесник, то ли Виталия, не знаю, у нас-то год разница. Холодильник захотела двоюродная сестра Виталия — себе на дачу. Я возмутилась даже самому допущению того, что холодильник, заработанный честным трудом Виталиной мамы и оставленный ею нам в наследство, поедет на какую-то другую дачу, не на мою. К тому же винтажный холодильник стоит недорого, и двоюродная сестра Виталия может его, например, у кого-нибудь купить, а не взять у нас даром. Вообще, возмущают предложения принять что-то в дар. Такие предложения сродни вампиризму; они ж не предложили, например,

помочь нам с транспортировкой холодильника к нам на дачу, они предложили отдать в дар. Такие предложения — неприкрытое желание поживиться, а потом представить дело таким образом, что ещё и помогли — избавили от ненужной вещи.

В общем, решили мы увезти холодильник к себе на дачу.

Виталий с Померанцевым и Кутаковым поехали с холодильником на «Газели» Померанцева, я поехала с Егором и его женой Натальей. Через Дрокино. Хоть мир посмотрела. Через Дрокино поехали потому, что у Егора там возникло неотложное дело. Дрокино большое, оказывается.

На даче я обнаружила, что заграждения, сделанные от собаки, разрушены, бочки, которые стояли возле сетки, перевёрнуты и укачены в малину.

Выругав бабку Машку через сетку, дождалась Виталия. Всё разгрузили, Егор прикатил бочки обратно. А бочки дед бабкин укатил: бабка же считает, что я должна не выкашивать траву у сетки, а драть с корнями, поскольку корни лезут к ней. Ну и бак якобы её.

Когда Виталий восстанавливал заграждение, подошёл бабкодед и сказал, что бабка настаивает на том, что владелица бака — она.

Егор сказал, что бак наш. Я сказала, что мне всегда было без разницы, чей бак, но поскольку бабка сумасшедшая, то да — бак наш. Бабкодед сказал, что ему тоже без разницы. Но бак вот-вот упадёт на их территорию, и поэтому он с какими-то тремя мужиками пытался его снять, но не получилось — тяжёлый.

— Да, а зачем бочки трогали? — спросила я. — Какого собака ваша тут гадит?

— Это другие собаки, — сказал бабкодед.

— Нет, — сказала я.

— Не сторож я собаке своей, — сказал бабкодед.

— Ну, — сказала я, — если будете лазать на наш участок, вас баком-то придавит. Я как бы тоже пакостить умею, но пока лень.

— Я щас бабку позову, — сказал бабкодед и сделал движение в сторону бабки

— Не надо, — сказала я, — она щас на ночь себе давление поднимет и тебе мозгов остатки сожрёт.

— Да, она такая, — с гордостью сказал бабкодед.

И не пошёл звать бабку.

Сошлись на том, что кто первый уберёт бак, того и бак. Только убрать его — дело сложное, почти невыполнимое.

Через две недели Егорка, возмущённый наглостью бабки, один, руководствуясь принципом рычага, кувыркнул бак на нашу территорию. Бабка только пискнуть успела что-то матерщинное. Зацепив один конец стропы за основание ствола моей калинки, другой — за стенку бака, Егорка сделал то, чего не смогли сделать четверо мужчин

из бабковойска. Когда бак с грохотом повалился, у бабки было выражение лица, которого я не видела, но точно знала, что оно есть. Это было выражение, когда в гарем привезли несколько юных красавиц, а её не позволили осмотреть их зубы.

Пока Егорка, подобно Зевсу, мечущему молнии, резал бак болгаркой, из-под которой летели снопы искр, я обнаружила, что заноза, посаженная утром в малиннике, вышла из пальца не вся. Заноза отчётливо ощущалась в мякоти пальца, который стал больше. Я забрызгала палец спиртом и куснула, прокусила миллиметр кожи, было больно. Высосала остатки занозы и выплюнула на землю. Снова забрызгала спиртом.

Когда Егорка уехал, к границе участка подошёл Серёга и спросил, можно ли забрать доски из-под бака для грядок. Я разрешила.

Утром следующего дня приехали Виталий и Саня.

Изогнувшись гигантскими арбалетами, два облака висели над дачными участками — моим и бабки-Машкиным. Облака направили стрелы друг на друга, тетива каждого из арбалетов была готова спружинить, отправив громы и молнии на наши садоводческие головы. Виталий и Саня стояли возле того места, где ранее стоял ржавый бак раздора, а теперь красовалась куча хлама, который бабковойско не успело спереть и уволочь в свои норы.

Виталий и Саня размышляли: как лучше поставить новый забор? Я сгребала мусор в мешки.

Грациозной, но осторожной походкой, едва касаясь земли подошвами галош, к нам приблизился бабкодед Серёга.

— Можно за эти столбы зацепить сетку, — мягко посоветовал Серёга и показал на зелёные столбы, которые, наряду с трухлявыми берёзовыми пнями, благополучно утащенными вчера Серёгой на дрова, служили опорой для пятисоткилограммового монстра, которым бабка Машка страстно мечтала овладеть два года.

— Не, — сказала я, — щас пацаны столбики вобьют и сетку натянут.

— А кувалда есть? — хитро прищурился Серёга.

— Не, — грустно сказала я и максимально распахнутым взглядом посмотрела на Серёгу.

— Ща принесу, — сказал Серёга.

И действительно — не успели мы с пацанами оглянуться, как Серёга, лаская многократно копанную им землю подошвами галош, под громкие ложные суждения бабки о его сексуальной ориентации притараканил две кувалды, одну побольше, другую поменьше.

— Ты повыше, — сказал Саня Виталию, — бей первый.

Виталий ударил по железному столбику, столбик чуть вошёл в землю.

Серёга взял у Виталия кувалду и уверенно долбанул по столбику несколько раз. Столбик вошёл в землю, установился там крепко, как так и было.

— Ну ты, Серёга, крут,— восхищённо сказала я.

— Хорошо, что бак убрали,— сказал он,— придавило бы кого-нибудь.

— Да,— сказала я,— куры вон ходят.

— Да хер с ними, с курами,— сказал Серёга.— Он на берёзах на этих еле держался, меня б придавило.

— Не дай Бог,— сказала я.

Серёга ловко выкопал ямку под второй столбик, они с Виталием выковыряли из-под земли кирпичи и камни, дошли до мерзлоты. Потом Серёга взял кувалду и вогнал второй столбик, как там и росло.

Серёга с Виталием закопали ямку, и Серёга вдруг сказал, показав глазами на бабушку Машку:

— За... бала она меня. Вечно всем недовольная. Уйду от неё.

— Может, ей ласки не хватает?— спросила я.

И тут в Серёгиных глазах появилась тоска, такая, как у детей на картине «Тройка», или как будто у него была добрая красавица-жена, которую Змей Горыныч унёс в чертоги своего разума, сделав холодной статуей.

Серёга досадно сплюнул на землю, копанную им много раз.

— Семь лет живём, вечно недовольная.

— Может, наладится,— сказала я, не зная, чем могу помочь Серёге.

Вдруг он достал из-под рубахи крестик.

— Старый,— сказал,— как у тебя.

Большой, почти поповский, серебряный крестик с чернением действительно был похож на мой: форма эта, с закруглёнными узорами на окончаниях перекладин креста, распространённая и в то же время очень какая-то личная, близкая к телу, почти в точности повторяла форму моего крестика, только мой меньше.

Бабушка орала что-то матерщинное Серёге, но он не обращал внимания, он шепотью держал свой крестик, и я ощутила, что так же, шепотью, держу свой.

Подожёл Виталий, сказал Серёге спасибо.

— Да за что?— сказал Серёга и разулыбался.

— Спасибо,— сказала я.

Лицо его стало расслабленным, смущённым и каким-то блаженным.

— Да за что?— сказал он.

— Как же,— сказал Виталий,— а кувалда?

Серёга махнул рукой и, лаская многократно копанную им землю подошвами галош, пошёл к себе на участок.

Я посмотрела на небо. Арбалеты растаяли. На их месте весело махал крылами ангел. Ангел был большой, в руках держал крест с закруглёнными узорами на окончаниях перекладин. Потом растаял и он.

Альбина Мамаева

Новая болезнь

Михалина, крепкая старуха лет семидесяти с небольшим, плетётся по заметённому снегом тротуару. Ноги проваливаются, снег засыпается в катанки. Она хватается за штакетины палисадников и ворчит себе под нос:

— Я не с лешака ли расхворалась? Гли-ка, чё деетца: до больницы четыре избушки, а я уж два раз присаживалась на лавочки. Слава Бох, до Яшки дошкандыбала... Ой, тошно мне-ка, было обшатурило. Какá дикóвина навалилась? Ни силы, ни мочи — какэсь вся задóхлась. Хоть бы ишшо к врачихе не обробётъ, а то уведёт лешак по деревне... Да её тоже нé за што винить. Из деревни молоды-то по городам разъехалися, тут одна старушня осталась. Ей с нами хоть пополам разорвись. Вай, хто-то сзаде догонят, отойти некуды, кругом снежишша.

Оглянулась — Назар со своей Таисьей, тоже кое-как ползут, ведут друг дружку.

— Здорово живёшь, Михалина. А на нашем краю ишшо вечор сказывали: мол, Михалины нигде нету — видать, карачун пришёл. А она тут на чужой лавочке посиживает.

— Раз говорят — стало быть, долго жить буду.

Назар многозначительно поглядел на старуху, поднял кверху указательный палец:

— Вот это правильно, не поддавайся. Умереть-то ишшо никто не обробел.

— И не говори. Охота бы пожить-то... Дак болезнь не спрашивает, вишь как меня скрутило. До врачихи дотти не могу, все лавки по дороге собрала, — Михалина обмела снег с лавочки. — Садитесь, тут Аверьяновну не проглядим. Ну чё там в деревне слыхать? Есть новости?

— Дак как, есть. Только добрых нету. За эти дни вся деревня сполодимо в лёжку лежит. И старики, и помоложе.

— Ишшо не башше! Я из дому-то на этой неделе первый раз вышла. С нима хто-чево подековалось? Грыпп ли, хто ли ходит?

Таисья только руками развела:

— Вот тут и вся закавыка. Кака-то нова болезнь.

— Н-но! А как её звать, болезнь-то эту?

— Кабы я помнила! Памяти нисколь не стаёт... Названье у ней наподвид шапки. И не здешняя болезнь-то. Из Китаю привезли...

Михалина от удивленья выпучила глаза:

— Ты подумай-ка, чё на белом свете деетца! Это вить надо додуматца — ажно из Китаю болести возить! Не ближний свет. У нас чё, своих мало? — она отвернулась к дороге, поплевала: — Тьфу-тьфу-тьфу, плюнь три раза, не моя зараза. Таисья, ты тоже поплной через левое плечо, не помешат... Гли-ка, а как я-то не слышала? Ну дак как раз эти дни из дому не вылезала. Я шибко-то не хворала, жару большого не было. А по утрам голову от подушки поднять не могу. До стола кое-как доползу — какэсь задыхаюсь, и всё! Што, думаю, за лихоманка меня трясёт? А сёдни с утра испчихáлась вся да запокáшливала.

— Вай, Михалина! Хошь верь, хошь не верь. Это ведь она у тебя! Китайска болеть! Нас ёдак же трясло, в грудях всё спёрло — здышáть не даёт! Обои эдак хворали, фершалица домой к нам приходила. Сами-то первый раз идём. Да на улице вить тоже ни с кем разговаривать нельзя, заразно. А в больницу зайдёшь — первым делом, от греха подальше, тебе намордник напялят. Маска называтца.

Михалина так и присела обратно на лавку:

— Вот дак здоро́во живёшь! Жисть прожила, ни единого китайца в глаза не видела... Да она откуль ко мне привязалась, эта шапка-то?!

— А я тебе уж сколь толмáчу, ты чем слушаешь? Ну-ка говори: давно по деревне бегала?

— Да дак дён пять-то точно будет...

— К кому заходила?

— Чё сразу заходила-то?

— А то я не знаю тебя! Только из ограды выпусти — убежишь с гóлком, с собаками тебя не найдёшь.

— Да дак забежала к Фаине. Она тоже вся искашлялась. Хлеба им свеженьково взяла. Потом побежала к Анфисье, выпросила у ней прялку. Дело-то к зиме, а у внучат, как на грех, все носки шерстяны изнасились. Ну да так, с кем на улице обопнулась...

Таисья со знанием дела только покачала головой:

— Ну вот! Стало быть, у ково-то и нашла себе некрóба. Фершалица-то не здря наказыват: мол, перво-наперво по гостям не бегать, на улице или в магазине рот не отворя́ть. А от греха подальше эту маску носить. А ты чё, телевизер-то не глядишь? Гли-ка, ведь и по радиву, и в телевизере день и ночь трóсят: маски не сымайте, прививки ставьте! Там вить тоже не дураки сидят, в телевизере-то.

Михалина внимательно выслушала.

— Я бы глядела, да он чё-то напарухался, Вовка-сосед в мастерску увёз. А радиво давно выбросила, надоело — ревет целыми днями. Да да ты думаешь, должны помогчи́ эти прививки?

Назар подтвердил:

— Паря, помогают, чё здря скажешь. Кому поставили, те не хворают, вот ведь чё.

Таисья опять взялась за старуху:

— Я тебе сколь могу трóстить: не бегай по деревне!

— Дак ты тоже думаешь, это от некробов? Ничё не понимаю: где они прячутца-то, еслив, не дай Бох, у меня тоже завелись?

Таисья призадумалась:

— Не буду врать, сама не знаю, чё про них и думать. Ты-то ладно, вечно заворотишь голову, ничё под ногами не видишь. А я-то в очках! Ёзо всех сил приглядываюсь — хоть бы нарошно, хоть бы одного увидеть! Вот убей — не понимаю, где их находят!

Назар как ждал — видать, накипело на душе:

— Ты уж молчала бы. Слепла она! Как у меня в кармане, дак каждую копейку найдёшь, а некробов — не видишь. Чем хвостать по деревне, в избе бы лучше лишний раз прибралась. По радиву-то все врачи в один голос трóсят: умывайтесь чашше! Где грязь, там и некробы! Ты чё думаешь, в заграницах здря даже улицы с мылом моют? Не спорь со мной, я собственными ушами слышал!

— Да-а-а уж... Еслив ты, не дай Бох, не врёшь, по мытью мы за ними не угóнимся, — Таисья повернулась к Назару, показала кулак. — А тебе хватит языком молоть, ботало коровье. Дома увидишь кузькину мать!

— Вай, Тайка, это што у вас за мода — среди улицы друг на дружку реветь?

— А нечево подслушивать! Мы с ним смолоду на ножах живём. А чё сделаешь, раз така у нас любовь? Ревём не ревём, а друг без дружки жить не можем. Ну дак вот, Михалина, я тебе так скажу: главно — не бегай пологрудом. Не дай Бох, залетит некроб за пазуху — намаешься с ним. Видишь, ништо не знат, чё с ними делать. Я уж думала, может, на них карасином побрызгать? Ты как думаешь?

— Лешак знат, ково делать... Видать, я не здря здоровьем-то хáнула. Подымаюсь по утрам через великую силу. В ум взять не могу: неуж из-за них?

— А из-за ково боле? Из-за них, прокляты́х! Главно, их ништо не видит, а оне тебя грызьмя грызут... Вот вить чё!

— Ты мне скажи, Тая: спомнила, как шапку-то звать? А то врачиха спросит, чем хвораю, а мне и сказать нечево.

— Это ты про болéсть-то? Дак корона. Её царь заместо шапки носил.

НЕЖДАННО-НЕГАДАННО

В пятницу, задолго до будильника, зазвонил телефон. Мама! Чего это ей не спится? Не ответить нельзя, они ведь сейчас как маленькие, чуть что — прихворнули. Мама не дала сказать ни слова:

— Галя, ты почему не звонишь? Забыла, что сегодня пятница?

— Извини, мама, напомни, в чём дело. Я зачем-то должна была позвонить тебе в пять утра?

— Ишь как матери отвечаешь! Где огрызаться научилась?

— Мама, ты мне просто напомни... Подожди, я на кухню перейду, пока всех не разбудила...

— Я-то подожду. А ты, если любишь своих родителей, должна сама догадаться. Вот какой сегодня день?

Я быстро перебрала в памяти числа, даты, праздники — ничего!

— Мама, ты издеваешься! Пятница случилась, сама сказала.

— Вот-вот, сама сказала. Вы-то не догадаетесь. Небось, вечером на дачу поедете?

— Как всегда...

— Конечно. И каждый раз оттуда приезжаете как из отпуска! А что родители как с курорта приехали осенью, так всю зиму в четырёх стенах и сидят, свежего воздуха не видят, вам горя мало! — всхлинула в трубку.

— Так вы же наотрез отказались, ты сказала: вашей ноги там не будет. Что вы наработались за свою жизнь...

— Галина, тебе ли не знать, как я деревню люблю? Я же деревенская, если ты забыла. Помню, из Красноярска-то прилетишь на каникулы, так на снег наглядеться не можешь. Такой белый, пушистый, весь сверкает. А как я чистить его любила! Нагребёшь сугроб (на Ангаре субой называли), с горок накатаешься, придёшь домой насквозь мокрая. Всю печь мокрой одеждой завесишь...

— Ты, мама, извини, если я что-то путаю... Ты же рассказывала, только месяц (и то в сентябре) на краткосрочных курсах секретарей училась. Помнишь, ты ещё хвасталась: мол, если человек умный, дак ему и недели хватит выучиться? Дескать, нечего зря штаны про-сидивать. А? В сентябре-то даже на Ангаре сугробов еще не бывает. А теперь вспомни, сколько раз мы вас брали на дачу. Как приедем, так концерт! И как приходилось в этот же день вас обратно домой везти. Ты же не можешь в своих дорогущих сапожках по сугробу до крылечка пробрести. Надо снег до крыльца расчистить, дров наколоть и наносить, печку затопить. А пока это делается, ты всех изведёшь...

— Вот только не надо так говорить, будто я такая капризная дурочка...

— Ну ладно, успокойся. Папа что, тоже едет?

— Это что за вопросы? Конечно, едет. Правда, он пока не знает. Только ты, доченька, не забудь, какое мясо мы едим. И продуктов на нас купить, фруктов побольше. Да, кстати, я на новой диете. Пожалуй, я лучше напишу тебе список, что нам можно и чего нельзя... Ты после обеда заедешь в магазин, чтоб строго по списку всё купить.

— Мамуля, какой список? Мы ещё вчера всё закупили. После работы забираем детей и сразу едем. Даже домой не будем заезжать.

Я прямо увидела, как мама начинает кукситься.

— Ну вот, я так и знала... Зовёте, зовёте в гости, а сами надеетесь, что мы откажемся.

Мама как-то умела одним словом убедить, что во всём виноват кто угодно, только не она.

— Ладно, составляй свой список.

— Ой, спасибо, как хорошо ты придумала. А кстати, что там нынешней зимой носят в вашей деревне? Мне шубу надевать или что попроще? Я тут пальто альпака купила, висит ненадѣванное. Если я в это время года шубу надену, меня не обсмеют? Правда, к шубе надо будет подобрать головной убор... И сапоги. Снег-то там не подтаивает? Ну ладно, сделаем так: приготовлю пальто и шубу. На всякий случай. Точно! А то зачем тогда покупали, деньги переводили? Вот тебе задание на сегодняшний день — укомплетовать мои вещи. У тебя фантазии больше, подумай!

— Мам, я бы рада, но боюсь, что у моего директора немного другие планы на мой рабочий день. Мамочка, ты извини, я на работу опоздаю. Мне же надо завтрак приготовить, ребят собрать в сад.

— Неудивительно, ты же такая рассеянная и неорганизованная. А ты заметила? Вот всегда у тебя так! Я что, много прошу? Что на мамины проблемы тебе наплевать, я уж молчу. Я всего и хотела только рассказать тебе, как я любила чистить снег. Представляешь, прилетаю в деревню, а там снегу-у-у! Главное, он чистый и пушистый. Наглядеться на него не могу! Но если тебе некогда... Я всегда знала, что работа тебе дороже родной матери.

— Ой, мамочка, я совсем опаздываю! Давай я тебе перезвоню. Или на даче поговорим...

— Я поняла, не хочешь мать выслушать! Вот всё время ты мне рот затыкаешь!

Как ни странно, вечером родители ждали нас уже одетыми. К чему бы это? Мало того, мамуля ни разу не пожаловалась на тяжёлую жизнь. И по дороге ничего не случилось. Но я-то знала: что-то должно быть не так, потому что с мамой спокойно долго не бывает. Мама всю дорогу не отрывалась от окна. Наконец подъезжаем к нашему участку.

— У вас что, соседи появились? Уж никак не думала, что в наше время кто-то обзарится на эту развалюху... Алкаши, небось?

— Да нет. Бабушка одна живёт. Хорошая такая, добрая. Наши Алёшка с Алиской в ней души не чают. Только из машины — сразу к ней.

Вот что значит усталость — потеряла бдительность. Мама же такая ревнивая! Сейчас начнёт рыдать и скандалить.

Ну так и есть! Мамуля прямо ахнула:

— Вася, нет, ты слышал? Да у них тут кругом бабушки и дедушки! Так, может, мы им и не нужны вовсе? А я-то думаю, что это они к нам раз в году навдываются? И зачем я только согласилась родить тебя? Отец уговорил: дескать, на старости опора будет. Вот тебе опора, гляди на неё! Я так и знала, что этим всё кончится. Да я всю молодость на вас с отцом угробила. Всё здоровье оставила. А ты?! Внуков ещё нарожала. Кто тебя просил? Им ведь тоже вниманье надо, а я хоть пополам разорвись!

— Нюся, остановись, — не выдержал отец, но маме уже попала шлея под хвост.

— О! А это, видимо, как раз ваша любимая приبلудная бабуля! Ну даёт! Где только авоську-то такую нашла? С ума сойти! И этой мымре в душегрейке ты доверяешь собственных детей? Господи, а галоши-то! Да моя мама сорок лет назад в таких дальше коровника не выходила! У-у-ужас! Галя, я тебя не узнаю. От такой соседки можно принести чёрт-те што! И хорошо, если только вшей да тараканов.

Мы с мужем (уж не говоря об отце) научены горьким опытом и стараемся помалкивать, пока у мамы завод не кончится. Но тут мы уже подъехали к дому, где нас встречала тётя Груша. А мама не собиралась замолкать:

— В общем, так! Если вы не прекратите общение с этой мымрой, считайте, что у ваших детей больше нет родной бабушки. И пусть тогда она сидит с вашим хулиганьём! Короче, или я, или она!

Это был перебор, папа побледнел и очень тихо и внятно спросил:

— Нюся, я когда-нибудь был к тебе несправедлив?

Мама всё на тех же оборотах выкрикнула:

— Попробовал бы только!..

— А часто я тебя обижал?

Она только покачала головой: никогда.

— Тогда слушай внимательно. Вот сейчас, даже делая скидку на твой характер, ты перешла все границы. Одно дело быть вспылчивой, а другое — хамкой. Я сам виноват, что распустил тебя. Но я не хочу, чтобы мои внуки видели такой бабушку. Я хочу, чтобы ты подумала, почему твои внуки убегают от тебя к постороннему человеку. К сожалению, ты орала так громко, что эта женщина должна была всё представление услышать. Так вот, если ты сейчас же не попросишь у ней прощения... Я даже не хочу говорить, насколько изменится наша с тобой жизнь. Поняла?

Машина остановилась, ребятня наперегонки помчалась к бабушке, а она причитала:

— Ой, тошно мне-ка! Да это хто тут приехал к баушке? Это хто ко мне врысью-то бежит? Крошки бабины, бабины комóчки, не запнитесь об тротувар-то! Давайте-ка живо поворачивайте, бегите в баушкину избу. Я вить к приезду-то карáлек настряпала. Все заходите, не стесняйтесь.

Она со всеми обнялась, поздоровалась и начала нас по очереди подталкивать к маленьким кособоким воротцам, а сама успевала расспрашивать:

— Дак вы чё сёдни долго-то ехали? Всё ли ладно у вас? Я уж все глаза проглядела. С пяти часов на дорогу заглядываю — вас всё не видать. Самовар два раз скипел. Печь вашу я протопила, пускай в избе согретца, потом уйдёте. А счас пошли на чай. И не здумайте отказыватца, нарачи к приезду стряпала. Галя, дак ты кому там всё машешь-то? Гости с вами приехали ли, чё ли? Дак зови их, зови! Не бойся, всем хватит.

Мама поняла, что ничего не вы́сидит, упираться не стала, пошла со всеми. Но характер выдержала — шла молчком. Пришлось мне самой объяснять нашу задержку. Вот, мол, родители захотели с нами съездить.

— Вай, дак ты чё, Галечка, ни разу не сказывала, што мать-отец тоже тут живут? Я вить думала, оне далёко где-то,— повернулась к отцу: — Дак вы пошто суды не ездите-то? Никаково курорту не нады. Речка рядом. Она хоть и небольшая, а все купаютьца, ребяшня-то из воды не вылезат. Дак и рыбачат. Ну-у-у, што ты! И ельчики есть, и сорожки, и окуньки. Хто удочками рыбачит, а хто дак и сетушки ставит. А еслив любишь рыбачить, бывает, и шпучка попадат, и налимчик,— остановила сама себя.— Вай, паря, одной-то тоскливо, дак каждому свежему человеку рада-радёшенька. Мои разговоры не остановить — голодны спать ляжете...

Всё же тетя Груша довела всех до дому... Мама так и ахнула!

— Как в музее у тебя! А ты, Груша, сама-то откуда? Прямо в детство попала, ей-богу!

— А пойдём-ка суды. Я тебе покажу, как мы на родимой-то Ангаре жили. Я на этой половине не белила, силы не хватат. Вот взяла да на заборку обои приколотила. Потом карточки развешала. А в горнице-то всё как у маменьки было,— отодвинула штोरину.— Иди суды.

— Вай, стой-ка, погоди! У тебя откуль дядя Ефим-то с тёткой Марусей взялись?— поглядела на Груню.— Вай! Это неуж ты?! Грушка?!

— Да, паря, правду сказывали: дескать, загордилась Нюрка-то Ефимихина. А чё не гордиться-то? Дивья, мужик добрый попал, не конюх или тракторист какой-нить. Чё тебе деревенских-то помнить? Не нам чета... генеральша...

— Ради Христа, Грушка, это вправду ты? Вот никак бы на тебя не подумала! Вай, ну-ка иди поближе-то! Сроду бы тебя не признала. Ты вить така сбитаая была да красношшо́кая. А счас, девка, какэсь как с креста снятая. Дак ты с чево тут живёшь, на даче-то? У тебя вить изба добра была,— мама не выдержала, закричала: — Галя, ково вы там топчетесь на улице-то? Бегите-ка суды! Ну-ка, ты думаешь, хто эта баба Груня? Дак это вить Грушка Рожкова, с первого класса за одной партией сидели! Со мной больше двух уроков никто не соглашался сидеть, а Грушке хоть бы хны! Или ты терпела?

— Дак всяко было... Тебя ведь только задень — ты пошла и пошла без ўдержу! А промолчишь — ты и забудешь, из-за чего ругалась. А я-то хоть с кем уживусь, така бесхарактерная.

— Помню-помню, на тебя хоть сколь реви, тебе всё хиханьки да хаханьки. Гли-ка, а ты ведь меня не признала...

— Врать не буду — не сразу, пока не заговорила. А потом вижу, замашки у бабы знакомые, все выходки Нюськины. А вот ты меня и счас не узнаёшь. Да не оправдывайся, я сама себя в зеркале не сразу узнаю.

Мама всё не могла успокоиться и поверить, что это правда её верная подружка, которая не один раз вырuchала.

— Ты моя родна, какой сѣдни праздник-от! Галюня, дак ты пошто нас эстоль время-то не привозила суды? Я дак нарадоваться не могу, свою задушѣвну подружку нашла! Дак я счас отцель вылезать не буду. И отца не выпущу. На дачах-то которы вить круглый год живут. А мы чем хуже? В ваших городах доброму человеку словом переброситься не с кем.

Я кое-как, сквозь смех, спрашиваю у мамы:

— Мам, а ты заметила, как ты разговариваешь? Мам, это какой язык? Я за все годы ни одного ангарского слова от тебя не слыхала...

— Дак вот, возьми меня, дуру старую! На людях, конечно, не обязательно разговаривать по-нашему, а вам бы не худо было послушать. Я знашь сколь время отвыкала, а нет-нет да выскочит словечко. А я потом со стыда сгораю. Ума-то не было.

— А как папа? Он заставлял тебя правильно разговаривать?

— Вася-то не ангарец, он по-нашему не научился. Ну, надо мной, конечно, посмеивался. Но чтоб заставлял — оборони Бох. Он на меня дунуть боялся, не то што чево. До того меня любил — взамуж безо всего взял. За душой не то што копейки, одежонки никакой не было. В чём из дому вышла, в том и ходила до его первой зарплаты. Я-то уехала, а у самой душа болит: как вы тут горе ложками хлебаете? И помогли бы, а как? Вася всё в разъездах. Не успеем обжитца, опеть уж чумадан складывать пора. Тоже всю жисть на казѣнных фатерах-то не шибко сладко. Но хоть мир повидали. Да и счас — чѣ здря говорить? Вишь вот — на пензии, а по курортам задаром ездим. Там же и одѣжу себе и ребятам подешевле берѣм. А счас помогать некому. Мамы, царство небѣсно, давно уж нету. Рассказывай, ты-то как устроилась, Грушечка? Как сейчас поживашь? Вижу, што несладко тебе.

Баба Груша призадумалась.

— Дак в колхозе вить одно обустройство — работа до упаду. Чѣ больше-то? Ты вот молодец, не побоялась с Васей уехать, даром што паспорт не дали в колхозе. А я к тому времю успела взамуж выскочить и дитя родить. И от них не вырвешься, и без них не уедешь... На работе-то, сама знашь, свету белого не видали. Так и выходит: в колхозе было худо, и без него не легче. Счас я тебе скажу, а ты к себе не прикладывай и не обижайся, это я для примера. Тебе работать негде было и некогда, раз с мужиком по всему свету таскалась. Так? Так или не так, а всё же ты не изработалась (между нами говоря). А пенсию наравнѣ с добрыми получаешь. По двадцатке, поди, огребашь каждый месяц?

— По двадцать четыре...

— Я тебя не виню. Не сама вить ты её назначила. А счас подумай. Я на пенсию другой год как вышла, а до этого мантулила всю жисть, не разбирала, бабья работа или мужичья. А получаю восемнадцать

рубλικов без пяти копеек. А кто раньше нас оформлялся, они и таких денег в глаза не видели, у них всё больше двенадцать да тринадцать... — Христос с тобой, я с чево обижатца-то буду?.. Мама пока жива была, дак напрохот отправляли то пятёрку, то десятку. Она хоть и ругалась, а куды деватца? Пензии-то на один хлеб хватало. Груня, я чё-то тебя не спрошу: Витька-то твой где?

— Дак где... Где родился, там и живёт — в маминой избе. Скоро сорок, самый мужик. Хочет пристройку сделать. Тесно им, никуды не вохóдят...

— Дак а ты пошто тут? Вы вить двоём остались, никово нету. Ты да он. — Так-то так, да у нево ишшо двое есть. А я чё? Из годóв выжила, а старуха кому нужна? С невеской, сама знашь, язык держи на привязи... Лишнюю корку хлеба не съешь. Она вроде и не скажет ничё, а кусок в горле застреёт. Никак не уживамся с ней.

— Вай, Груня, ты ково кружашь? Я бытто тебя не знаю! Ты скорей язык себе откусишь, чем изругашься...

— Сама не знаю. Так-то я не ругательна. Я как засобиралась уезжать, дак вся деревня издива вышла, никто не верил.

— Дак вот! От тебя ведь одна польза, уж минуты без работы не посидишь.

— Леший знат... А погляжу на них: как Витька дюжит? Она вить из больницы не вылезат, вся истонáлася. И что за мать? Ребёнчишка годами не видит, растёт парень с отцом. Он уж из мочи вышел. Я бы и помогла, дак она не даёт к парнишке близко подходить. Ругатца: дескать, с Мишенькой надо правильно разговаривать, а я ему язык засоряю. Чем я засóрила? Я говорю, с Витькой-то этим же языком разговаривала — и ничё, хороший мужик вырос, здоровый. Ну вот, я подумала, раз уж ей охота самой хозяйничать — пускай. Можеть, она из-за меня дома не хочет жить, а счас переедет из больницы-то. И мне тут спокойней. Одна беда — тоскливо. Меня Витька-то сам суды перевозил, дак всё тут проглядел, записал. На скору руку дыры заткнул, окошки вставил. Собирался до зимы приехать отремонтировать всё да дров привезти. Так и прожила зиму без ремонту, и дрова не вóжены... А она, паря, до чего вредна! Сама не едет и мужиков не отпускает. Витя-то, сколь раз было, позвонит: дескать, стряпай пироги, приедем нонче. Не успею обрадоватца — звонит, прошшенья просит: мол, все хотели поехать, да Эле худо сделалось, какэсь заумирала. Я уж тут осердилась, говорю Кольке, внуку-то: мол, дай-ка матери телефон, я сама с ей поразговариваю. Вот всё сказала! Не удержалась, прибавила... Ты, говорю, чё вытворяшь? Нацию, говорю, укреплять надо, а у вас один ребёнчишка. Для чево и живём — ребят оставить. Эта умирающшая сразу оздорóвела, заревела лихоматом: мол, сама тоже одного выродила. А я грю, кабы Витиново отца на войне не убили, дак мы бы и на трёх не остановились.

— Ладно-ладно, родна моя. Не говори и даже не думай об этой невестке. Пускай. Куда деватца, раз она мать твоёво внучка? Жалко, конечно, што в твоёй избе живёт... Да и чёрт с ней, пускай подавитца. Лучше про себя расскажи. Как жисть твоя после войны-то сложилася? Неуж так одна и прожила?

Аграфена тяжело вздохнула, как всхлипнула...

— Дак кабы одна... Витя-то подрос — бабы давай меня сватать. Я было отнекивалась, а потом думаю: и так вся истрепалась, кругом одна. Стала приглядыватца к приезжим. Поглянулся мне один сосланный. Ну и он на меня поглядывал. Забегать стал. То дровишек наколет, то воды натаскат. Вся деревня на него нахвалитца не может. Уж Жора этот и умный, и работяшший, и сослали его по ошибке. Бабе много ли надо? Ну и приняла я его. Где моя голова была? А он уж такой услужливый, такой хороший — хоть счас в пионеры принимай. Но ненадолго хватило. Потом не знала, девка, куды от него деватца. Не одну рюмку крови он из меня выпил. Витька уж подрос, стал за меня заступатца, а то, может, убил бы давно этот хороший-то. А двоём мы уж осмелели. В сельсовете нас натакали в милицию гумагу написать. Боле взамуж не ходила.

— Эх, Грушка, Грушка! И пошто ты така неудалая?

— Чё-то уж ты заворотила! Зато с избы-то как подфартило. И как угадала — рядом с твоими попала. Дочь-то у тебя молёная, да и зять не худой. За што бы она ни взялася, он уж тут как тут, помогать бежит. Ни разу не слыхала, чтоб оне стырили. А челядята-то от Христа, таки любушши. Не успеют приехать, бегут опровергать то с конфетой, то с яблокой. Все новости наперебой перескажут. И я их дожидаюсь по пятницам как своих. Ты ничё, не против?

— Я хоть и здряшная, но всё же не без глаз. Ты худому не научишь. Знашь чё, Груня, а давай мы с тобой, как на Дворце, всё артельно делать? Точно! Я побежала к своим, объявление сделаю.

Не прошло и получаса, смотрю, мама бежит, какой-то тетрадкой машет:

— Ну всё, у нас новый колхоз организовался. Назвали знашь как? «Ты мне, я тебе». У всех своя работа. Мой Вася с зятем — на тяжёлых работах: вода, дрова, ремонты. Первый договор составили. У тебя, Груша, изба на ладан дышит. А у молодых от ремонту матерьялу полно осталось. На крыше дыры закроют, трубу подделают, заплот подновят. А старьё всё распилят — вот тебе дрова, на зиму хватит. Тебя определим в няньки, штоб эти шмакодавки под ногами не крутились. Ну и пироги за тобой. Остальну еду готовим по очереди. Галя хозяйством заведовать будет. Ну вот, осталось директора назначить, но я уже подобрала кандидатуру. Директором буду я.

Не удержалась, погрозила пальцем:

— И чтоб слушались, а то вы меня знаете!

Татьяна Панова

* * *

Вечер полнится покоем,
Непогашенная лампа.
Милый Август, мы с тобою
Утешаемся обманом,

Где в окошке с чуть заметной
Виноватую печалью
Дождь оплакивает лето
Удлинёнными ночами.

Ни о чём уже не спорим,
Охраняя наши чувства.
Милый Август, скоро, скоро
Ветки яблоки отпустят.

Мы с тобою захмелеем
И опомнимся едва ли.
Милый Август... Неужели
Я тебя так называю?

* * *

Вдвоём не тягостно грустить,
Не видя в полумгле
К утру разбавленную синь
Во взглядах и в окне.

Я все мосты, что за спиной,
Давно сожгла сама.
И я с тобой, и ты со мной,
И за окном — зима,

Где скрыл вчерашний снегопад
Сожжённые мосты.
Мне от тебя и от себя
И некуда идти.

* * *

Оранжевым осыпалась листва,
И белой дымкой затянулись дали.
Молитв осенних горькие слова
Нам чьи-то губы ночью прошептали.

А по другую сторону окна,
Всё мучая раскаянием поздним,
На ветках накалились докрасна
Холодные рябиновые гроздья.

Вновь ожидания кугаются в плед —
Наперекор грядущему ненастью.
Не оттого ли в душах добрый свет
Нас приучает к будничному счастью?

Простому счастью взгляда и тепла,
Когда недели в сумерках дождливы...
О, если б жизнь помедленней текла...
О, если б мы помедленнее жили...

* * *

Цветным и ярким там и тут,
Чтоб стало ярче хоть чуть-чуть,
Я крашу утро, вечер, день
И чей-то голос, чью-то тень,
Седой черёмуховый снег
И даль в распахнутом окне.
Я крашу звук, я крашу взгляд,
Лесных ромашек аромат,
Слова, поступки и дела...
Я столько красок припасла.

Вячеслав Нескоромных

Шаманка

Предлагаем вашему вниманию первый раздел из книги «Шаманка», которая готовится к изданию. В книге рассказывается о событиях на реке Иркут, в окрестностях деревни Шаманка, в разные исторические периоды. Первый из них — освоение долины Ангары и Иркуты енисейскими казаками в семнадцатом веке; второй — Гражданская война и события вокруг Иркутска в период разгрома армии Колчака; третий — наши дни, когда молодые люди, ведомые затеей найти клад, оставленный отступающими казаками из охраны адмирала Колчака, производят поиски и соприкасаются с историей мест, где шумит веками сноровистый Иркут, высится на его берегах неприступная скала — место, где вершила обряды бурятская шаманка Эргин-тойон, лилась кровь первопроходцев-казаков с берегов Енисея и жителей бурятских стойбищ, звенели клинки белоказаков и красных анархистов Нестора Каландаришвили.

В долине Иркуты (в переводе с бурятского «эрхүү» означает «несущий воронки», «крутиться», «вертеться»), в момент проникновения в эти края первых русских казаков, проживала знаменитая воинствующая шаманка Эргин-тойон, державшая в страхе местные племена.

В 1652 году Иван Похабов сделал попытку со своим отрядом проникнуть по Иркуту на Байкал и в Тунку — обширную долину в предгорье Саян. Недалеко от излучины Иркуты, в районе нынешнего села Моты, он встретил отпор со стороны тунгусов и бурят. Ожесточённое сражение продолжалась два дня. Опасаясь полного разгрома, Похабов отступил. С целью укрепления власти пришлых казаков Иван Похабов в последующие годы возводит вверх по Иркуту ряд сторожевых постов. Не все буряты добровольно согласились платить ясак; случалось, что служивых людей, посланных для сбора дани, буряты убивали, после чего пускались в бега и откочёвывали с насиженных мест в Монголию. В ответ казаки частенько нещадно наказывали местных бурят, вырубая самых ретивых и беря в полон молодых. Бурятские семьи в ответ уходили с удобных мест проживания в Тунку и другие места предгорий Саян.

В отчёте царю атаман дополняет сведения: *«а под твою государеву высокую руку тех людей привести и чтоб они тебе государю ясак с себя давали нашии мочи столько не стало, потому что люди многие и конны, а живут в скопе и от рек откочевали».*

В результате долина Иркута от Ангары до Байкала и Тунки оказалась без поселений аборигенов, вытесненных пришлыми.

Из летописей известно, что шаманка Эргин-тойон в 1698 году воодушевила бурят на восстание и военный набег на Иркутский острог, который они собирались сжечь. Шаманка была схвачена казаками и повешена вместе с девятью главарям бурятского восстания.

На Мотском посту, что на правом берегу Иркута в несколько десятков вёрст от Иркутского острога, отбивались от нападающих бурят уже третий день. У нападавших не было ружей, и только звук пролетающих мимо стрел заставлял хорониться за частокол из брёвен. Верхи частокола были истыканы стрелами с чёрными и красными перьями. Снег вокруг поста был вытоптан, чёрен от сажи и обильно полит кровью. Взбунтовавшиеся бурятские скотоводы и охотники хоронились за берегом реки и слева, и справа от поста, и за крутяком, и за редким кустарником. Обозы и кони, на которых прибыли по льду реки с верховий, сгрудились в отдалении за поворотом реки, а с высоты частокола было видно, как небрежно спрятан бурятский обоз: кони разбрелись и настороженно стригли ушами, прислушиваясь к оружейной стрельбе у поста. От обоза к нападавшим на пост бурятам то и дело сновали посыльные — чувствовалось нарастающее напряжение, зрела тревога.

Восстание бурят было вызвано бесконечными поборами, отсутствием каких-либо правил и насилием, что чинили казаки из Иркутского острога во главе с Иваном Похабовым. Ближние к острогу поселения бурят вымели практически подчистую. Забирали мясо, выгребали зерно, заготовленный корм для коров и лошадей, уводили для работ в острог молодых девушек, и те были вынуждены служить в качестве прислуги и исполнять роль доступных женщин. Возмущение бурят, живущих вдоль Иркута, достигло предельной точки, но сил сопротивляться не было, и семьи тихо снимались и уходили вверх по течению реки в Тунку, — в обширную и богатую долину у подножия Саян, под защиту местных бурят. Тункинские буряты были богаты и воинственны. Близость гор и сопредельной Монголии, с жителями которой были натянутые отношения, ковали в тункинских бурятах умелых, стойких воинов и охотников. В тункинскую долину казаки без серьёзной надобности не совались, остерегаясь получить достойный отпор, несмотря на то что местные бурятские семьи были не в пример более богатыми и нажиться можно было обильно.

Среди укутанных в шкуры, в островерхих меховых шапках, бурят крутилась и была заметна невысокая, лёгкая и быстрая женщина с раскинутыми на раскрашенную кухлянку чёрными как смоль волосами.

«Шаманка», — тут же определили статус и нарекли странную бабу казаки.

Когда по реке от Иркутского острога подоспела подмога с пушками на санях, обороняющиеся на посту уже молились о спасении душ

на единственный сохранившийся образ великомученика угодника Николая Чудотворца: запасы пороха и пуль уже иссякли, а настырные буряты, настраиваемые вездесущей Шаманкой, напирали всё смелее, всё нахальнее, несмотря на то что все подступы к посту были завалены телами убитых нападавших. Некоторые из поверженных лежали под частоколом и были ещё живы: залитые кровью, с развороченными внутренностями, стонали и призывали степных духов прибрать их души.

Отряд иркутских во главе с Иваном Похабовым подошёл скрытно уже в сумерках и, понаблюдав за битвой со стороны, отметил чадящее пожарище на посту и обильную военную жатву на подступах к частоколу, атаковал тремя орудиями, заряженными картечью. Орудия для прямой наводки вытащили скрытно за кустами на берег и с него сыпанули смертельного града по скоплению галдящих перед постом воинов и тех, что теснились под обрывом и были прекрасно видны с изгиба реки. Залп был удачным: истошные вопли и разбросанные по льду реки тела показали, насколько искусным пушкарём был Демьян Старцев. Вот бывает такое: мужик вроде обыкновенный кузнец, а оказался таким искусным мастером-пушкарём — быстро освоил навыки стрельбы и мог навскидку острым взглядом прикинуть, покумекать, как и где поставить пушку, как лучше и точнее навести и бабахнуть так, что выкашивал противника рядами.

Буряты дрогнули и побежали. Вслед бегущим к своим лошадям кинулись прибывшие казаки и палили из ружей, присев на колено и выцеливая отступающих, добывая остатки бурятской рати. Среди отступающих крутилась на вороном коне та самая Шаманка. Её чёрное одеяние и волосы, рвущиеся из-под меховой шапки чёрными росчерками, маячили среди бегущих к своим коням и повозкам, надломленных неожиданным ударом бурят. По Шаманке палили все, каждому хотелось свалить ведьму, но та, словно заколдованная, ушла вслед за спешно ускользнувшим по реке обозом. Последнее, что видели казаки, — это злое, искажённое ненавистью лицо, когда, отступая, осадил она коня и, сдерживая его порыв, погрозила в сторону казаков тощеньким кулачком с зажатой нагайкой.

Гнаться за разбитыми бурятами не стали: смеркалось, и следовало оказать помощь служивым с поста. На посту в живых и подвижных осталась горстка-то всего измученных, закопчённых пожарищем казаков. Сам пост выгорел почти полностью, целых строений не осталось, и пришлось ночевать чуть ли не под открытым небом, соорудив кострище. Раненых бурят, что стонали под стенами поста, быстро уgomонили, не церемонясь, и за долгие часы битвы воцарилась тревожная тишина, и только вой растревоженных битвой волков за рекой у скалы будоражил слух и сознание.

Ванька Похабов, учинив расправу над иркутскими бурятами, которых кликали казаки промеж собой, словно в насмешку, «братами»,

задумался над ситуацией вокруг Иркутского острога и Мотского поста. На реке только Мотский пост сдерживал «братов» и уже третий раз выжигался после набегов по реке. Бурятские отряды сваливались в полной тишине, ночами, на лодках с верховий летом и, оставив за скалой свои плохонькие плоскодонки, закидывали спящих за стенами поста горящими стрелами. Наловчились смолу лесную приспособлять для горючих стрел и так ловко пуляли, что за час занимался пост во всю ширь огнями пожарищ. Тушить было не с руки, когда атакуют стены бурятские молодцы — все как на подбор низкорослые, раскосые и патлатые, с кривенькими ногами, но ловкие, проворные, словно мыши в чулане. От наседавших «братков» нужно было как-то отбиваться. А обороняться среди ночи порой было некому. С вечера отрядив посты по периметру, откупоривали казаки бутылки с водкой или самогоном и до полуночи бражничали, рядили разборки меж собой порой до мордобоя, припомнив прошлые обиды. А среди ночи, толком не протрезвев, ошалело пялились вокруг, пуча мутные глаза, не соображая, кто, куда и зачем бежит, сотрясая саблями да пиками, и отчего так пламенеет вокруг огненными всполохами. Так и выгорали порой вместе с постом служивые, и рос погост у реки, на круче берега, стремительно и побыстрее самого казацкого поселения. В отместку Похабов выжег все бурятские поселения вдоль Иркуты до самого Байкала, но крепкие тункинские улусы бурятских охотников дали резкий отпор и побили жестоко казаков. Те впервые бежали по реке до самого Мотского поста так шибко, что по дороге утопили ещё троих казаков, перевернув лодку на стремнине.

Много беспокойства доставляли буряты и зимой. В эту студёную пору, как река вставала и крепкий лёд позволял ходко добежать до поста, — нападения учащались. Особенно заметны были возрастающая активность и сопротивление после того, как отметилась среди бурятских воинов женщина в чёрном одеянии, с головным убором из перьев с цветными лентами из кожи. Женщина эта была невысока, совсем худа, но быстрая и решительная. Было замечено, как она говорит с бурятами, и в её позе и порывах чувствовались неистовая энергия и убеждённость.

К двум основным выводам пришёл Ванька Похабов, обдумывая сложившуюся к зиме ситуацию.

Первое — нужно замириться на время с бурятами, взять передышку, подумать, дожидаться подхода отряда казаков с обозом из Енисейска. Просили привезти пороха и ещё пушек с ружьями — расход боевого снаряжения был большим.

Для замирения Иван выбрал путь забавный. Поведали, что активно сватаются к дочери тункинского хана Баяркана женихи. Были среди них местные ловкие воины и охотники, приезжали и батыры из Монголии. На этот период свадебных церемоний буряты объявляли затишье в делах военных. Правда, не касалось это противостояния

с казаками, с которыми местные были на ножах до полного подчинения и поражения одних и победы других. Тем не менее решился Похабов сходить в Тунку, заверяя всех благосклонных к русским бурят в своей мирной позиции и желании примириться через родство с ханом. Когда весть о желании Похабова разошлась по округе и, вероятно, достигла Тунки и её хана, собрали обоз и отряд самых отчаянных казаков.

В обозе плотно уложили порох, ружья, пули, пару пушек-мортир, заранее заряженные картечью, вместо даров от жениха. Пушки закрепили так, чтобы бить сразу, не снимая с саней. Для этого и сани собрали крепкие, основу под пушки подвели, чтобы бить сразу в упор, едва развернув в сторону фронта. Боялся Похабов засады и знал, как опытный воин, что порой натиск важнее боевой мощи. Противник и подумать не успеет, как его охватит паника: стоит только одному-другому побежать в страхе — и все уже сломя голову несется от неожиданного наскока и огня. С бурятами это работало особенно эффективно: спокойные по жизни, отчаянные в бою, при неожиданных резких переменах ситуации частенько терялись, паниковали и способны были сделать решительную глупость, подставиться под удар.

Второе, что следовало предпринять, как полагал Похабов, — это как-то урезонить стерву, унять Шаманку, что настраивала боевой дух бурятских воинов своими проповедями. Сказывали, говорила колдунья о сопротивлении, о том, что нужно строить опорные пункты для охраны улусов от русских, собирать воинов для защиты рубежей, и призывала биться без страха, ибо бурятские дүхи на стороне сыновей бурятских и только ждут решительности и отваги от воинов степи и леса.

Как мириться — было пока непонятно. Говорить после смертоубийства и поборов легко не получалось. Нужно было что-то предложить весомое, значимое для диалога и замирения. Сказывали казаки, что у Баяркана, имевшего тучные стада в Тунке, дочка была на выданье и, говорят, красивая, светлая, стройная, с длинными смоляными косами. Ивану подумалось: а что, коли посвататься к местному князьку, что имел влияние на знать бурятскую, да и замириться по-родственному? Сказывали, Баяркан был разумным ханом, и мир с пришельцами ему был бы кстати. А не то, как снег сойдёт, несдобровать казацким постам и острогам вдоль Иркуты от Тунки до Ангары.

Наметили поездку скоро, но двинулись по реке обозом с осторожностью. Весть об обозе казаков с двумя пушками и верховыми при оружии облетела, конечно, быстро весь местный улус и ушла далее вверх по реке в самую Тунку. Похабов не трусил — он осторожничал. Много раз бывал Иван со своими подельниками в переделках с бурятами. Он давно усвоил, что с местными всегда можно договориться. Знал Похабов о простодушии бурятского народа, который бывал частенько из-за этого наказан. Чрезмерно доверчивые, буряты верили

слову и даже после многочисленных обманов продолжали верить и искренне удивлялись тому, как могут не следовать сказанному казаки, если обещание дано. Были также падки бурятские мужчины на лесть и похвалу, не гнушались взять дары, что также ими рассматривалось как знаки уважения и почитания, а уже потом как материальная награда.

Отряд Похабова двигался ходко, и встреченные на пути буряты проводили его взглядом, особо не хоронясь, но и не вступая в разговоры, а когда казаки пытались о чём-то расспросить местных, те поспешно уходили за изгородь и прятались в жилищах. Настаивать на расспросах Похабов запретил во избежание ненужных в данной ситуации стычек.

К жилищу Баяркана прибыли светлым днём. На берегу реки среди редких сосен обосновалось стойбище. Здесь было несколько строе- ний из брёвен, стояли рядом юрты и обширный загон для скота. Несколько яков и стреноженные верблюды флегматично жевали сено, выхватывая его из копны, придавленной тремя увязанными поверху брёвнами. Вокруг уже крутились группы всадников: все местные знали, что злой дух казаков из России прибывает в лице Похабова, чтобы породниться со знатной бурятской семьёй, и это было важно, ибо сулило послабление в поборах, снижение насилия и даже, возможно, мир.

Однако многие, чаще молодые, араты не желали такого союза, почитая его за слабость. Убивать и гнать с нашей земли! — таков был единодушный призыв, и была его проводником Шаманка.

Похабов со своим помощником Курбатом Краухой спешили и, передав поводья коней ближним казакам, шагнули к бревенчатому, выложенному шатром дому богатого бурята. Дом этот был обширен, сверху укрыт покатою крышей в виде шатра, обильно припорошённого теперь снегом. Перед входом стояли два буряты; особенно выделялся один из них: высокий и в то же время заметно крепкий насупленный молодой воин в кожаных доспехах, обшитых стальными и медными бляхами, в добротных сапогах с загнутыми носами и длинной кри- вой саблей на боку. Голова бурята была укрыта меховой шапкой с оторочкой лисьим мехом.

— Племяш его, — дыхнул в ухо Похабову Крауха, — здоровенный какой! Сказывают, силы немереной мужик — батыр по-ихнему, а Баяркан заставляет неугодных женихов с ним на руках бороться, сидя на конях. У них это забава такая: выдернуть нужно из седла противника и уронить на землю.

— Я что им, скоморох — потешную справлять?! — чертыхнулся Поха- бов и почувствовал, как пропадает уверенность в успехе его затеи, когда мельком оглядел щекастого молодого парня, пристально и нагло проводившего взглядом прибывших на сватовство русских.

По сути, сама затея Похабова была богонепригодной, ибо ждала в Енисейске Ваньку жёнка его, баба с характером, — Варварка Изборская.

Дочка бывшего воеводы в Енисейске, ныне упокоенного Дмитрия Изборского, вышла за Похабова от нужды. Красивая Варька долго крепилась, да семья поиздержалась после гибели отца, и ничего не оставалось, как пойти за служивого казака без роду, коли у него авторитет, силища и денег в достатке. Но Иван давно проповедовал ту истину, что богоугодное дело — оно тогда таковое, когда выгодно выгорает делать то, что велено и ведёт к достатку и успеху. Бурятскую девку Иван за человека не почитал, а думал так: мира добьюсь, принудив породниться, а там к лету трава не расти, коли придут из Енисейска отряды новые и приструнят «братьев» так, что кишки свои по заборам сами развешивать будут. А девку можно и оставить — греха не будет, она ведь иной, дикой веры, напрочь тёмной, как дымоход в печи. Оставлю на потеху мужицкую, соки из неё подавлю, плоть мужицкую потешу. Сам так думал, а в глубине бедовой головы уже зрели виды того, как будет забавляться с писаной юной девой у себя в свежесрубленном доме в Иркутском остроге. Что тут скажешь — похотлив был Ванька. А с возрастом, когда мужская сила стала убывать, только молоденькие упругие тела и зазорные округлости и распяляли его плотские желания до состояния непроходящего похотливого рвения.

Но дело повернулось иначе, и сразу понял Похабов по всему, что ждал тут его полный отказ, а то и унижение. А коли так случится и не оценит Баяркан его доброго жеста, задумал Ванька Похабов учинить трёпку бурятам. По всем было видно, что поверили в его добрые намерения «братья», рассупонились и никакого настороженного поведения не выказывали. А это значило одно и очень простое: глупо этим не воспользоваться, о чём шепнул уже возле самого дома Баяркана Курбату Краюхе. Тот сразу развернулся и пошёл готовить своих казаков к боевому варианту развития событий на всякий резкий неожиданный поворот — ну, коли созреет таковой.

Баяркан оказался невысоким, сухоньким, подвижным, с аккуратной стрижкой и волосами, убранными по-китайски в пучок на затылке. Лицо хана, ухоженное, строгое, с внимательными ясными глазами, было приятным. На хозяине был шёлковый халат, расшитый богато и ярко, на ногах сапоги с лихо задранными носами. В доме на полке Иван отметил несколько толстых книг в кожаном убранстве, тяжёлые подсвечники также китайской работы и много резных вещей, изысканных и оригинальных.

Дочка Уринбаяр была тут же. Сидела в уголке изящная юная барышня, нарядно одетая, украшенная бусами, в расшитом цветными бусами и золотыми монетами халате, со свежим смуглым личиком и угольками внимательных весёлых глаз. Глянул Иван на девицу, и сразу она ему глянулась. Вдруг подумал: а что, коли и правда взять её в жёнки да остаться здесь, в крайней Сибири, полноправным воеводой с ней, а Варьку оставить в Енисейске?

Баяркан вышел навстречу Ивану. За его спиной стоял легко одетый воин, готовый выхватить из-за пояса уже обнажённую кривую саблю. — С миром мы, хан, — успокоил Похабов Баяркана приветствием и доброжелательным своим видом.

— Наслышан о твоей цели, — быстро ответил Баяркан и, подумав, продолжил: — Любимая дочка ещё мала, в жёны отдавать её не хочу до весны.

— Вражда у нас разгорелась, Баяркан. Гасить её нужно сильным средством, вот и подумал, что породниться — верный путь нам с тобой получить долгий мир. Коли сговоримся — до весны я подожду. — Не там ищешь мир, воевода. Перестань притеснять народ мой. Мы твоему царю не присягали, ты нам не власть. И к тому же не знаем мы, чью ты волю здесь вершишь. Царскую ли — или свою, в твоей голове созревшую?

Похабов стушевался и почувствовал, как злоба растекается по жилам и туманит уже рассудок. Но сдержался воевода, как умел в критическую минутку затаиться и ударить уже выверенно наотмашь. — Значит, хочешь дочь мою взять в жёны? Я не против. Ты знатный в краю нашем воевода-батыр. Но хотелось бы тебя испытать, и, следуя нашему обычаю, условие у нас есть: покажи свою силу и решимость породниться в борьбе. Мой племянник Бадма покажет тебе наше нежелание отпустить красавицу Уринбаяр из дома, а ты покажи свою решимость забрать её, чтобы мы понимали, насколько она дорога тебе.

Похабов ещё более смутился, но отступать было не в его натуре. Кровь резко заиграла, зашумела по жилам стремительными потоками так, что заломило мышцы, кровь ударила в голову — заломило в затылке, глаза налились кровью.

Тут из потаённой двери, прикрытой расписным китайским ковром, выскользнула чёрная тень и тут же развернулась, открыв своё бледное лицо в обрамлении смоляных длинных волос, падающих на грудь. На лице вошедшей бесшумно женщины горели огнём яркие глаза, а губы кривила презрительная усмешка. Женщина шагнула к Баяркану и потянула его за руку, отвлекая от Похабова. Баяркан послушно отошёл и, склонившись над женщиной, слушал горячий её шёпот и постепенно менялся в лице: благодушное, спокойное лицо хана обрело строгость и сосредоточенность, он искоса глянул на Похабова. Когда Баяркан беседовал с Шаманкой, а это была она — Похабов признал её по порывистым угловатым движениям и чёрным как смоль волосам, — стало понятно, что былой разговор с ханом готов потерять свою актуальность.

Уловив чутьём охотника, что жертва ускользает, уже в азарте Похабов выдохнул:

— Я готов сразиться с твоим племянником. Ты собирался отдать дочь, если я одолею его в борьбе.

Баяркан был в замешательстве. Он было решил всё отменить и во избежание потерь и утраты лица просто отказать русским в продолжении сватовства, но сказанное им ранее отменить он не решался. — Хорошо. Готовься к схватке, воевода.

К Баяркану стремительно подошла Шаманка и снова гневно зашептала ему что-то на ухо. Тот выслушал неистовую бабу и уже несколько нервно ответил ей, убеждая в чём-то своём. Шаманка отпрянула, выставилась на хана своими глазами, сверля его взглядом, и ответила коротко шипящим звуком, словно змея, которую пытаются загнать в угол. — Быть посему, воевода!

На улице толпились буряты — молодые в основном, с ножами и кривыми саблями, злобно поглядывали на русских, готовые их порубить по одной лишь незримой команде хана.

Похабов был не из робких слабаков. Любил возиться воевода с тяжёлыми чурками, тгая их без устали, помахать лишний раз клинком, когда заметил, как без активной работы дряхлеют мышцы. Гнул на спор железо, а кулаком мог проломить голову любому, что неоднократно случалось в пьяных драках ещё по молодости и в схватках с противником. От удара в лоб из носа поверженного начинала хлестать кровь, а глаза становились как у лягушонка — навывкате и налитые кровью. Особой забавой было оглушить бычка на забое кулаком в лоб и добить уже лихим ударом ножа.

Племянник Баяркана Бадма был молодец что надо — крупный, силищи немереной, огромный и смотрелся на коне как гора, но несколько медлительный. Бадма смотрел на Похабова с вызовом, и в его движениях и взгляде была уверенность, которая питается силой духа и молодого тела.

«Увалень», — подумал Похабов и сразу решил, что нужно действовать с ним быстро и решительно.

Похабов неспешно уселся на своего испытанного в боях коня и направился в центр образованного толпой круга. Проезжая мимо Курбата, который распорядился с боевым расчётом и теперь стоял, ожидая новых наставлений от Похабова, кивком указал в сторону казацких саней, давая знать о том месте, где он должен был находиться. Курбат тут же направил своего коня к группе казаков возле саней с укрытыми от глаз пушками, и те, быстро сообразив, взялись разворачивать сани, направляя дула пушек так, чтобы удар был точнее. Отметив, что его указание воспринято дружиной верно, Похабов выехал на центр круга, где уже возвышался на своём пятнистом приземистом жеребце его противник.

Без предисловий Иван и Бадма на своих конях закружились в танце, а поначалу с азартом сошлись резко так, что кони схлестнулись грудь в грудь и успели покусать друг друга. Над полем раздалось злое ржание почуявших кровь животных. Иван ухватил решительно Бадму за руку и удачно другой рукой за шею, опрокинув лохматую лисью шапку.

Стало видно, как лысая голова батыра покраснела, проступили набухшие кровью вены. Бадма вывернулся и схватил Ивана сзади за шею и потянул из седла, но получил удар локтем в лицо и ослабил хватку. Было видно, как из разбитого носа бурята потекла струйка крови. Похабову было тоже нелегко, он тяжело дышал: Бадма придавил при захвате шею и сбил дыхание. Соперники вновь закружили, выскивая возможность атаковать и захватить противника. В какой-то момент Похабову показалось, что удобный миг настал, и он прищпорил коня резко, бросился вперёд, но Бадма увернулся от атаки и на встречном наскоке выставленной рукой с согнутым локтем ударил Ивана в голову и опрокинул его. Похабов теперь едва держался в седле. Бадма воспользовался случаем и ухватил Ивана за шею, потянул резко из седла и бросил наземь. Вокруг борющихся бесновались буряты, которые уже совсем не замечали в азарте того, что казаки изготовились к атаке.

Как только Похабов оказался на земле, а его противник, победно вскинув руки, демонстрировал своим одноплеменникам своё величие, раздалось ликование бурят. Похабов, понимая, что это самый удобный момент для атаки, стал выбираться из толпы, плохо ориентируясь после удара о землю. Буряты расступались перед ним, смеялись в лицо, кривили лица, ликуя, тыкали пальцами и всем своим восторгом пытались показать то, как они счастливы и наслаждаются столь яркой победой их богатыря над ненавистным урусом.

И тут грянул залп из пушек. Картечью покосило бурят на площади, в щепки разнесло постройки и изгороди. Вслед за орудийным залпом грянули ружейные разряды. Поляну затянуло дымом. Пушки успели перезарядить и снова жажнули по строениям так, что полетели брёвна и человеческие тела, разорванные, надломленные, окровавленные, разбросало по поляне. Уцелевшие в панике убежали прочь, другие неслись на конях в сторону леса.

Похабов выехал на поляну — место его недавней схватки с Бадмой — и отметил, как выглядит теперь поверженный смертельным залпом его недавний противник. Бадма ещё был жив, его исковерканное металлом тело билось в конвульсиях, лысая крупная голова была залита кровью и беспомощно тряслась, плава снег.

Похабов шагнул в сторону дома Баяркана. Когда шла схватка, он отметил, что Баяркан со своей дочерью стояли у входа. С ними была и Шаманка.

Внутри дома теперь было пусто, но Баяркан и его дочь скрывались за отмеченной ранее потаённой дверью.

— Собирайтесь! Поедешь с нами! Дочь свою тоже возьми! —скомандовал Похабов, рассудив, что держать хана с дочкой может оказаться выгодно.

С другой стороны, Похабов не мог оторвать глаз от красавицы Уринбаяр, такой милой и желанной она ему казалась особенно теперь, после пережитого стресса и сокрушительной победы.

Уринбаяр была напугана до смерти и почти без чувств, молча тараща глаза, смотрела на казаков. Красивое смуглое лицо девушки было бледным, в глазах отразилось смятение, и она скромно сидела в уголке — её колотила дрожь.

В дом вбежал старший из казаков, вислоусый Касьян Рылов, с криком:

— «Браты» атакуют! Лавой прут! Очумелые, а с ними и ведьма бурятская!

Похабов и Курбат выскочили из дома. Со стороны леса на казаков летела группа всадников. Во главе лавы бурятской неслась, распластав полы халата, словно крылья, Шаманка. Её развевающийся чёрный как смоль халат и бледное лицо с горящими глазами были отчётливо видны. Похабов тряхнул головой, отгоняя вводящее в оцепенение видение лица Шаманки, когда она грозила ему давеча своим кулачком.

«Как она всё успевает?!» — подивился про себя Похабов и командовал:

— Всыпь им, Демьян, гороху казацкого.

— Счас, не сомневайся, атаман, всё уж готово! Приласкаем «братков»! — ответил весело пушкарь и зажёл фитиль.

Пушки одна за другой яростно рыгнули свои заряды: поле окутал сизый с чернотой густой дым, и картечь с воем понеслась навстречу атакующим в отчаянном броске бурятам. Густой строй всадников оказался губителен для конницы: два ствола в одно мгновение снесли почти всех, и теперь на снегу, среди прекрасной долины, корчились от боли, бились в истерике не способные уже кому-то угрожать смелые сыны земли саянской. Шаманка и тут уцелела — несла по жизни её неистовая вера, её личный поход против вероломства и жестокости слуг белого царя. Конь, ошалев от грохота и крови, уносил Шаманку в сторону строгой на фоне голубого неба кромки леса, и развевающийся чёрный плащ символизировал печаль и скорбь по убиенным.

Среди казаков царило воодушевление. Победа была полной. Решили не тянуть и, собрав оружие поверженных и всё то, что было в доме Баяркана, на снаряжённые сани, тронулись в путь. Ошеломлённый событиями хан и его дочь сидели в возке, который также забрали из стойбища Баяркана. План Похабова сработал: доверчивые буряты пропустили смертельный удар и на долгие годы не осмелятся атаковать русские посты и острог.

Ходко, остерегаясь засад бурятских, за сутки добежали до Мотского поста, сделав остановку для подкорма лошадей и отдыха в Култукском остроге.

Немного передохнув и оставив казаков на посту, дав указания по службе, Похабов с Курбатом отправились в Иркутский острог с захваченными пленниками. Те совсем приуныли: есть отказались, все молчали и сидели обнявшись. Баяркан сидел надушенный и не

вступал в разговор, а когда к нему обращались, отворачивался. Уринбаяр плакала непрерывно, то и дело прижималась к отцу, прятала лицо в мехах, смотрела испуганным до смерти загнанным зверьком.

Тем не менее трагедии ничто не предвещало: пленники были послушны и тихи. По прибытии Похабов, разгорячённый последними событиями и успешным рейдом в самое сердце бурятской Тунки, решил не церемониться и забрать сразу Уринбаяр к себе, чтобы приодеть, одарить вниманием и заботой. Когда пленники вышли из санок и Похабов молча потянул Уринбаяр за руку за собой, Баяркан вдруг выхватил тщательно спрятанный в складках одежды нож и замахнулся на Похабова. Казак, что стоял рядом, ударом ружья остановил смертельный замах и опрокинул щуплого хана, но тот, ловко извернувшись и не потеряв ножа, вскочил в горячке и снова кинулся на Похабова. Удар саблей остановил порыв отца защитить свою дочь от надругания: казак, что стоял поодаль на посту, успел выхватить оружие и рубанул Баяркана навстречу. Удар был смертельным. Тяжёлая сабля рассекла тело хана от шеи до груди. Потеряв всю силу в одно мгновение, тело Баяркана, словно снятая ненужная одежда, соскользнуло вниз, распластавшись у ног Похабова.

Пережив нападение, Похабов разъярился и, как всякий, кто не готов признавать своей ответственности за произошедшее, накинулся с оскорблениями на Баяркана.

— Зачем он это сделал?! Он бы получил всё, что ему нужно для жизни, в обмен на мир! Он сам всё испортил! — вопил Похабов, опорожнив кубок с крепким вином.

К ночи, не остыв от ярких происшествий последних дней и одичав окончательно от выпитого вина, Похабов пошёл «знакомиться» с дочерью хана. Та сидела в комнате на самом верхнем, втором, этаже рубленного как крепость дома и была смертельно испугана. За сутки своего пребывания девочка ни разу не побеспокоила своих охранников и приставленную для присмотра служивую девку, а тихо сидела, не притронувшись к еде и воде, в самом тёмном углу и тихонечко скулила, оплакивая отца и потерю свободы.

Похабов шумно вошёл в комнату и, гремя сапогами и саблей, прошёл в угол к Уринбаяр. Оглядев скулящую, заплаканную девушку с распухшим от слёз лицом, Похабов, присев на край широкой, рубленной из крепких досок кровати, стал разглядывать сгорбившуюся и превратившуюся в горестную пичугу дочку убитого по его воле хана. — У тебя всё хорошо ли? Кормят тебя подобающе? Отчего нос воротить? — стараясь как можно ласковее, выдавливал из себя слова Похабов, размышляя о том, что ему делать с надломленной горем девицей.

Уринбаяр в ответ ещё больше сжалась, глядя затравленно исподлобья, и Похабов, ощутив вдруг нежелание приспособливать девушку к себе, встал, чертыхнулся и громко вышел.

Поутру Похабов собрался съездить на Мотский пост, где требовалось поправить дела, навести распоряжения и быстрее подготовить пост к возможной атаке возмущённых бурят — те явно готовили ответ на вероломство казаков. Возмущение бурят можно было понять: после сечи в Тунке, что случилась после заверений в стремлении к замирению, полегло и было покалечено несколько десятков бурятских воинов. В семьях погибших и раненых созрело возмущение, и хотя силы были изрядно подорваны последними событиями, приготовления к мести были очевидны. Во многом возмущала, шебаршила испуганный народ Шаманка, которая не унималась и продолжала свой личный поход против казаков, против русского царя и веры православной.

Похабов решил взять с собой в поездку Уринбаяр, надеясь как-то её отвлечь от горечи событий последних дней, дать подвигаться и подышать воздухом, побыть им вместе, выказывая пленнице, что всё зависит от неё: захочет — и будет свободна и под покровительством его, воеводы, власти.

Уринбаяр обрядили по случаю поездки в соболью шубу и красивую меховую шапку, красные узорчатые сафьяновые сапожки на меху. Смотрелась девушка как нарядная игрушка, и только заплаканные, полные тоски и печали глаза и мертвенная бледность лица выдавали смятение в её душе.

Отправляясь в поездку, Похабов всю хотел угодить Уринбаяр и приказал в упряжь поставить молодого, очень красивого, жгучей вороной масти, жеребца. Жеребца только осенью объездили, и он, чуя нерастраченную растущую силу, застоявшись в тёплой конюшне, бил отчаянно копытом. Красоты был конь неопикуемой: высокий, с длинной, с проседью, гривой и густым хвостом.

— Охлонись, — посоветовал робко конюх, — конь ещё диковат, для долгих поездок мало приспособлен, быстро выдохнется, начнёт дурковать.

— Запрягай, — отмахнулся Похабов, представляя, каким красивым да ретивым будет конь в упряжи с резными металлическими бляхами, добытыми нынче в Тунке.

Санки с пленницей, верховые охраны и сам Похабов споро по реке, по накатанной дороге, что вилась, повторяя очертания берега, дошли до скалы с прижимом реки. За скалой, на которой творила обряды Шаманка, тянулась густая тайга, и до поста оставалось совсем уже немного, как из-за скрытого поворота на отряд кинулись конные буряты, а впереди летела уже знакомая фигурка неистовой ведьмы. Отряд бурят был небольшим, но стремительный натиск мог бы стать смертельным, если бы не лёд, замёрзший неровно в том месте, где река огибала валуны, преодолевая пережат. Под снегом губительное место было неприметно. Первыми влетели на неровный и дырчатый лёд Шаманка и несколько всадников. Кони забились, стали валиться, ломая ноги, всадники распластались на снегу, некоторые подняться

не могли — разбились крепко о торчащие под снегом камни. Казаки, отметив вовремя атаку, заняли оборону вокруг саней и, как только всадники влетели в наледь, залпом накрыли и упавших, и тех, что резко остановили коней и, развернувшись, кинулись в обход. Так вот, поспешно в слепой ярости начав атаку, нападавшие угодили в западню. Зрелище поля боя было удручающим: изломанные кони, побитые люди, отчаянные крики и злой, как рок, рык поверженной Шаманки.

От выстрелов санки с Уринбаяр вдруг понеслись молодым вороным жеребцом, совсем не обстрелянным и пугливым. Возница, в то время как полетели санки, стоял рядом с ружьём и не успел ухватить вожжи. Летели санки напрямиком к скале, около которой вода и вовсе не замерзает, падая стремительным потоком в провал. В этом месте вода парила всю зиму, и изморозь нарастала на скале причудливыми ледяными наростами, и стоял шум воды, и провал как бы парил, рождая облако мельчайших капель воды.

— Держи его! — завопил возница.

— Уйдёт под лёд, ноги переломает! — уже кричал Похабов.

Было поздно ловить санки и вороного: вынес ретивый конь санки с дочкой хана к скале и ухнул вместе с санями и Уринбаяр в грохочущую подо льдом у скалы воду.

Отвлечясь на спасение ханской дочки было пока ещё невозможно: буряты отступили, и нужно было закрепить успех и, главное, изловить Шаманку, что сильно ушиблась и теперь пыталась, волоча ногу, уйти в сторону лесистого берега.

— Лови её! Она не должна уйти! — завопил Похабов, забыв тут же об Уринбаяр, и сам кинулся за Шаманкой бегом по льду.

За ним побежали и другие казаки. Шаманку настигли, прыгая по неровному льду и перескакивая промоины. Та села уже без сил на лёд и смотрела на догнавших её казаков с особой злобой в глазах: казалось, она готова прожечь каждого взглядом. В руке неистовой женщины был узкий нож, и Шаманка вдруг решительно наставила его на казаков. Это не помогло: Курбат Краюха скинул свою длинную шубейку и накинул на сидящую на льду Шаманку — та забилась, скидывая овчину, но её тут же сгребли, нож отняли, и два казака поволокли щуплую и уже немолодую женщину через ледяное поле. Шаманку закинули на лошадь, привязали к седлу и гуськом, осторожно отправились глянуть на то место, где под лёд ушли санки с ханской дочкой и красавец-жеребец.

У скалы в проёме у самого берега ревела вода, обрушиваясь в невероятную воронку. В самом водном потоке уже ничего не было заметно, и только у края обрыва к водному потоку, стремительно уходящему под скалу, там, где обрывались следы санок и коня, на снегу лежала меховая шапка — как прощальный привет от сгинувших здесь, на реке, под скалой — обителью Шаманки, безгрешной Уринбаяр и молодого ретивого жеребца Святогора.

— Вот как бывает, — произнёс Похабов, — мы, грешные, — живы и здоровы, а те, кто невинен и заслуживает большего, — пропадают без следа.

— Господь забрал, чтобы смуты было поменьше, — ответил оказавшийся рядом с воеводой Курбат Краюха и продолжил, потеряв свою чёрную с проседью бороду: — Что с Шаманкой делать будешь, атаман? — Везём её на скалу! — скомандовал Похабов. — Там и порешим, ждать и рядить не будем, а то снова ускользнёт, как змея.

На скале гулял ветерок. Присыпанная свежим снегом поляна упрятала натоптанные дорожки и припорошила деревянных истуканов-идолов. Истуканы, обряженные в причудливые снежные шапки, молча стояли округ мёртвого в этот миг кострища. Тут же приспособили на краю скалы толстую ветку высоченной сосны и накинули верёвку, поспешая в надвигающихся сумерках. Повели коня к сосне, Шаманку скоро определили в петлю, отвязали от седла и резко потянули. Взлетела вверх почти невесомая телом, но такая крепкая духом женщина и закачалась над обрывом, над рекой и всей округой, которую она и её предшественницы оглядывали по-хозяйски долгие годы.

Когда казаки, спеша, спустились со скалы вниз к реке и, переправившись, двинулись к сторожевой станции в Мотах, остановились и оглядели снизу чернеющий на фоне разгорающегося звёздами неба грозный силуэт повешенной Шаманки. Не успев насладиться видом поверженного врага, вдруг отметили рванувшуюся ввысь чёрную как смоль птицу: то ли ворона необыкновенной стати, то ли иную неведомую крылатую тварь, до умопомрачения жестокою и грозною.

Казацкий наряд замер, глядя на чёрный размашистый силуэт летящей над рекой птицы, и головной казак, что пристраивал косматую голову Шаманки в петлю и справил казнь, обронил, косясь на Похабова:

— С бабой — оно всегда так: кажется, всё — овладел, покорил, приспособил под себя, а она, глядь, взмахнёт крылом — и нет её. Плоть бабья, может быть, и рядом, да дух уже унёсся ввысь и вдаль.

— Сжечь надо было бы, а пепел развеять, — процедил сквозь зубы Похабов, проезжая мимо на своём жеребце. — Теперь уж в другой раз, коли сызнова словим ведьму.

Ольга Немежикова

Повесть о счастливом детстве

Александр Астраханцев. Мой День Победы: повести и рассказы. — Красноярск: ООО «КАСС», 2021. — 160 с.

«Что могу добавить ко всему написанному о том времени и том дне я вместе со своим детским восприятием?» — спрашивает автор с первой страницы, с первого абзаца своей повести «Мой День Победы».

Шестилетнему мальчику День Победы запомнился по-детски непосредственно и не по-детски основательно. Неспроста многие авторы обращаются к детским воспоминаниям лишь с высоты прожитых лет, виртуозно овладев мастерством слова, чтобы бережно донести всё самое значимое и самое дорогое, из чего вырос жизненный путь.

Хлеб и война; жизнь и смерть; мир отца и мир матери; родной дом и село; школа и детский дом; трудяга-конь; дальняя дорога; волки и человеческая жестокость; пейзажи, цветы и птицы; дружба и первая любовь — всё вошло в собрание детских впечатлений.

Повесть предваряется посвящением: «Памяти моей мамы Веры Дмитриевны Турлаповой». Мама навсегда осталась для автора самым близким человеком. Талант искренней сыновней любви, что бы о том ни говорили, редок и прекрасен. Не устаём любоваться, насколько идеальной огранкой сияет он в повести.

Колорит и дыхание времени раскрываются автором не столько канвой внешних событий, сколько через характерные художественные портреты. В композиции говорящей галереи не единожды встречаются нежные, светлые портреты мамы. «Так и остались в памяти, слившись воедино, солнечный блеск полудня, одуряющий запах вянущих на жаре цветов, мама в белой косынке, в светлом ситцевом сарафане в мелкий зелёный цветочек, с открытыми, коричневыми от загара плечами, шеей и руками, — и лёгкий, серебряный её голос...»

Что мы узнаём из повести о войне? Всегда была война, а теперь она кончилась. «До этого самого момента я даже не совсем понимал: что значит — кончилась война? Ведь всю свою жизнь, сколько я себя помнил, она была, и мне это было понятно. Как же мы теперь будем жить? — шевелилось во мне какое-то неясное беспокойство». Пускай мальчик в свои шесть лет вслух читает газеты для бабушки, война для него лишь абстракция; однако мы получаем полное представление о духе и быте того времени в сибирской глубинке, в глубоком тылу. В этом смысле жанр повести — самое реалистическое бытописание, прожитое ребёнком.

Сюжет повести приключенческий. Сначала мальчик опоздал на митинг по случаю Дня Победы, а после заблудился с товарищами в лесу и попал домой только ночью. В эти невольные опоздания он не единожды встречается со смертью, рядом с которой взрастает в иной системе измерения, нежели повседневность. Словно этот день устроил мальчику проверку, говоря сегодняшним языком — квест, проведя по основным тропам детства наяву и в воображении. Встреча с самим собой — всегда испытание на прочность, пропуск или тупик, обход которого нередко приводит к открытию нового мира. Именно это с маленьким героем и произошло. Всё, что отразилось в его сознании в этот день, было не чем иным, как попаданием в миф, в бытие.

Все значимые события, а незначимых в этот день не было, густо пропитаны мистикой и поэзией природы, что неудивительно, ведь волшебство впечатлений, подлинная глубина восприятия без них немислимы.

Настоящий праздник чувств — философские обобщения повести, ясные, самобытные, вдохновенно-лирические.

Как говорится, даже не знаешь, с чего начать комментарии... Потому что со всех сторон — восхитительно! И всё-таки — в путь!

«Происходило это в таком далеке от сражений и побед той войны, что и представить себе трудно: в глухой сибирской деревне, дальше которой и дорог-то нет — одни чащи да болота».

Утро началось с того, что *«на моих глазах с лёгким треском лопа-лись почки на ветках... Я наклонился, набрал в свободную ладонь липкой чешуи и стал нюхать; она пахла пылью, ветром, а главное, сладчайшей тополиной смолой, и я глубоко, до головокружения жадно внюхивался в этот медово-сладкий запах...»*

Запахов и звуков в повести неисчислимо. Пахнет хлеб, купленный по карточкам; голубым дымком чадят бесконечные драники (основная еда). Поскрипывает запечный сверчок. Цвенькают в плите угольки. Доверчиво мычит корова. Запахом каменноугольного дыма с привкусом серы манит кузня. Волшебные скрипы и скрежеты издают колхозные станки. Бухают, словно колокола, отцовские сапоги, в которых болтаются тонкие ноги товарища. Волшебно пахнут резиной новенькие глянецовые галоши. От трактора тянет горячим машинным маслом. Сочно хрустит молодым пыреем и фыркает конь Серко. Нет запаха прекраснее пахучего конского пота. От черёмухи, только что полыхнувшей белым цветом, *«текут по улице горько-душистые волны»*. Самый таинственный запах — у французских духов эвакуированной из Ленинграда учительницы. Мамаины полевые цветы — *«аро-машки»!* Серебряный мамин голос! И поют, поют разные птицы! *«В небе, будто подвешенные на солнечных лучиках, висят, трепеща крылышками, жаворонки, и от их трелей звенит и лучится воздух»*.

Маленький герой растревожен ароматами, звуками, пейзажами счастья. Однажды увиденное цветущее льняное поле *«навсегда поразило*

меня густым синим цветом, раскинувшись до горизонта: казалось, само небо упало на землю и растеклось по окрестным холмам».

Мальчик жил словно заговорённый, во многом ему сопутствовало тотальное везение — память автора рачительно сохранила позитивный детский опыт, не увязая в неизбежных травмирующих обстоятельствах и нравственных потрясениях. Потребовались деньги на лечение — из маминого сундука было вынуто жемчужное ожерелье, подаренное маме бабушкой (прабабушкой героя) на совершеннолетие; в омут упал с палкой, которая помогла выбраться. Семья была избавлена от ада эвакуации, в то время как семьи эвакуированных перебивались в убогих землянках, а их дети ходили по селу в обмотках, вымаливая картошку и газеты для тепла (из стёганных газет эвакуированные мастерили себе постели и утеплитель под жалкую одежду). У мальчика был тёплый дом, маленький братик, за печкой жил сверчок, под весну в кухне появлялись телёночек и пара ягнят. Мама была молодой, красивой и здоровой, бабушка крепкой, картошка урожайной, огород плодородным, корова дойной. Папу ждали с Победой. Мальчик был уверен в своей защищённости (уличные потасовки — норма времени — не посягали на психологический комфорт), напитан чувством родины, которое получил от отца.

Однажды, ему было тогда года три-четыре, папа быстро вёл его краем села и вдруг остановился как вкопанный. *«Прямо перед нами распахнулся огромный простор во все стороны: и большое озеро внизу, под косогором, и неоглядная даль за ним, и огромное небо надо всем этим, всё в клубящихся тучах... И отец, и избы при дороге, и сам я показали мне вдруг такими маленькими в этом необъятном пространстве, но оттого, что мы все так малы, совсем не страшно; сердце и дыхание моё теснит ещё непонятное чувство близкого родства с отцом, с этими избами и этим неоглядным пространством, имени которого — родина — я ещё не знаю, и не знаю ещё, что уже спаян с ним навечно, но именно в этот момент оно, это чувство, проснулось, поселилось, вросло в меня и владеет мною с тех пор, ставши частью души...»*

Первая детская любовь в смородиновом домике оставила в душе героя не только романтические, но и фольклорные, и даже фарфоровые воспоминания. Самый прекрасный на свете друг Денис умел резать из дерева «живые» игрушки, варить из ягод крушины чернила для школы. Зимой Денис много дней сидел дома: у него со старшим братом на двоих были одни пимы, в школу они ходили по очереди. Наш герой иногда отправлялся к нему в гости через колхозный двор, который казался ему «небольшой страной чудес» со станками, колхозным инвентарём, а главное, с кузней. В её черноте работал, весь в чёрном, кузнец с таким же чёрным помощником. Кузнец приглашал качнуть меха, мальчик радостно раза три-четыре с натугой качал и, получив одобрение от доброго кузнеца, окрылённый, мчался дальше.

Бесконечно повезло мальчику с первой учительницей. *«Я был настолько влюблён в Александру Ивановну, что просто не мог наглядеться на её лик, прекрасней которого я до сих пор ещё не видал: бледное лицо в светлых буклях, голубые прозрачные глаза за чистейшими стёклами очков в тонкой, сияющей золотом оправе, зелёная, крупной вязки кофта и белая блуза с белопенным воротом — всё в ней и на ней было красиво!»* Дополняют образ французские духи, ласковое обращение с детьми и тайна «хорошего воспитания», «от которого бывает настолько тепло и радостно, что всё в тебе ликует».

В глухом селе эта учительница появилась из блокадного Ленинграда, в котором от голода умер её муж, а на фронте погибли два юных сына. Разные были эвакуированные в сибирской глубинке, разные взрослые и разные дети. Особенно дети, потому что вскоре школу разделили надвое и одну половину закрыли глухим высоким забором — за этим забором появился детдом. Именно туда ушла работать директором любимая учительница.

Среди нескончаемого восторга от факта жизни небольшой рассказ о детях, вывезенных из «фашистской оккупации», действительно леденит кровь. Общаться с воспитанниками никому не позволялось, однако деревенские дети что-то видели и слышали. Но вокруг продолжалась привычная жизнь, и детдом так и остался за прочным забором, в другом потоке хода вещей.

Однако от чего маленький герой не был отгорожен, так это от смерти, которая всегда была рядом в самых разных обликах.

Бабушка с мамой говорили, что мальчик похож на своего пропавшего без вести дядю Петю, которого он видел только на фотографии. Но дядя погиб — мальчику было видение его смерти на снежном поле во время боя.

Два раза за свою детскую жизнь мальчик успел испытать смертельный ужас. Прошлым летом, добывая цветок водяной лилии, он соскользнул в омут и едва не утонул, не умея плавать. В жаркий весенний день первого учебного года огромные уличные сугробы разом превратились в зловещий ледяной кисель. Возвращаясь в полдень из школы, мальчик погряз в глубоком месиве и едва не замёрз насмерть в двухстах шагах от дома, потому что на улице никого не было! Но домой он таки, полуживой, дополз и сразу тяжело заболел, едва не умер. В бреду ему виделись волки. В то время о жестокости волков ходило много историй: они резали скот, людей, зимовали вокруг деревень, летом запросто встречались в лесу.

Но мальчик не мог и предположить, что его товарищи, которых он всегда знал и любил, своей жестокостью могут запросто тягаться с волками. Именно в этот день, плутая по лесу, они сбили палкой и добили, расплющили молодого бурундучка... *«Я посмотрел на товарищей недоумённо — я и не подозревал, что в них сидят злодеи!.. Странно как: каждый в отдельности — хороший пацан, у каждого*

своя улыбка, своя интонация в голосе, отличающая его от других, но что с ними стало, когда они вместе: как легко и быстро от радости и добродушия перешли они к злобе!.. Как я их ненавидал в тот момент!.. С той поры и поныне я ненавижу слепую, заразительную жестокость толпы: вот она, сторукая и стоглазая, основа агрессии по отношению к „другому“, к „чужому“, к непохожему на них!»

..Кони! Мальчика к ним неудержимо влекло, ведь кони — живое воплощение тайны силы и тайны красоты! Рядом был школьный Серко, и мальчик иногда приносил ему хлебные корочки, наслаждаясь прикосновением к ладошке мягких бархатных губ. Однажды директор школы позволил посидеть верхом — это была блаженнейшая минута!

Серко возил дрова, сено, картошку, на нём пахали огороды, ездили по делам за село. Мальчик помнит, как однажды зимой мама вернулась из райцентра по ночи — Серко от волков вывез, те стаей гнались за саями до самого села.

И вот на глазах мальчика трудяга Серко умирал... Именно в этот день у надорвавшегося от непосильной работы коня отказало натруженное сердце. *«От нестерпимой боли в душе хотелось плакать, и было не до митинга. Я шёл туда — и не шёл».*

Так случилось, что весь этот день мальчик словно уходил из мира людей, даже тогда, когда шёл с товарищами в лес *«за цветами для мамок»*. Уходил в мир непостижимых тайн, в мир природы, в мир матери.

Когда строгая бабушка поздно вечером не пустила мальчика домой: *«Все, у кого есть дом, уже дома!»* — он, уставший настолько, что не мог даже плакать, *«вдруг почувствовал: в мире за моей спиной произошло что-то беззвучное и торжественное. Я оглянулся и обмер: далеко над заречными болотами и лесами показалась в темноте светящаяся багровая полоса, она быстро вспухала и дыбилась кроваво-огненной горой. Я никогда ещё не был так поздно на улице и никогда не видел ничего подобного... До берега, который обрывался крутояром, было метров двести. Пока я шёл к нему, передо мной выкатилась, взбираясь всё выше в небо, огромная луна, из багровой превращаясь в оранжево-золотую... Знакомый мне мир в темноте был совершенно иным — многомерным и ещё более огромным: пространство между мною и луной странно голубело и серебрилось, глубоко внизу пролегла по чёрной речной воде косяя сверкающая дорога... но самое странное — воздух вокруг странно звенел и переливался... Мне открывалась ночная сторона жизни, таинственная, глубокая и ещё более интересная, чем дневная».*

Очнулся он в маминых руках, завёрнутый в её жакет. *«Я сам прижимался к ней, чувствуя, как льются в меня её тепло и нежность. Никогда — ни до, ни после — не было у нас с ней такого душевно-телесного слияния, как в тот странный вечер, которым окончился день: мама судорожно обнимала меня, желая оградить от всего, что влекло меня, соблазняло и манило...»*

«Отовсюду: из-за реки, из лепившихся по склону обрыва кустов акации, жимолости, крушины, — раздавались трели, свисты, щёлканье многих-многих птиц, сливаясь в сплошной звон». Это пели соловьи, под их звон они с мамой медленно шли домой.

Живописная, очень живая картина знаменательного дня завершается философским размышлением — самобытной метафорой мироздания, личного места автора среди людей ради красоты жизни.

«Он (День Победы) представляется мне средоточием всего, окружавшего меня тогда: всеобщей военной беды, смертей, нищеты и натужности жизни и одновременно — необыкновенной красоты вокруг. И всё кажется: именно в тот день я очнулся от младенческого сна, в котором пребывал до этого, лишь моментами приходя в себя... Две разные части мироздания, не сводимые в одно: человеческая жизнь и необыкновенная красота мира... и в глубокой трещине, разделяющей эти две части, живу я, раздираемый ими надвое, сросшийся со всем этим намертво, любящий всё это и всё же отдельный ото всех: от бабушки, от мамы, от коровы и овец, от солнца и травы, от всего села вместе с директором школы, Орсей, Толяном и всей нашей уличной стаей... Я продолжал чувствовать родственную связь с этим миром и до конца дней буду нести в себе пуповину связи с ним, но вместе с тем именно с того дня я всё больше и больше отдалялся от него и всё более чувствовал и осознавал себя, отдельного от всех, и растил в себе себя самого. Так что спокойно могу объявить, что я — родное дитя и прямой наследник той великой, мучительной, страшной Победы».

Повесть «Мой День Победы» заметно выделяется среди других произведений автора прежде всего необыкновенной экспрессивностью, даже пламенностью повествования. Неизменная публицистичность, социальность, сопровождающие художественный стиль автора, в этой повести целиком преобразованы в поэзию, в священный трепет перед чудом жизни на родной земле, среди родной природы.

Даже в детской художественной литературе жизнерадостных произведений меньше, чем всех остальных, а про литературу для взрослых на этот счёт и уповать не приходится. Далеко не всякому человеку выпадает счастье, далеко не всякий способен быть счастливым, ещё более редкому человеку дан талант полнокровно выразить своё счастье и дать почувствовать это счастье другим.

Картину безмятежного, но бесконечно счастливого детства, случившегося в сибирской глубинке во время войны, картину глубинного становления чувства родины, зарождения этого чувства от самых начал — вот что реально добавил автор к сказанному другими о Дне Победы.

Наталья Калеменова

Атаман Суриков

ВЕЛИКИЕ ЗЕМЛЯКИ

В этом году исполнилось 175 лет со дня рождения Василия Ивановича Сурикова. Талант великого художника зародился, развивался и крепчал на красноярской земле. Постоянный автор «Енисея» Наталья Калеменова скрупулёзно изучает обширное родословное дерево семьи, подарившей миру гениального живописца. Предлагаем вашему вниманию одну из глав обстоятельного исследования.

Редакция

Одно из самых ярких воспоминаний детства у Василия Сурикова связано с Александром Степановичем Суриковым, атаманом Енисейского конного казачьего полка. «Помню, он сказал раз: „Сшейте-ка Васе шинель, я его с собой на парад буду брать“. Сзади меня посадил и повёз на поле, где казаки учились пиками. Он из простых казаков подвигами своими выдвинулся. А как человек был простой... Во время парада баба на поле заехала, не знает, куда деваться. А он ей: „Кума! Кума! Куда заехала?“ Широкая натура. Заботился о казаках, очень любили его», — рассказывал он Максимилиану Волошину.

Атаман Суриков остался в памяти Васи добрым, заботливым дедом, которым он очень гордился. Ещё бы! Не у каждого есть такой уважаемый всеми казаками дед, в честь которого остров на Енисее назвали Атаманским. Долгое время, даже когда стал взрослым, он считал атамана родным дедом. Никакого другого Васи и не знал... А когда всерьёз заинтересовался своей родословной, вдруг понял, что даже не знает, кем же ему на самом деле приходится Александр Степанович. В 1884 году в письме домой он попросил брата Сашу узнать у матери: «кем нам доводился атаман Александр Степанович?»

А действительно, в каком родстве они состояли? Архивные документы, приводимые в разных публикациях, помогают нам понять их родственную связь. Вот что известно. У пятидесятника казака Петра Васильевича Сурикова были сыновья Иван и Степан. У Ивана родились сыновья Матвей и Василий (родной дедушка будущего художника). А у Степана были сыновья Тихон, Иван, Пётр и младший Александр — будущий атаман Енисейского конного казачьего полка.

Сыновья Ивана и Степана приходились друг другу двоюродными братьями, следовательно, Александр Степанович доводился двоюродным дядей отцу маленького Васи, а самому художнику — троюродным дедом. Оба его родных деда — и со стороны отца, и со стороны матери — умерли ещё до рождения мальчика.

Василий Суриков знал одного-единственного деда — атамана Сурикова. Всегда считал его родным. И дорожил памятью о нём. Своей семьи у атамана не было. Да и собственного дома он не завёл — жил с семьёй старшего брата Тихона, тоже служившего в казачьем полку. Сердце одинокого атамана отогревалось теплом близких ему людей. Не на одной свадьбе казаков из многочисленного рода Суриковых становился он поручителем — свидетелем, как сказали бы сегодня. Вот и на свадьбе родителей будущего художника атаман был поручителем со стороны жениха. Александр Степанович, человек с виду суровый, очень любил детишек и неуголённую отцовскую любовь отдавал детям своих братьев — родных и двоюродных.

ИЗ ПРОСТЫХ КАЗАКОВ

«Он из простых казаков подвигами своими выдвинулся...» — этими словами Суриков кратко и ёмко определил самую суть не только службы, но и всей жизни атамана. Но — увы... О жизни этого незаурядного человека нам почти ничего неизвестно. Александр Степанович и силой, и непреклонностью характера похож был на отважных казаков из дружины Ермака. В семейном предании рассказывалось, что в молодости атаман был настоящим богатырём. Однажды сумел в одиночку удержать за канат плот, оторвавшийся на Енисее в непогоду. По колено в песок ушёл, но канат не отпустил, пока не подросла подмога. Сила могучая да негибаемая воля — этого достаточно для образа былинного богатыря, но совсем мало для биографии реального человека, много лет командовавшего казачьим полком.

Казалось бы, — чего проще? Загляни в архиве в формуляр — послужной список атамана, и вся его служба будет как на ладони. Но в том-то и заковыка: никому ещё не удалось найти такой документ ни в Красноярском, ни в Иркутском архивах... Биографические сведения о нём приходится собирать по крупицам. Даже с годом рождения атамана произошла путаница. В нескольких солидных изданиях указано, что родился Александр Степанович в 1794 году. Однако в метрической книге Благовещенской церкви Красноярска в записи от 12 мая 1854 года о смерти Енисейского казачьего конного полка отставного войскового старшины Александра Степанова Сурикова сказано, что умершему было шестьдесят три года. А это значит, что родился он не в 1794-м, а в 1791 году. Когда он умер, маленькому Васе было всего шесть лет. Он мало что знал об Александре Степановиче, но шинелька и случай на параде запали в память.

НАШЕГО ПОЛКУ ПРИБЫЛО

Существует такая закономерность: как только в Сибири начиналась очередная административно-территориальная «перекройка», это неизбежно приводило к реорганизации казачьих войск. Почему? Да потому, что именно на них держалась местная власть. Недаром же статский советник Иван Семёнович Пестов писал: «Кзаки в политическом отношении к управлению Сибирским краем суть то же, что воздух для человека. Они служат средством предохранительным, всепроницающим, везде действующим».

Петру Первому казалось, что слишком обременительно это для казны — содержать в Сибири казаков, которые ни в каких войнах не участвуют, податей не платят, да к тому же им ещё и жалованье выдавать надо. Численность служилых казаков резко сократили.

Тогда сибирские правители заволновались, давай петиции государю строчить: без казаков, мол, мы как без рук... Они и ясак собирают, и в приграничных форпостах и острогах дозор несут, и казённые винокуренные заводы да соляные озёра охраняют (соль тогда очень дорого стоила), и пошлины с привозных товаров взимают, и ссыльных конвоируют, и беглых ловят, и казённые обозы сопровождают, и хлебные «мангазины» охраняют, и дороги строят, и мосты возводят, и переправы через реки налаживают... Всё на казаках держится... Как же без них?! Сибирское казачье войско снова увеличили. Потом опять сократили. И так — несколько раз.

Эти колебания сказывались прежде всего на судьбах потомственных, родовых казаков. А Суриковы как раз такими и были. Сокращали численность казаков — одни Суриковы записывались в крестьяне, другие — в мещане, а кому фартило — и купцами становились. Восстанавливалась численность казачьего полка — и часть Суриковых, как и представителей других старинных сибирских казачьих родов, вновь возвращалась к своим истокам — шли служить.

В те времена служба у казаков в Сибири проходила довольно необычно. Известно, например, что Иван Ярков начал служить в... десять лет, в семнадцать стал командовать казаками Тобольска, а позднее, в 1793 году, переведён на должность атамана Красноярской казачьей команды. Но редко у кого из простых казаков карьера была такой стремительной, как у Яркова. Вот и Александр, сын казака Степана Петровича Сурикова, у судьбы в баловнях не числился. Поначалу по службе продвигался медленно: в двадцать четыре года Александр был только капралом. Откуда это известно? Да всё из тех же метрических книг. Когда сотник Красноярской казачьей команды, двоюродный брат его Матвей Иванович Суриков венчался в июле 1815 года в Благовещенской церкви Красноярска, то поручителем у него записали казачьего капрала Александра Степановича Сурикова. Пройдут годы, и сын этого Матвея Ивановича, Василий Матвеевич,

будет служить при атамане Сурикове адъютантом. Он станет известен как поэт-самородок под псевдонимом Синий Ус.

Обратите внимание на такую весьма любопытную деталь: Александр Степанович записан в метрической книге казачьим капралом. Какой капрал, если речь идёт о казачьих войсках? Это звание ввёл в российской армии Пётр Первый, охотно заимствовавший европейские порядки. В казачьих войсках вместо привычных им есаулов, хорунжих появились капралы, вахмистры, сержанты. В Минусинском архиве нередко встречаются документы, в которых фигурируют эти звания у казаков. Например, в документах за 1800 год нередко упоминается капрал Суриков — «здешней команды солёных озёр смотритель». Имя этого капрала не названо, но вполне возможно, что это — прямой родственник художника Сурикова.

Когда Александр Степанович начинал служить, никакого Енисейского казачьего полка ещё не существовало. Тогда было три казачьих команды — Красноярская, Енисейская и Туруханская. Да и самого понятия такого не было — Енисейская губерния. Создание новой губернии потребовало радикальных изменений в организации сибирского казачьего воинства. При М. М. Сперанском был утверждён «Устав о сибирских городских казаках». Согласно ему, казачьи команды упразднили. Вместо них создавались казачьи городские полки.

В Восточной Сибири их сформировали четыре — Иркутский, Енисейский, Забайкальский и Якутский. Енисейский городской казачий конный полк состоял поначалу из шести сотен (позднее сократили до пяти). Одну сформировали в самом Красноярске, по одной — в Красноярском, Енисейском и новоучреждённым округам — Минусинском, Ачинском и Канском.

Первый губернатор Енисейской губернии Александр Петрович Степанов, человек очень деятельный, творческий, горячо взялся за обустройство только что образованной Енисейской губернии. Особое внимание уделил Степанов формированию казачьего полка. И, конечно, в повседневных заботах и хлопотах, служебных поездках губернатор где-нибудь да пересёкся с казачьим офицером Суриковым и сумел оценить его деловые качества.

Интересно, в каком году Александра Степановича назначили атаманом Енисейского полка? Кто был его предшественником? В фондах Красноярского краевого архива я не находила документов, где были бы ответы на эти вопросы. А вот в Минусинском архиве такой документ нашёлся. Он был направлен из Енисейского губернского правления в Минусинский земский суд. Это извещение о решении, принятом генерал-губернатором Восточной Сибири:

«Господин Енисейский Гражданский Губернатор предложением от сего 15 апреля, давая знать, что на место умершаго атамана Енисейскаго городского казачьяго полка 10 класса Шахматова, Его

Превосходительство Господин Генерал Губернатор Восточной Сибири, по представлению Его Г. Губернатора, изволил определить Атаманом сего ж полка сотника 1-й сотни 14 класса Александра Сурикова, а на место его сотником — харунжаго 4-й сотни Василья Сурикова, предлагает Губернскому правлению сделать о сём надлежащее распоряжение. ПРИКАЗАЛИ: определённых Г. Генерал Губернатором Восточной Сибири в Енисейский городской казачий полк Атаманом сотника 14 класса Александра Сурикова и на место его сотником харунжаго Василья Сурикова привести к присяге, и о том дать знать казачьему полку, а для сведения предписать всем подчинённым сему правлению местам и лицамъ. Апреля 26 дня 1826 года». (Сохранена орфография документа. Публикуется впервые.)

В фондах Красноярского краеведческого музея хранится сатирический рисунок девятнадцатого века, на котором изображены два человека необъятной толщины: один — красноярский окружной судья И. И. Ивлев, а другой — атаман Енисейского городского казачьего полка Павел Петрович Шахматов. Скорей всего, это и есть предшественник атамана Сурикова.

СЛУЖБА — НАВСЕГДА

Под конец службы, когда Александру Степановичу исполнилось уже шестьдесят лет, довелось ему участвовать в подготовке и осуществлении ещё одной, пожалуй, самой серьёзной реформы Енисейского казачьего полка. Авторство этой реформы принадлежит графу Николаю Николаевичу Муравьёву (приставку «Амурский» к своей фамилии он получит позднее). В 1848 году он стал генерал-губернатором Восточной Сибири. Именно Муравьёв разрабатывал основы «Положения об Иркутском и Енисейском казачьих войсках», которое было высочайше утверждено 4 января 1851 года.

Согласно новому Положению, эти полки теперь подчинялись не гражданскому, а военному министерству и сводились в отдельную конную бригаду. «Устройство полков, обязанности чинов и прочие предметы, к управлению относящиеся, определяются полковою инструкциею войска Донскаго», — сказано было в новом Положении. Предусматривалось увеличение численности полков почти в три раза (!). Теперь в казаки записывали и людей, никогда не принадлежавших к этому сословию, — было бы на то их желание.

Весь 1851 год Александр Степанович провёл в разъездах — по всей губернии мотался. Поездки, поездки... Он побывал во всех округах, во всех форпостах, станицах, сёлах и деревнях, где проживали казаки. Сначала я не понимала, почему была такая необходимость — всюду ездить лично самому. Потом в Минусинском архиве мне попался любопытный документ — распоряжение головы станицы Суэтук Монастыршина старшине Кебежского форпоста Худоногову (сохранена орфография подлинника):

«Г. Войсковой старшина Суриков вместе с Г. Земским исправником имеют отправиться на сих днях по форпостам вверенной мне станицы. Первый для принятия, а последний для сдачи станичных казаков в военное ведомство. А потому предписываю тебе, чтобы ты собрал к 24 числу сего месяца в Суеутке всех проживающих в деревнях казаков и чтобы были все без исключения налицо, исключая только находящихся на службе, и к тому же времени под проезд их из Суеутку прямо в Каратуз приготовить до 15-ти лошадей и таковое же число лошадей нужно по случаю дальнего проезда прямою дорогой в Каратуз выставить на половине дороги, где будет удобнее с тем, чтобы во время следования их не могло последовать никакой остановки или затруднения. Августа 21 дня 1851 года».

Вот оно что... Шла не просто «смена вывески», а коренные изменения структуры Сибирского казачьего полка, как уже было сказано, по образцу войска Донского. Отныне «воспрещается на землях полков водворяться людям, не принадлежащим казачьему сословию». Легко сказать — «воспрещается»... А как быть с крестьянами, проживавшими до этого вместе с казаками, но не пожелавшими записываться в полк? А как собрать воедино казаков, разбросанных по деревням и дальним заимкам? В одном только Минусинском округе казаки проживали в девятнадцати деревнях и трёх сёлах... Всех надо было учесть, всё толково продумать, отрегулировать. И, что не менее важно, доходчиво объяснить казакам суть перемен. Да и тем же крестьянам надо растолковать, какие льготы они получают, если запишутся в казачий полк. Землю дадут — это так. Каждый казак наделялся «пожизненными участками земли, удобными для хлебопашества» (по тридцать десятин). Но крестьяне должны знать и то, что зачисляются в полк с семьями и они «остаются в казачьем сословии навсегда». Да, было о чём с людьми серьёзно потолковать. А кому, как не атаману? Вот и приходилось ездить по всей губернии.

Книги для казачат

Во время одной из поездок Александр Степанович побывал в пятом сотенном округе. В Таштыпе он ознакомился с состоянием казачьей школы. Там «оказалось недостаточно книг к преподаванию детей». Вернувшись в Красноярск, войсковой старшина приобрёл на свои деньги книги и выслал их в Таштып. Думаю, атаман так поступал и при осмотре других казачьих школ. Мы бы никогда не узнали об этом его поступке. Купил и купил — пусть дети учатся. Однако таштыпские казаки решили, что негоже злоупотреблять добротой атамана. Собрали деньги с каждой семьи, чьи дети посещали школу, и вручили их учителю школы — дьячку Василию Милицыну, чтобы он их передал атаману. Да не тут-то было... Дьячок деньги казаков присвоил и, несмотря на все увещания, расставаться с ними не собирался. Пришлось казакам обращаться с жалобами на Милицына

в Минусинск — к благочинному Георгию Бенедиктову. Эти жалобы сохранились в Минусинском архиве. Так из-за жадности дьячка мы чуть-чуть больше узнали о характере атамана.

РАЗОРВАННЫЙ КРУГ

Следующий год тоже прошёл в бесконечных разъездах и хлопотах по устройству нового порядка в полку. Бездорожье, тяготы долгих и тряских поездок — это вам не в машине по современным автотрассам мчаться... А войсковой старшина — человек уже немолодой, да и когда-то богатырское здоровье стало подводить. Но и не ездить нельзя: генерал-губернатор Муравьёв затеял очень серьёзные перемены. Частенько в полк наведываются проверяющие из Иркутска — из штаба бригады. Желали лично удостовериться, что приказы исполняются должным образом. Дела, дела — неотложные, срочные и сверхсрочные... А на душе у старого атамана наверняка кошки скребли. Он понимал, не мог не понимать, что скоро ему придётся оставить родной полк. И дело не только в его возрасте. Вернее, совсем не в возрасте... Ведь как в новом Положении сказано? «Командиры полков назначаются из штаб-офицеров регулярных войск, Высочайшим приказом...» Да, давно уже минули славные времена, когда казаки собирались на круг и выбирали себе атамана сами. Выборных атаманов упразднил ещё Пётр Первый после Булавинского восстания. И с тех пор их назначали высочайшей властью, то есть царскими указами. Но в основном это были свои — родовые казаки. Вот и он, Суриков, из простых казаков, а дослужился до войскового старшины.

Но отныне новое Положение всё в корне меняло... Теперь не только командирами полков, но и «сотенными командирами будут назначать офицеров из регулярных войск, также Высочайшими приказами...». Переживал старый атаман за своих казачков, ведь полк для него — родная семья. Другой у него не было... Знал он не только каждого казака, но и его отца, и деда, а бывало, и прадеда. Как-никак двадцать семь лет он командовал полком — от реформы до реформы. За это время сменилось пять губернаторов Енисейской губернии да одиннадцать городских голов Красноярска. Однажды Александру Степановичу даже довелось временно обязанности городского головы исполнять вместо заболевшего фон Риттера. За многолетнюю беспорочную службу атаман был удостоен ордена Святой Анны III степени.

Понимал Александр Степанович, что служить ему осталось недолго. Но уходить в отставку не спешил. Опыта ему не занимать, у начальства всегда на хорошем счету... Даст Бог, может, ещё послужим... Но судьба его была предрешена. Атаман ещё колесил по губернии, стараясь всё устроить как можно лучше, а дни его службы уже были сочтены.

НА ЗАКОННОМ ОСНОВАНИИ

«Подставился» атаман сам, или его подвёл кто-то из штабных офицеров, привыкших по-свойски относиться к Александру Степановичу? Кто знает... Первый тревожный звонок прозвучал в августе 1852 года. Ему, безупречно прослужившему столько лет, командующий бригадой генерал-майор Александрович объявляет строжайший выговор за несвоевременное предоставление финансовой отчётности — приходы, расходы, «долги полковых сумм». А Суриков всё продолжал инспектировать сотенные округа. В октябре только вернулся в Красноярск, а в ноябре нагрянул из Иркутска командующий бригадой — инспектировать четвёртую, пятую и шестую сотни. Суриков — вновь в поездках, теперь уже с генерал-майором Александровичем.

А в январе следующего, 1853 года в полку начало проходить что-то странное. Обычно во время болезни или в своё отсутствие Александр Степанович оставлял за себя зауряд-сотника, командира первой сотни Константина Ильича Артемьева. Но на этот раз, заболев, он вместо себя назначает есаула Кребера. Конечно, человек он был в полку новый, в деле непроверенный, но, похоже, начальство прочило его в командиры полка. Как тут возразишь? Но вот 23 января следует такой приказ: «За допущенные беспорядки в Енисейском казачьем конном полку, слабый надзор и самоуправство есаул Кребер устраняется от командования полком и арестуется домашним арестом впредь до приказа». Что произошло? Непонятно... В феврале полком командует «временщик» — есаул Боголюбов, «состоящий для особых поручений при казачьем отделении Главного управления Восточной Сибири».

А вскоре становится известно имя человека, который сменит Сурикова. Вот распоряжение командующего бригадой Александровича: «Его Превосходительство предписал состоящему для особых поручений при Его Превосходительстве майору Мазаровичу по прибытии из России в г. Красноярск немедленно вступить на законном основании в командование здешним полком, причём предписывает мне по прибытии в Красноярск г. Мазаровича дать ему полк на законном основании». Его Превосходительство — это генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв. Неспроста, ой неспроста дважды повторено выражение «на законном основании»... Видимо, в полку ощущалась нервозность, разные слухи ходили меж казаков, обеспокоенных судьбой любимого атамана. Да и своей тоже...

В марте Боголюбов устранён, командование полком взял на себя сам генерал-губернатор Муравьёв. Почему? Что происходит в полку? Невозможно понять... А Мазаровича всё нет... Пока он добирался из России в Красноярск, началась проверка «всех счетов, веденных бывшим казначеем зауряд-хорунжим Василовским». Войсковому старшине предписано все документы «удерживать при полку». Больше того: арестован полковой аудитор, приказано «строжайше наблюдать,

чтобы отнюдь не мог отлучаться из полкового управления ни на одну минуту...». Страсти разгорелись прямо нешуточные...

Что вскрыла проверка? Кражу и присвоение полковых денег войсковым старшиной? Нет, такой «компромат» не раздобыли. Александру Степановичу поставили в вину то, что из полковой казны истрачено на «канцелярские припасы» на сто рублей тринадцать копеек больше, чем положено. Как сказали бы сегодня, нецелевое использование полковых денег... Перерасход, конечно, значительный — почти годовое жалование сотенного командира. Формально — всё вроде бы правильно. Но фактически — против здравого смысла. Похоже на бюрократическую зацепку... Судите сами. За годы, предшествующие реформе полка, в почте Минусинского благочиния практически не встречаются документы, присланные от казачьего начальства. А потом — как плотину прорвало. Десятки документов, извещающих об изменениях в полку и в казачьих сотнях, о новых требованиях по венчанию казаков (без разрешения сотенного командира их теперь запрещалось венчать), по ведению отчётности о родившихся или умерших членах казачьих семей. Точно так же вырос объём переписки с другими округами и с другими ведомствами и учреждениями. А ещё шла обширная переписка со штабом бригады, с военным ведомством, куда атаман Суриков направлял письма, уточняя самые разные подробности начатой реформы. Например, в каком возрасте смогут уйти в отставку казаки, записанные в полк из крестьян? Вся эта резко возросшая переписка стоила немалых денег. Вот вам и причина перерасхода средств «на канцелярские припасы», который допустил Александр Степанович.

Может, я просто выгораживаю атамана? Наверняка имелись у него какие-то огрехи и недочёты... Как не быть? Были, конечно. Атамана вполне можно было обвинить, например, в том, что он развёл в полку семейственность. Адъютантом у него был Василий Матвеевич Суриков, шестой сотней командовал Иван Тихонович Суриков, пятой сотней — Марк Васильевич Суриков (дядя художника Сурикова). Все — племянники атамана. Конечно, семейственность. Но можно возразить, что и до назначения Александра Степановича атаманом в Красноярской казачьей команде было много казаков Суриковых: там служили его отец, дед, братья — родные и двоюродные.

Обвинениями в корысти, воровстве казённых денег атамана не смогли замарать. Какой же он стяжатель, если детишкам книги на свои деньги покупал? Да и деньги, перерасходованные на «канцелярские припасы», все полностью удержали с жалованья Сурикова.

Однако тень на имя атамана брошена... Прибывший в апреле в Красноярск новый войсковой старшина Иван Семёнович Мазарович издаёт приказ: «Командующего Енисейским казачьим конным полком войскового старшину Сурикова уволить по прошению от службы, во внимание же к особому об нём ходатайству Его Превосходительства, с мундиром и выдачей ему единовременного, из государственного

казначейства, годового оклада получаемого им жалования сто шестьдесят пять рублей серебром».

НИЖНИМ ЧИНАМ ВНУШЕНИЯ

Уже по этому, самому первому, приказу Мазаровича угадывается его неприязнь к старому атаману. Мазарович вполне мог обойтись традиционной в подобных случаях формулировкой приказа. Но нет, он пожелал непременно упомянуть об особом ходатайстве генерал-губернатора Муравьёва об атамане Сурикове. Мол, не заслужил он почёта, но приходится принять во внимание ходатайство... Как видим, генерал-губернатор Восточной Сибири, из уважения к многолетней службе Сурикова, счёл нужным похлопотать о том, чтобы отставка старого атамана не выглядела как позорное изгнание. И годовой оклад выдали, и право носить мундир полкового командира за ним оставили. Но горький осадок на душе атамана, конечно, остался...

Передача полка «из рук в руки» не состоялась. Александр Степанович прислал Мазаровичу отношение, где писал, что «по слабости здоровья и слабого зрения» не имеет возможности сам находиться при сдаче полка и просил принимать его при зауряд-сотнике Артемьеве, «как временно командовавшем полком». А «для разъяснения могущих встретиться недоразумений... указал на зауряд-сотника Сурикова» — своего адъютанта (Василия Матвеевича). Вполне допускаю, что атаман просто не захотел встречаться с Мазаровичем.

Какими же разными они были... Как будто с разных планет... Суриков — из простых казаков. Воспитание — суровое, по казачьим обычаям. Гимназий и уж тем более университетов не заканчивал. Тонкостей салонного обхождения не знал. Для него должность командира полка — мечта, сбывшаяся на удивление всем и ему самому. А Иван Семёнович Мазарович — дворянин по происхождению, сын известного дипломата, поверенного в делах Персии, секретарём у которого был не кто-нибудь, а будущий писатель А. С. Грибоедов... И жена у подполковника из высших кругов, её сестра — замужем за контр-адмиралом Невельским. Сибирь для Мазаровича — дикая глушь, служить здесь — всё равно что отбывать повинность. Душа не лежит, а терпеть надо...

Приняв полк под своё командование, Мазарович с первых дней дал понять казакам, что порядки при нём будут новые, совсем не такие, как при старом атамане. Кончилась казацкая вольница... Не понравилось новому командиру полка, как вели себя казаки при встрече с ним: «не провожают глазами». Следует приказ: «внушить нижним чинам...», чтобы они... «при встрече с офицерами брали ружьё под приклад и провожали глазами встречающуюся особу». И пошло-поехало... То задумает отдавать неимущих казаков в наём на работу. То предлагает верховым лошадям в грязь хвосты завязывать — «для сбережения таковых». То сажает на гауптвахту офицера за то, что

караульные слишком медленно вышли Мазаровичу навстречу, чтобы отдать честь. Казаки совсем обалдели от бесконечных придирок нового командира. Следующий раз, завидя Мазаровича, они сломя голову несутся отдавать ему честь. Опять плохо: выбежали на мороз раздетые.

Всё не то, всё не так... Столкнулись два начала: вольное, казацкое,— и строго уставное, армейское. Известно же, что казаки хоть и упражнялись в боевом искусстве, но маршировки на плацу считали делом никчёмным, а строй вообще не признавали — шеренгами никогда не ходили. Мазарович, армейский офицер, наверняка считал казаков никудышными солдатами. Если бы только так... Судя по приказам, он их вообще презирал... В мае 1854 года казак Суэтульской станицы Аверьян Худоногов спас мальчишку, тонувшего в Енисее. Мазарович объявляет в приказе: «За означенный человеколюбивый поступок, оказанный, впрочем, без явной опасности собственной жизни, объявить благодарность...» Каково?! «Без явной опасности...» Такое чувство, что Мазарович даже не допускал мысли, что казаки способны на благородные поступки.

Вот на что он был щедр он — так это на порки. Теперь в приказах по полку часто упоминается о розгах и шпицрутенах. Как тут не вспомнить слова художника Сурикова, ещё мальчиком наслушавшегося от своих дядей о Мазаровиче? Вот они: «После него (после атамана Сурикова.— *Прим. авт.*) Мазаровича назначили. Жестокий был человек. Насмерть засекал казаков».

АНФАС И В ПРОФИЛЬ

Думаю, частенько казаки вспоминали своего прежнего атамана... А ему каково было без родного полка? Надломился негибавший атаман... Да так и не оправился после отставки. Через год, 12 мая 1854 года, отставной войсковой старшина Александр Степанович Суриков скорострительно скончался. Было ему шестьдесят три года. Похоронили атамана на Троицком кладбище, неподалёку от церкви. Василий Иванович Суриков вспоминал: «красивую ему купец могилу сделал». Купец этот — не кто иной, как Пётр Иванович Кузнецов. Тот самый — покровитель художника. В тот год, когда умер атаман, Пётр Иванович был городским головой Красноярска.

Увы... Со временем могила атамана затерялась. Как жаль! Была бы моя воля, я обязательно поставила бы ему памятник в Красноярске. Со времени создания Енисейского казачьего полка не было больше ни одного атамана, который столь долго командовал этим полком. Жизнь Александра Степановича Сурикова — это не одна, а множество страниц из истории енисейского казачества. А казаки, как свидетельствует история, в своё время немало послужили Сибири.

В музее-усадьбе Сурикова хранятся два портрета атамана Александра Степановича Сурикова — анфас и в профиль.

Одни исследователи считают, что Василий Иванович рисовал атамана по памяти. Когда умер атаман, Сурикову было всего шесть лет. Да, у художника была уникальная зрительная память. Но создать по столь ранним детским воспоминаниям не просто образ, а портрет атамана с подробными деталями мундира — согласитесь, это невозможно.

Другие исследователи утверждают, что рисунки созданы по фотографиям. Фотографии тоже исключаем. Известно, что в Красноярске первый фотосалон появился в 1858 году. К тому времени атамана уже не было в живых.

Возможно, Суриков для создания рисунков использовал дагерротипные портреты атамана. Состоятельные красноярцы имели дагерротипы. Об этом свидетельствует, например, дагерротипный портрет красноярского купца Кускова, хранящийся у его потомков.

Есть и другие предположения. Василий Иванович вспоминал, что в доме атамана «были масляные картины в старинных рамах... и два портрета генерал-губернаторов Лавинского и Степанова». Были картины и в доме его крестной матери — Ольги Матвеевны Дурандиной. «Картины эти — кисти Хозяинова, одного из родственников, были, — рассказывал Суриков Максимилиану Волошину. — Из дядей моих один рисовал — Хозяинов».

В Красноярске жил талантливый иконописец Мартын Михайлович Хозяинов. Сестра бабушки художника была замужем за его братом — Иваном Михайловичем. Их сын Пётр и есть тот дядя, о котором рассказывал Василий Иванович. Пётр Иванович, как и многие Хозяиновы, жил «иконописным мастерством». Почему не предположить, что Пётр Иванович писал портреты атамана Александра Степановича? А потом они могли стать первоосновой для рисунков Василия Ивановича.

Ещё одно предположение мне подсказал документ, который я нашла в Минусинском архиве. Он связан с именем английского художника Томаса Аткинсона. Этот художник в середине девятнадцатого века предпринял путешествие в далёкую, неведомую Сибирь. Когда он вернулся из этого путешествия и показал согражданам свои многочисленные рисунки, к нему отнеслись с недоверием. Некоторые даже обвиняли Аткинсона в том, что он вовсе не был в Сибири, а рисунки — это всего лишь плод его фантазии. Но вот я читаю архивный документ, датированный 13 июля 1850 года. Он направлен старшине Кебежского форпоста Иконникову из станицы Каратузской, где находился штаб шестой сотни. Вот его текст:

«Из предписанія Управляющаго Минусинскимъ округом последовавшаго ко мне от 7-го числа минувшаго Іюня за № 1287-м видно, что следующий по Высочайшему Соизволенію путешественникъ Живописецъ великобританскій подданный Адкинсон Изволить следовать по данному ему Маршруту Г. Состоящим в Должности Минусинскаго

Земскаго Исправника Нечаевымъ; от Саянска въ вершину речки Шуши и на ермаковское Поселеніе от толь же во вверенной тебе фарпость и из Онаго в Каратусъ и на золотые промысла;

Въ следствіе чего я предписываю тебе по прибытіи во вверенной управленію твоему фарпост оказывать ему содеиствіе на все его требованія въ даче казаков (?— неясно) а равно и для проезда лошадей без малейшаго задержанія. Юля 8-го дня 1850 года.

Станичный голова Монастыршин». (Сохранена орфография документа. Публикуется впервые.)

Почему не предположить, что Аткинсон, проживая в Красноярске перед поездкой в верховья Енисея, по своему обыкновению много рисовал, в том числе — портрет атамана Сурикова? Думаю, атаман оказал Аткинсону помощь в организации поездки по Енисейской губернии. Аткинсон мог в благодарность подарить атаману его портреты. Ведь подарил же он несколько акварельных пейзажей купцу Петру Кузнецову.

Это предположение не из области фантастики. Так могло быть. Но документально подтверждённых доказательств у меня нет.

Как бы то ни было, благодаря рисункам, выполненным Василием Суриковым на основе какого-то оригинала, мы имеем представление, как выглядел атаман Александр Степанович Суриков, которым гордился наш прославленный земляк.

Михаил Тарковский

Талантлив по всем осям

Всю сознательную жизнь он охотился, жил и кормил семью охотой.

Геннадий Соловьёв. Скотинник

Как подступить с рассказом к человеку, о котором писал всю, наверное, жизнь? Который незримо оживал в твоём повествовании, когда речь заходила о трудовом герое, крестьянине, промысловике с... хотел сказать: с философской жилкой,— но нет: со способностью думать и быть самостоятельным? С такими богатыми, яркими и убедительными чертами характера, что их на целую вереницу героев хватит?

Писаны о Соловьёве и просто очерки, были попытки отразить его характер в подготовительных материалах к двум документальным фильмам. И всё равно не могу избавиться от ощущения, что не сказал о своём друге и старшем товарище самого главного.

Прошло более сорока лет с момента нашего первого знакомства с Геннадием Соловьёвым. Много прожито вместе, много пережито и радостей, и утрат, и казалось бы: что ещё нового можно узнать о человеке, которого, как тебе кажется, знаешь как облупленного? Но нет, не знаешь и сотой части... И с каждым годом не устаёшь ему удивляться и узнавать новое.

Прошлой осенью мы снимали о Геннадии Викторовиче ещё один фильм, при подготовке к которому я попытался сформулировать нечто главное и объяснить прежде всего самому себе, что же побудило сказать о своём наставнике ещё одно слово. Это *главное* прозвучало так: человек, талантливый во всех отношениях. Без аналогии с «дамой, приятной во всех отношениях» и без гоголевской иронии.

Действительно, есть непреложный закон Божьего дара: если даёт Бог талант, то без привязки к какой-то профессии, увлечению. Допустим, дарит основу: богатую и самостоятельную душевную хватку, а уж куда приложить — сам разберёшься. Это как раз про Соловьёва. И если считать приложением основы его дар таёжный, промысловый, то вокруг него собралось целое семейство разновидностей: дар мастеровой, дар наставнический, дар слова. Да и сам Соловьёв-промысловик тут же расслаивается на Соловьёва-практика, Соловьёва-энциклопедию и Соловьёва-натуралиста. Его интересует всё, что связано с промыслом, причём и в прикладном смысле, и в самом обобщённом — когда в голове и история промысла, и картина

промысловой жизни в разных углах Сибири и Дальнего Востока. И, конечно, жизнь таёжных обитателей сама по себе.

Некоторые охотники охотятся просто ради заработка, ради выживания и делают это сколь честно, столь и механически: насторожил путики и проверяешь. Всё, кроме соболя, уже не так важно, да и не особо интересно. Соловьёва же всегда интересовало именно наблюдение за животными — в самом классическом понимании. Как он призывал молодых охотников тропить соболя, чтоб побольше узнать о его расписаниях, о кормёжке и об отдыхе! Как досадовал! Ведь мы соприкасаемся со зверем только через посредников: через ловушки или через собаку! Что мы вообще о нём знаем?!

А как его восхищала охота на белку «по гайнам»! Когда белка идёт «верхом» по направлению к гайну, и охотник по целому ряду косвенных подробностей, по снежку, ссыпавшемуся с веток, определяет направление её движения.

Как его восхищала росомага — самая ненавидимая охотниками животина, разоряющая путики. Как её костерят охотники! На енисейском языке «пакостить», «безобразничать», «разорять» («зорить») называется *грэзить*. К поэтическим грёзам это отношения не имеет. «Росомага нагрэзила — от падина!» — скажет охотник или его жена, переживающая за сожранных соболей. Написал «скажет» и осёкся... Уже не скажет: уже ушли те старики, которые владели той фантастической и коренной русской речью, которая пришла на енисейские берега из-за Камня, в которой сплелись и казачьи, и поморские говорá, обрasta сибирскими словечками.

С удивлением узнал, что вроде бы сибирское словечко «виска», означающее протоку, привычно употребляла казачка из Грозного — мать моего хорошего знакомого из Магадана.

По-старинному «таймень», «горностай» произносятся: *тальмень*, *горносталь* (какое-то горнорудное название треста!) И, конечно, *росомага*. Так вот, однажды росомага крепко почистила путик Геннадия Викторовича — часть соболей съела, а остальных закопала, и он ходил по следам и раскапывал её «захоронки». И, несмотря на собственную досаду, не уставал восхищаться силой, напором и красотой этого зверя.

Теперь о наставничестве. В сибирских посёлках все мужики рукастые, а уж среди промысловиков и подавно. Слишком многое приходится делать своими руками. Постоянная рубка избушек, лабазов и лабазков для хранения продуктов, кулёмок, пастей и прочее. Ты должен уметь сделать нарточку, лыжи и выдолбить долблёную лодку. Но даже не в кулёмке или ветке (долблёной лодке) дело, а в общей хватке, с которой справляешься с любой задачей — настолько сильна привычка к топору, пиле, пешне, а сам ты собран в один умелый ломоть.

И что бы ни произошло — всегда смекалка, мудрость охотничьих рук и голова, способная охолонуть и выудить из передраги. Сколько

бывало всякого: бесконечные утопления и вытаскивания техники, всевозможные для этого приспособы, и свои собственные поломки, а нога — не тяга и не кардан, и в коленку не вставишь тавотницу.

Поэтому все трудовые мужики в Сибири и на Дальнем Востоке сноровисты и рукасты по самому высшему разряду. Но вот беда — подойдёшь к такому: «Как железную печку сделать?» — ответит: «Да тут просто — так вот, так». Начнёшь уточнять — в ответ: «Да чо ты, не понимаешь?! Эту вот хреновину сюда...»

Соловьёв же спокойно, чётко, с удовольствием передающего опыт покажет и объяснит, как свернуть эту самую печку. Велит принести железо и заставит тебя самого всё делать, в нужных местах помогая и в трудных подбадривая. У него и «кобыла» есть (железный брусок), и киянка, с помощью которых делается самое сложное — загиб по краю листа для будущего замка. Ещё и пройдёт по «мастерам», которые «пассатигами изгаляются»... Страшно, кстати, не любит, когда работают тупым ножом или топором.

Не признаёт халтуры и спешки, и самое главное в его характере и судьбе — это *полное неприятие какой бы то ни было суеты*. Будет собираться в тайгу столько времени, сколько надо — день, два, три. При всей трудовой чёткости никогда не ставит себе план: уезжаю двадцатого в десять утра. Нет, уеду тогда, когда всё будет готово, пусть даже, пока собирался, задул *трёхдневный север* и через трёхкилометровый Енисей не попасть. Обожду.

Соловьёв в солидных летах, ему семьдесят четыре года. При этом и внешне, и по силе не уступает сорокалетним мужикам. Поймал себя на том, что он как был для меня старшим товарищем, превосходящим во всём, так и остался по сей день. Корячили катер по торосам, и я в очередной раз поразился, как он чувствует вес и повадку «корячиваемого» объекта, как понимает, куда подать, и чётко собирает свою силу в рывок. А главное — я с удовольствием выполнял его команды!

При этом правило неспешности у него как никогда в силе. Перед пешим походом в дальние избушки может три дня готовиться, копаться вокруг избушки и внутри неё, а потом соберётся и прёт пять дней с грузом и работой, ночует в палатке, в то время как молодой и спортивный оператор «с Москвы» еле за ним поспевает по снегу, который подваливает с угрожающей силой.

Потом возвращается на базу и снова неспешно занимается таёжной текучкой, не забывая каждое утро окатываться ледяной водой. По осени ходит на берег с вёдрами и там обливается. А когда под холодаёт — потемну пойдёт в трусах с вёдрами на берег, черпанёт из грозно парящей речки воды со льдинками и принесёт к избушке, поставит, брякнув ручками, и сам постоит рядом, переводя дух. Темно, снег вокруг, звёздочки догорают сквозь дымку. А Геннадий Викторович снимет калошки, задубевшие от морозца, да как окатится подряд двумя вёдрами — и так мощно, крепко примет его могучий

загрибок ледяной поток из ведра, что порадуешься за товарища и в очередной раз восхитишься: «Дай Бог тебе здоровья, друга! Ведь и мне ладу прибавилось в это утро. И жить невыносимо охота, и с тобой делить эту жизнь, короткую, яркую и обжигающую, как вода из шугующей речки».

Обливаться-то обливается, а снимать на камеру не дал: мол, подумают, что рисуется, выпендривается. Так же как и не захотел взять в тайгу гитару. Он играет на семиструнке и поёт очень выразительно, подрагивающим баритончиком. И чужие песни, и свои собственные. «Давай возьми гитару, как раз заодно и снимем всё, у костра и споёшь». Нет. Наотрез. «Дома потом спою». — «А чо не хочешь-то у избушки?» — «У избушки не буду. Я чо, как турист, что ли, в тайгу не работать пришёл, а песенки распевать? Вот дома — другое дело: там выходной!»

Геннадий Викторович всегда был прекрасным рассказчиком, балагуром и остроловом, очень ценящим хорошую историю. Я ещё только изучал законы писательского мастерства, он с удовольствием читал мои первые стихи и рассказы, давал советы и подыскивал, предлагал вставить тот или иной эпизод. Копался в памяти, как в ящике с запчастями, — достанет, протрёт: посмотри, вот это есть, или вот ещё что нашёл... подойдёт? Потом несколько лет подряд советовал написать книгу «Непридуманные истории сибирских охотников», куда бы вошла... как сказать-то?... да таёжная жизнь со всем её разнообразием и... однообразием. Меня не особо прельщала такая документальная основа, и я хотел гнуть художественную лыжню, где управлял сюжет пусть и из жизненных запчастей, но собранный мною в нужную фигуру. Викторыч ворчал: э-э-э, ничего, мол, вы, молодые, не понимаете, «заставишь меня самому взяться». Я не относился к «угрозе» серьёзно, а напрасно, потому что в конце концов Геннадию Викторовичу «это дело надоело», и он сам взялся за перо.

Перед тем как перейти с писательской ипостаси Соловьёва, следует сказать о его художественной стороне вообще, которая проявилась ещё задолго до появления его первой книги, в далёкую пору, когда я задумал снять документальный фильм о промысловой жизни на Енисее. Опыта не было никакого, средства искать я не умел и года два провёл в мытарствах — искал, как бы кого бы привлечь и вообще сдвинуться с мёртвой точки. И, конечно же, делился с Геннадием своими планами и сомнениями.

Охотники — люди трудные, со своим кодексом чести, согласно которому выпячиваться перед камерой «не престиж», потому что товарищи не поймут, да и «по-человечьи» неловко, когда тебя «сымают». И только один человек сказал: «Действуй, Мишка, я помогу». Это был Соловьёв, готовый помочь в работе над содержанием и, что особо ценно, согласившийся сыграть главную роль в фильме. Не ради того, чтобы порисоваться на экране и подпитать самолюбие слабостным

довольством оттого, что тебя «ах, запечатлевают». Нет! И повторю в сотый раз: Соловьёв решил участвовать, потому что знал, что лучше его никто не расскажет о промысле. И ещё одно, «безсомненное»: его творческая натура жаждала выхода.

Натура эта однажды по выходе из тайги принесла мне школьную тетрадку, исписанную неказистым почерком, с пометками, ошибками и нелитературными оборотами. Рассказ назывался «Скотинник», был написан с первого раза и нуждался лишь в косметической правке. Повествовалось в нём об охотнике-промысловике и медведе-скотиннике, дерущем коров. В рассказе было прекрасное место, где охотник по имени Фёдор, под которым без особой маскировки проглядывался сам автор, рубит лабаз для скрадывания медведя. Дело происходит в пойме, где «путнего леса» нет и где лабаз приходится закреплять на талинах (ивовых стволах). Дул очень сильный ветер, когда Фёдор залез на лабаз, тот *«качался от каждого порыва ветра, и когда стало темно, как в чулане, Фёдор потерял представление, где земля, где небо. Его качало, как в колыбели, и когда ветер дул в грудь, то клонило спиной к земле... В определённый момент движение замирало и начиналось в обратную сторону, так же долго и мучительно клоня Фёдора уже к другой точке земли»...*

Много я читал рукописей начинающих и вечно начинающих, прошедших через семинары и литобъединения, закончивших филфаки и Литинститут. И не встречал, чтобы человек с первого раза писал так уверенно, спокойно и с таким художественным знанием дела.

Кроме врождённого чувства слова, есть в Соловьёве ещё нечто, что и вызывает читательское доверие: ощущение достоверности и глубокого знания той жизни, о которой повествует. Корень тут в той самой высокой непридуманности, о которой Соловьёв и твердил, советуя мне написать книгу «Непридуманные истории сибирских охотников».

Есть подробности, которые для писателя на вес золота. Они — как сертификат его золотого запаса. Их ни за что не придумаешь, а плата за них — годы жизни в деле. У Соловьёва есть эпизод, который вызывает у меня восторг. Когда охотник идёт по путику, то молит: «Лишь бы попало!» — то есть просит у тайги, судьбы, Бога, чтобы в ловушки попали соболя. Когда же на дорогу выходит след россомахи, всё меняется противоположным образом: «Лишь бы не попало! Лишь бы ничего не попало! Ведь сожрёт, скотина!» И вот эта психологическая подробность мало того что очаровывает читателя своей подлинностью, но и сразу выносит повествование из любительски-охотничьего разряда в по-настоящему литературный. Есть ещё одно свидетельство этой «настоящести»: автор никогда не перегружает свои истории названиями оружия, перечислением типов боеприпасов и прочими подробностями, от которых не могут удержаться многие пишущие об охоте. Нет, Соловьёв не такой. Он, безусловно, предан

своему делу, но бережно популяризирует его — с необыкновенным достоинством и уважением к читателю.

В книге десять рассказов, которые объединены единым героем — Фёдором и единым местом действия — его деревней и охотничьим участком. Всё повествование пронизано любовью к тайге, таёжному образу жизни и профессии промыслового охотника. А профессия эта — даже и не профессия: это судьба. Жизненное дело, стоящее на двух постижениях. Одно из них — думаю, понятное каждому, — постижение себя, а другое — постижение самой тайги, стоящее на бесконечной тяге узнать как можно больше о её обитателях. А уж те никогда не подведут: каждая встреча — открытие и ошеломление.

Дар так искренне жить подобными впечатлениями дан далеко не каждому, но порой мы сами обделяем себя там, где иной находит силы отказаться от сиюминутных и кажущихся важными забот и сделать дорогой выбор.

Дело было в конце века. Мы сдали пушнину и праздновали это важное и долгожданное событие — сначала в промхозной конторе, а потом у меня дома, как на самой на самой бессемейной на тот момент, а следовательно, подходящей территории. Сидели хмельно, весело и долго. Соловьёв, конечно же, участвовал в таких посиделках, но по своему обыкновению пил мало и до утра не торчал. Он вообще мало пьющий, что не мешает быть ему и компанейским, и внимательным по отношению к товарищам. Вдобавок он умеет настолько солидно и убедительно обставить своё нежелание «намахнуть по стопарю», что у остальных это вызывает не только уважение, но и ощущение собственной слабыхарактерности. Впрочем, в тот вечер никто в подобные «мерехлюндии» не впадал, и гулянка развивалась мощно и неотвратно. Но на её фоне шла ещё соловьёвская линия, состоявшая в том, что он собирался с утра ехать тропить волков. Волки эти задрали сохатого на Енисейском яру, и тот упал вниз на тракторный след в месте, к которому примерно в это же время подъехали трактористы, возвращавшиеся из другого посёлка. Увидев сохатого, ещё дрыгающего ногами, они были несказанно рады.

Всё это выяснилось как раз на гулянке, куда один из них завалился с посылом, что вы тут, охотники, гулеваните, а волки дерут всё живое.

Было всё это очень давно, и сложно сказать, когда именно Соловьёв решил ехать расследовать обстоятельства волчьего разбоя, но картина запомнилась так: поехать вместе с ним Геннадий предлагал ещё с вечера, а утром пришёл ещё раз, уже собранный, нацеленный на дело... Как неохота было вставать после бессонной ночи, собираться и ехать искать каких-то волков, которые наверняка давным-давно удрали! При том обстоятельстве, что товарищи-охотники точно на месте и наверняка жаждут продолжить гулянку. С такими мыслями я отказался от поездки. А Геннадий уехал. Синим таёжным утром. Когда все ещё спали. А спустя двадцать лет написал рассказ

«Разбойник или герой» — про тот свой далёкий день, в который рассказ-то и начался. И про волка, который никуда не ушёл с того места и о котором Геннадий узнал то, что не прочтёшь ни в какой книге и не услышишь ни за каким столом. Потому что нет ничего дороже своего опыта — ни с чем не сравнимого по яркости, силе переживания и своего собственного преображения от участия в том или ином таёжном событии.

Так всегда и бывает в жизни. Поленился, распустил себя, а кто-то синим утром сел на снегоход и прожил важнейший день, который потом вспоминается всю жизнь и о котором этому кому-то страшно подумать: а вдруг бы и он поддался временной слабости и обокрал себя на целый рассказ? И это ладно — охотничья история. А сколько подобного происходит с нами каждый день... Не поехал на встречу с читателями, не пошёл на встречу со школьниками... Не поехал на Донбасс. Эх, ё...

Дорогой Геннадий Викторович! Здравия тебе, согласия душевного и лада с окрестным миром, понимания близких и лёгких снегов. И, конечно, новых рассказов! А самое главное — неиссякаемого и искреннего интереса к жизни, которую ты, как истинно русский человек, никогда не делишь на порции и которая для тебя единый поток из ледяного ведра нашего бесценного бытия... Где ярко и трудно прожитый день естественным путём обращается в рассказ, потому что человеку с сердцем невыносимо жить, не делясь пережитым.

Николай Юрлов

Один из совокупности

Размышления у старого друга

Давным-давно, когда букварь начинался с буквы «А» — «Ангел», детвору учили, что лес есть совокупность деревьев. Это я узнал в дневниках Дурьлина: гонимый философ против этих азбучных представлений всегда возражал. Особенно с тех самых пор, как, оказавшись в сибирской ссылке, увидел настоящую тайгу, которую намного позже шлягер советских времён сравнивал с морем, поющим и зелёным.

Какая уж тут «совокупность» — набегают лес волна за волной, и самые старшие из темнохвойных великанов, возраст которых от трёхсот лет и выше, помнят многое, даже тех отважных первопроходцев, шагавших встреч солнцу и безмерно рисковавших собой. Человека уже нет, а дерево всё живёт, настолько крепка у него связь с землёй-матушкой. Не потому ли мстит он деревьям, нещадно вырубая их на корню, что они долгожители, а его срок не настолько велик, что они многое за свою жизнь повидали — и хорошего, и плохого, а последнего, пожалуй, и больше — вон как полыхает с наступлением тёплых дней красавица-тайга?..

Эта преамбула родилась сама собой, когда я навестил закадычного знакомого — богатырскую сосну (по ботаническим меркам, сосну обыкновенную), что красуется на крутизне великой сибирской реки.

Мой крепыш почти вплотную подошёл к скалистому берегу и выдвинулся впереди собратьев по сосновому бору, окружив себя плотными зарослями облепихи. В урожайный на ягоды год их гибкие ветви, по которым с удовольствием, почти бесшумно, пробегает ветер, загораются оранжевыми огоньками; благодаря этому подлеску могучее дерево становится ещё наряднее, оно ещё больше бросается в глаза. Яркие плоды облепихи точно подсвечивают тенистый путь к сосне, благо паломников к ней, если приглядеться, — не пересчитать.

Хаотично порхает бабочка-боярышница, в рытвинах и ухабах старой коры отдыхает от трудов праведных шмель, на полёте блеснёт перламутром своих крыльев стрекоза, а потом на опавшие шишки сиганёт кузнечик и радостной симфонией обозначит своё местопребывание... И ведь не только они одни стремятся побывать здесь, у могучей сосны!

С какой-то странной, непонятной мне целью ползут муравьи по шершавому и неохватному стволу: двигаются быстро, один за другим,

устремляясь всё выше и выше, туда, где дерево широко разбросало крону и тонкие, почти прозрачные чешуйки молодой коры трепещут на ветру. Но, забираясь вверх, эти шустрые трудяги, я замечаю, через какое-то время спешат обратно, их движение похоже на дорогу с двусторонним движением, а если кто-то из сородичей замешкался, его тут же объезжают без всякого промедления. Никаких заторов на этой транспортно-сосновой вертикали у муравьёв нет.

Но ведь для чего-то же понадобилось им взбираться на самую что ни на есть верхотуру? Уж не любопытства ли ради? А может, всё гораздо проще, и муравьи — как люди, которые порой тоже в упор не видят, где столбовая дорога развития цивилизации, а где её тупиковая ветвь? Стало быть, это не муравьи подражают человеку, а человек уподобился муравьям, лишённым видения какой бы то ни было перспективы в силу природной недостаточности своего роста, и кажущийся великан — он на самом-то деле всего лишь пигмей. . .

Вот о чём я думаю, отойдя от сосны и усевшись на краю каменного обрыва, облепленного сизым лишайником, и, чувствуя за спиной силу и мощь векового древа, хочу крикнуть на всю речную ширь, чтобы и на том берегу (а до него километра три) был слышен традиционный в подобных случаях вопрос: «Кто украл хомуты?!»

И чтобы эхо, промчавшись по волнам, докатившись до лесистых хребтов на том берегу, ещё круче взметнувшись над водой, ответило мне, как по факту обстоит с пресловутыми хомутами дело: «Ты-ы-ы! . . .»

Среди беспредельных просторов совсем непринуждённо всплывает модная нынче тема. И если уж подходить предметно, что там какой-то князь Гагарин, петровский губернатор всея Сибири! Нынче в нашем Отечестве тащат намного больше и при этом, то есть при самом неблагоприятном для казнокрадов исходе, очень легко отделяются, минуя за воровство в особо крупных размерах традиционное на Руси лишение буйной головы.

ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ СЛОВАРЯ ТОЛКОВОГО, ЭПОХАЛЬНОГО

*Сермяжная правда и кривда нашей
жизни в сатирической интерпретации*

Эх, мать моя лингвистика и язык мой — враг мой! Нет, нельзя так говорить про наш язык. . . Он по-прежнему велик и могуч, постоянно пополняется новыми словами и словечками, что ещё раз подтверждает означенный Словарь, рождённый в творческих муках и бесплодных мечтаниях о каком-либо денежном вознаграждении. Словарь — это «несчитово»!

Работа над Словарём ещё не завершена, но Составитель имеет право доложить: им выполнены все пункты от «А» до «Я», а некоторые даже и перевыполнены.

От «А» до «Ж»

(Уходящая натура)

Аукцион — состязание двух или нескольких молотобойцев по максимальному уменьшению объёма денежной массы, необходимой для производства определённых работ.

Ахиня — информация для служебного пользования, имеющая свойство тихой сапой просачиваться в публичные выступления.

Байкер — телеведущий политических программ, который абсолютно бесплатно кормит народ байками о красивой жизни.

Борзота — неправильное поведение чиновника, негативно оцениваемое в общественном сознании (сленговое).

Взятка — жертвоприношение «идолищу поганому» (пережиток прошлого).

Власть — вертикаль, с помощью которой в общественном организме поддерживается постоянный кислотно-щелочной баланс.

Гастарбайтер — залётный гусь из жарких стран, научившийся использовать природные навыки гнездования при сооружении объектов разной степени сложности и тяжести.

Государство — уходящая натура, место которой в экономике будущего ничтожно: всё здесь станет решать невидимая рука рынка.

Демократ — любимец народа эпохи первоначального накопления капитала, сумевший дефицит товаров превратить в дефицит денег.

Дизлайка — новая порода злых собачек, которые гуляют на просторах блогосферы; отличается особой непочтительностью к сильным мира сего, а также к медийному пулу, их обслуживающему.

Дожитие — удлинившийся остаток земного пути простого российского пенсионера, что вызывает особую озабоченность даже у членов правительства.

Ещё — специфическое наречие, рекомендованное ответственным министерством для тестирования грамотности подрастающего поколения; эффективно использовалось уже во времена Екатерины Великой.

Жалованье — лакмусовая бумажка, характеризующая служебное рвение чиновника: никогда не покраснеет.

Желтуха — болезнь, поражающая средства массовой информации, лишённые надежды на государственную поддержку (сленговое).

От «З» до «Н»

(Была бы «лапа», а тёплое местечко найдётся)

Заложник — жертва, обычно используемая как мелкая разменная монета, с помощью которой злые силы пытаются улучшить состояние собственного финансово-лицевого счёта.

- Звездочёт** — придворная должность, возвращённая к жизни из небытия; предсказывает всё: взлёты и падения, курсы нефти марки «Брент» и народные бунты, а также срок, по истечении которого заморским портным нужно изготовить новое платье короля.
- Идеология** — запретный плод, полакомиться которым хочется всё больше, несмотря на антиконституционный характер предполагаемых действий.
- Интеллигент** — наивный мечтатель и возбудитель нездоровых процессов в обществе, за чем обычно следует очередное построение нового светлого будущего с различными физическими и моральными издержками.
- Импортозамещение** — война с благодушием в умах работников госаппарата, которые по-прежнему убеждены, что Запад нас оденет, обуе, накормит, напоит и в гости к себе пригласит.
- Казна** — государственная палочка-выручалочка для олигархов, только и ждущих, что она вновь прольёт на их дражайшие головы «золотой дождь».
- Клан** — сплочённое «одной, но пламенной страстью» товарищество по совместной обработке земли, выделенной сверху по родовому признаку.
- Коза** — мама упрямых детишек, которые, подрастая и обзаводясь солидной бородёнкой, становятся крайне нежелательным элементом для сильной половины рода человеческого, особенно в местах, не столь отдалённых. Самой маме при этом тоже иногда крупно не везёт, если её хозяином становится небезызвестный Сидор.
- Лапа** — метафорический образ влиятельного господина, у которого она бывает мохнатая и не всегда доступная: одних способна пристроить в тёплое местечко, а другим укажет на дверь.
- Лимитчик** — особо уполномоченный финансовый служащий; очевидно, не очень хороший человек: урезает бюджет до предела и постоянно напоминает людям о нехватке денег в казне (сленговое).
- Модель** — прекрасная половина рода человеческого, которая использует свои природные данные в целях благотворного влияния на общественный темперамент.
- Монетаризм** — традиционное накопление металлических денег с помощью кубышки; увлечение, столь характерное в детском возрасте, вызывает рецидив и в преклонные годы.
- Назначенец** — чиновник, определённый в должность в противовес лженаучной теории естественного отбора.
- Неотложка** — белый фургон с красным крестом, почти легендарная «птица-тройка», перед которой безоговорочно уступают дорогу

транспортные средства, народы, государства, а также всё прогрессивное человечество.

Нооскоп — административное око, «магический кристалл», посмотри в который, узкие специалисты могут узнать даже то, чего никогда не было.

От «О» до «Щ»

(Постмодернизм и прочая дурь)

Олимпиада — одноразовое мероприятие мирового уровня, вряд ли сопоставимое с чем-либо по целевому вложению бюджетных средств.

Оппозиция — регулируемый клапан для выпуска пара в общественном котле; желательно применять разумно и без простоев, со всеми сдержками и противовесами, с использованием троллей и платных блогеров.

Плесень — грустное напоминание о бренности бытия; характеризуется вредоносным воздействием на общественное сознание отдельных народов и царств. Особенно проявляется в переломные эпохи нашего взбалмошного мира: точных сведений нет, но считается, что именно плесень вплотную подобралась к владениям Семирамиды, и даже более того — она разрушила знаменитую Вавилонскую башню.

Посадка — специфический термин, обозначающий эффективность антикоррупционных действий правоохранительных органов государства Российского (сленговое).

Послеглавие — анархическая форма правления, которая завершает период точно-силового либерализма. Характеризуется спонтанным появлением ярких личностей различного политического окраса — от ультрафиолетового до инфракрасного.

Постмодернизм — господствующее литературное течение, в волнах которого со временем погибнут даже те, кто, подобно своему кумиру, научился всасывать в себя различные жидкости и при этом оставаться непотопляемым.

Путана — девушка «с пониженной социальной ответственностью», которая пытается преодолеть свой недостаток методом повышенного либидо, а также участия в мероприятиях самого высокого уровня, где трудится на страх и на совесть, вплоть до криков первых петухов в гостевой деревне.

Разнотык — широко распространённая среди работников госаппарата форма ручного управления; метод, который получил заслуженную оценку у питерских: одного видного партийно-государственного деятеля нашего времени — эпохи строительства нового светлого будущего, а также русско-советского писателя-сатирика, неутомимого борца с пережитками прошлого (просторечное).

- РЕГЛАМЕНТ** — количество принятых парламентом законов, которые нужно довести до критических величин: в этом случае в их исполнении уже не будет железной необходимости.
- РУБЛЁВКА** — элитный микрорайон в столице нашей Родины, жители которого реально вступили в антагонистическое противоречие с данным ему в народе названием (сленговое).
- САНКЦИЯ** — мера дисциплинарного воздействия, применяемая администрацией в колониях строгого режима в целях воспитания.
- САПСАН** — хищная птица из семейства соколиных, для которой специально устроили большое роллерное «путешествие из Петербурга в Москву».
- СУМА** — атрибут старого босяцкого быта, который в пору победившей демократии получил новую жизнь; с модным заплечным аксессуаром щеголяют теперь не только кавалеры, но и дамы, с ним можно вообще хоть куда: и в пир, и в мир, и даже в добрые люди.
- ТОЛСТОСУМ** — ложное представление о неказистом человеке с большой дорожной сумкой, в которой совсем не обязательно могут находиться крупные суммы денег.
- ТРУБАЧ** — неизменный игрок нефтяного рынка, исполняющий соло на трубе в оркестровом сопровождении биржевых маклеров, которые берут то низко, то опять высоко.
- УСЫ** — мужской атрибут над верхней губой, позволяющий обществу приятных дам думать, что губа у этого человека не дура.
- УФ** — выражение очень сильной физической и моральной усталости от нескончаемого пути, особенно в том случае, если дорога неизвестна.
- УХАНЬКАТЬ** — вроде бы русский глагол и даже русский наверняка, но кто даст гарантию, что он уже не побывал в Поднебесной? Срочно на карантин!
- ФЕЙСВЗВУЧКА** — жёсткое выяснение отношений между отдельными индивидуумами или даже целой их группой, в результате чего зело безобразится лик человеческий, как-то: чело, уста, ланиты, переносица. Ох, не надо бы так размахивать десницами-то!
- ФОРУМ** — либерально-экономическая тусовка федерального либо регионального уровня, куда с лихвой отпущены средства для беспечного времяпровождения его участников.
- ФРОНТ** — группа добровольческих армий, мужественно сражающихся с закалёнными в боях взяточниками, казнокрадами и прочими оппонентами светлых идей государственно-частного партнёрства (ГЧП).
- ХОМЯЧОК** — приверженец ошибочных взглядов о диванной жизни как эффективном средстве влияния на происходящие процессы в обществе.

- Хулитель** — клеветник государства Российского, не желающий ему добра и потому вывозящий это добро вагонами и маленькими тележками за пределы бескрайнего Отечества.
- Целесообразность** — либерально-экономический посыл, способный в одночасье ликвидировать моногорода, посёлки, производства и много чего другого, что никак не укладывается в схему реформирования страны, а в итоге становится избыточным.
- Цензор** — исчезнувшая в реалиях профессия, но всё же тайно поселившаяся внутри некоторых одарённых и совестливых личностей.
- Челобитчик** — персона нон грата, которая преодолевает все препоны и рогатки, чтобы, прорвавшись, лично подать жалобу Значительному лицу на притеснение местных столоначальников (устаревшее).
- Чемодан** — вместилище, куда обычно складывают компромат на отдельно взятых особ, приближённых ко Двору.
- Школьник** — последовательный приверженец догматов «вышки» (Высшей школы экономики).
- Шок** — революционное воздействие на сознание жителей мегаполисов, вызванное в ходе чинимых градоначальниками реноваций.
- Щенок** — всего лишь собачий детёныш, но если его подарить важному должностному лицу, то и он может быть квалифицирован по делу о взятках в крупном размере.
- Щука** — персонаж русских народных сказок, помогающий некоторым героям в трудных жизненных ситуациях.
- Щукарь** — второе доказательство в пользу рабочей гипотезы о том, что переселение душ от известных литературных героев к не менее известным политикам всё же существует.

От «Э» до «Я»

(Последние буквы алфавита, здесь тоже всё зашкаливает)

- Экономика** — безбрежная рыночная стихия, где группа назначенных водолазов постоянно щупает дно.
- ЭКСТРАСЕНС** — герой нашего смутного времени, частенько вызываемый в полицию для дачи показаний.
- Эпоха** — междоусобица, в ходе которой в особенных случаях в стране хотя бы что-то да происходит.
- Ювелир** — временный пользователь больших и малых драгоценностей, маг-волшебник, превращающий в золото даже обычную бижутерию.
- Юморист** — смешливый автор, который так никогда и не станет сатириком.

Юрист — главная специальность государства Российского, а при удачно сложившихся обстоятельствах почти синекура.

Явка — особое место, куда коррупционеры не только являются с повинной, но также используют его при получении валюты для нужд и процветания наших бедных провинциальных городов.

Ярыжка — то же самое прозвище, что и «мент», но уже применительно к полицейскому служителю (сленговое).

Александр Силаев

ЦИФРА ПРО ЛЮБОВЬ

Чётко по понятиям. — Наполеоновский план. — «Любишь или хочешь?» — Оставь себе свою нехватку. — Курс доллара, пальца, года. — Упражнения о любви. — Ненависть бескорыстна

Для начала оговоримся: желательно оперировать точными словами. Но давайте хотя бы неточно определим: что значит — точными?

Одно понятие — не синоним другого, а значит что-то своё.

Допустим, мы пишем текст, призванный что-то объяснить в отношении нации. Если мы по настроению используем в тексте слова «нация», «этнос», «народ» как синонимы, то у нас, строго говоря, нет этих понятий. Есть куча, откуда можно доставать что угодно, и тогда вместо кучи лучше использовать одно слово. Но как только мы видим некое различие смысла, нам потребуется другое слово. Например, увидели различие «этноса» и «нации» — можем себя поздравить с расширением словаря.

Также желательно, чтобы на денотат можно было показать пальцем. Когда мы говорим «диван», фокус с пальцем проходит отлично. Когда мы говорим «справедливость», палец безмолвствует. Поэтому, когда люди обсуждают диваны, они выражаются яснее, чётче и быстрее приходят к согласию, чем когда они обсуждают справедливость. Возможно, именно поэтому обсуждать справедливость интереснее.

Также хорошо, если предмет говорения поддаётся измерению. Например, температура ему поддаётся, а духовность нет. Сравните, каких успехов достигло человечество в термодинамике и в попытках создать «науку о духе». При том, что термодинамикой люди занялись сравнительно недавно, а духовностью — ещё до нашей эры.

Есть ряд преимуществ науки перед тем, что веками называлось философией, и качество начального словаря — одно из них.

Качество понятийного словаря — в однозначности, конкретности, измеримости.

Сравните то, что понимают под энергией физики и тренеры личностного роста. Сразу видна разница потенциалов, кто всерьёз собрался работать и сильнее повлияет на мир.

Поняв, какие понятие хорошие, а какие плохие, мы должны ужаснуться слову «любовь». Это даже не «энергия» в словаре пройдохи от коучинга, это... что угодно, минимально подходящее по коннотату. Коля любит Олю, оба любят своих детей, дети любят конфету, и все,

за исключением конфеты, любят родину. И не дай бог перепутать эти любви. Если Коля полюбит детей, как Олю, это уже уголовщина, а если родину полюбить, как конфету, а конфету, как детей... в общем, тоже ничего хорошего. При этом на все случаи жизни у нас одно слово. Люди не путаются, потому что чертовски умные существа (особенно когда не думают, а просто живут) и различают значение по контексту. Любовь — очень важная вещь и очень плохое понятие, но мы к нему приспособились.

Сейчас мы попробуем всё-таки *определиться*. Сразу предупреждаю: если бы у меня был маниакально-депрессивный синдром, сейчас была бы маниакальная фаза. Предъявим наполеоновский план.

1. Определим любовь так, что это можно будет *измерить*. Сразу оговорим, что именно человеческую любовь — между конкретными людьми, без участия конфеты и родины.
2. Сама собой определится и ненависть. Как положено, однозначно и измеримо.
3. Покажем, что любовь не величина, обратная к ненависти. Как ни странно звучит, скорее это корреляты.
4. Количество любви в мире, вероятно, убывает. Не уверен, потому что не измерял, а прикинул на глазок... Но скорее — убывает. Само словосочетание «измерить количество любви» уже режет чувства, верно? Мало того, что чувства порезаны, выводы добивают.
5. Но это не чудовищная проблема! Мир возможен и так. Кстати, ненависть убывает тоже. Но это уже следствие предыдущих пунктов.

Дерзости любого из этих тезисов хватило бы на отдельный том. Возможно, кто-то захочет проделать эту работу. Но пока что опишем тезисы тезисно.

В юности читал книгу, там была сценка. Не про любовь, а про её понятие. Один персонаж пытается кого-то соблазнить. Лезет целоваться, шепчет: «Я люблю тебя!» Объект страсти вяло реагирует: «Что, и жизнь отдашь за меня?» — «Не, жизнь... это как-то слишком...» — «Тогда говори, что ты меня просто хочешь». Что было дальше — не помню, да и не важно. Важно, как выяснили отношения.

В этой истории сразу предложили и понятие, и сопряжённую с ним меру. Очень простую: «Что именно ты отдашь за меня?» Насчёт того, что отдавать непременно жизнь, — положим, перебор. Но мерой будет потенциальное самопожертвование. Если мерой выступает только привязанность, то и сексуальный маньяк может быть привязан к своим жертвам. За общение с ними (обычно краткосрочное!) он берёт на себя большие риски. Не сомневайтесь, он искренний, он нуждается в этих людях.

«Я нуждаюсь в тебе»,— признание отнюдь не в любви. Скорее, в дефиците, нехватке. Гордиться здесь нечем. К обмену на рынке отношений это плохая валюта. «Ради тебя я заведу собаку»,— вот это уже, возможно, любовь. «Ради тебя я брошу курить»,— вершина любовной лирики. Даже: «Я куплю тебе мороженое»,— уже кое-что. По крайней мере, больше, чем ничего. «Я так нуждаюсь в тебе, купи мне мороженое, собаку и брось курить»,— признание ни о чём. Возможно, респондент нуждается лишь в мороженом, собаке и надёжном средстве их доставки. Поэтому, кстати, родители обычно действительно любят своих детей. Они это как бы каждый день подтверждают. А вот у детей по-разному, обычно до конца непонятно, они ведь чистые получатели блага, в игре нет их ставки (но с точки зрения эволюции так и должно быть, ресурсы должны идти от предков потомкам).

Оговоримся, откуда берётся смысл слов — «любви» или других. Он такой, как мы договорились. Нет божественного словаря, где выписаны все слова и что они означают. Мы сами себе — ходячие словари. И если мы сейчас определяем любовь так, а не иначе, мы решаем как хозяева языка. Конечно, с учётом уже накопленных правил и налипшего багажа. Мы не можем сказать, что любовь — это информация, печаль или синий чайник. А вот определить как меру самоотдачи можем. В культуре такой вариант уже прописан.

Но давайте усугубим нашу логику, сведём её к математике.

Икс любит Игрека. Значит, он готов, принимая решения, учитывать благо Игрека сопоставимо со своим.

Например, он может сохранить Игреку десять единиц его блага, пожертвовав одной единицей своего. Благо может быть каким угодно, но если мы занялись математикой — не слишком расплывчатым. Например, 1 у. е. = 1 тысяча долларов. Или 1 у. е. = 1 палец. Или 1 у. е. = 1 год жизни. Конторой, принимающей единицы к размену, может быть воображаемый Бог или, если вам так удобнее, Дьявол. Можно без воображаемых существ, иногда такие транзакции предлагает жизнь. Не всегда с гарантией и по чёткому курсу, но смысл такой.

Сделку можно принять или отказать.

Какой обменный курс вы установите для данного человека?

Никто не отдаст десять лет своей жизни, чтобы сберечь десять лет жизни незнакомцу. Почти любой отдаст пять минут, чтобы спасти пять лет лучшему другу. Мы начинаем размечать территорию любви.

Я бы предложил слегка жутковатый тренинг. Но, может быть, кому-то важный. Не хотите — можно не играть. Я бы, например, никогда не стал его проходить на людях. Выпишите ваши коэффициенты — и наконец узнаете правду: кого вы действительно любите и насколько. Чьё благо вы оцениваете в 1000 к одной единице своего, в 100, в 10? Неужели с кем-то готовы меняться по курсу 1 к 3, 1 к 2 или, чёрт возьми, 1 к 1, то есть «любите как самого себя»? А может, даже 1 к 0,5?

Художник из песни Аллы Пугачёвой «Миллион алых роз» всё равно бы вас переплюнул. Как поётся, «продал картины и дом», чтобы на все деньги усыпать улицу цветами. Обмен, который он произвёл, был чудовищен: полагаю, где-то 1000 единиц своего блага за одну единицу чужого (песня воспевает как раз обменный курс: «Свою жизнь для тебя превратил в цветы»). В целом он нанёс миру урон куда больший, чем мог бы нанести вор, укравший у него *любую* сумму денег. Надеюсь, никто не усвоил его историю как хороший пример.

Если готовы к тесту — дерзайте. Отвечайте честно, для себя, поэтому лучше без посторонних. Не бойтесь обидеть друзей и близких. Вы не обязаны делиться с ними цифрами.

Если хочется более радикального опыта — пожалуйста, ещё одна мысленная игра: «За сколько вы предадите близкого человека?» Я предчувствую негодование и ответ: «Пошёл вон, искуситель, ни за сколько!» Я легко могу показать, что это не так. Мы все предадим самого близкого человека, это только вопрос цены.

Чтобы эксперимент, пусть и мысленный, был корректен, сначала определимся с терминами. Под предательством будем понимать умышленное нанесение вреда близкому взамен выгоды для себя. Представим самый маленький вред. Например, дорогой вам человек не любит, когда опаздывают. Вы умышленно опоздаете на встречу с ним на десять минут. Вы знаете, что ему будет плохо. Давайте с пафосом: вы обречёте его на страдание. И вы наверняка так поступите, если бонус за этот поступок будет... миллион рублей вас устроит? (Если вы долларовый миллиардер, подставьте сюда ту сумму, которая вас действительно впечатлит.) Давайте уточним, что из миллиона вам запрещено отдать бедолаге в качестве компенсации что-либо, даже купить шоколадку. Условие получение приза — ближний мучится без компенсаций.

Полагаю, почти все выберут деньги, а не пунктуальность. Поздравляю: вы только что предали близкого человека. Правда, он этого не заметит, но не важно, задел есть. Теперь делаем так, чтобы заметил. Начинаем сжимать ставки с *обеих сторон*. Призовой фонд понижаем, а ущерб увеличиваем. Не стесняйтесь, Сатана сегодня добрый и открыт к взаимовыгодному сотрудничеству. Пусть не десять минут, а полчаса, час. Пусть он (или она) заболит ОРЗ. Пусть чем-то посерьёзнее. А вы получите за это всего лишь полмиллиона. Может, хватит ста тысяч? Может, пары купюр? Давайте так: любимое существо зацепится за гвоздь и порвёт свои любимые штаны. А вам за это агентство «Ад и компания» купит новый компьютер или что-то вроде. Ну что, по рукам?

Как вариант, можно поднять ставки с обеих сторон. Друг без вины сядет в тюрьму, а вы получите за это большую квартиру, идёт? А если он отделается условным сроком? А если ему отрежут кусочек пальца? Если вам так удобнее, начнём торги с малого: возьмёте недвижимость — за его царापину? Боюсь, рано или поздно любой

кивнёт, хотя с виду и не иуда. Хотя бы на стадии царапины, если очень хороший человек. С другого полюса кто-то лишил бы друга жилья, чтобы самому избежать царапин.

Это та же самая задача про обменные курсы. Только поставленная чуть жёстче.

Давайте с нашей линейкой отойдём от любви.

Ненависть, как и любовь, измеряется бескорыстностью.

Только нужен чужой ущерб, а не польза. Как в анекдоте. Бог предложил человеку сделать для него что угодно, при условии, что сосед получит того же вдвойне. «Господи, забери у меня один глаз». Вряд ли мы все испытываем столь сильные чувства к соседям. Но готовность к таким обменам и есть ненависть. Не обязательно по курсу 1 к 2, это высокий курс и сильные чувства. Даже курс 1 к 1000 — уже показатель неравнодушия.

При желании можно проверить себя и на ненависть.

ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ ПРОЙДУТ

Выживают не совсем люди. — Герой, порождённый ужасом. — Сам с собой в большом городе. — Когда бить, когда забить. — Безголовые живут сердцем

Любовь, о которой мы договорились, не из области психологии сексуальности и хорошего настроения. Ближайший синоним — альтруизм, правильное называемый групповым эгоизмом. И он исторически убывает.

Любовь не желает быть безответной. Если человек готов чем-то жертвовать за друзей, он ожидает, что друзья поступят так же. Если кто-то предан Васе с коэффициентом 1:3, он сочтёт предательством Васино отношение по тарифу 1:100. Плохие друзья покидают группу друзей. Схоже мы относимся к коллегам, соратникам и членам семьи. Из семьи вылететь сложнее, но если сильно постараться, всё получится. Покажите, что члены семьи не входят для вас в «тарифную сетку», — и, дайте время, вы останетесь без семьи. Люди склонны любить тех, кто отвечает какой-то взаимностью. За вычетом гормональной магии, это сводимо к формуле группового эгоизма.

Давайте посчитаем, в каких условиях среды любить выгодно (к цинизму этого текста все читатели, полагаю, давно привыкли). В каких условиях человеку выгодно отдать свою руку — чтобы его партнёр по сексу, болтовне и приготовлению пищи сохранил обе руки? Или отдать полжизни — за его жизнь? В условиях современного мегаполиса — почти ни в каких. Дешевле найти нового партнёра. Но представим, что такой партнёр выдаётся один раз и на всю жизнь, другого не будет. Но это ещё не всё. Условия среды таковы, что без этого партнёра у вас не будет не только секса и болтовни — у вас, вероятно, не будет пищи. Такая постановка вопроса была не редкостью в старых обществах с суровой моралью и ещё более суровой экономикой. Вскочить

на погребальный костёр своего мужа — для жены всё-таки перебор, но отдать полжизни, чтобы выжил он, — нормальная сделка. Вы как бы покупаете баснословно дорогую страховку в условиях неизбежного наступления страхового случая.

Но посмотрим шире. Выживают не люди. Они, если вы заметили, всё равно умирают. Выживают гены и мемы — в широком смысле, как у Докинза, то есть не смешные картинки, а атомы нашей культуры. Отсюда следует, что выживать должны такие нормы, при которых лучше выживает то, что вообще может выжить. Поэтому такое внимание в традиционных культурах к роду, линии крови, «дом Ланнистеров», «дом Старков» и всё такое. Если выживают именно гены, то лучше всего выживают гены, максимизирующие выживание данных генов. Звучит почти тавтологией. С мемами та же история. Если особь жертвует собой за род — это правильная особь с позиции выживания. Аналогично следует жертвовать собой за общину, чётко выделенную по мемам из других общин (например, по религиозному признаку). Мелкие секты, в которых так было принято, имели лучшие шансы дорасти до больших религий.

В каких условиях поощряется готовность отдать жизнь за своих детей? Давайте смягчим, пусть будет «щедро поделиться ресурсом». Говоря нашим языком, меняться по курсу, приближенному к 1:1, хотя бы к 1:2. Там, где наличие или отсутствие подобной стратегии — критическое условие выживания. Не поделишься, не уделишь внимание, не рискнёшь собой — и свои умрут. История не только про детей, она про всех. Все на грани, все нуждаются в заботе и чужом риске. Но чтобы вопрос встал так, вы должны находиться в подходящем мире. В нём должно быть очень много насилия и очень мало ресурсов. Так и было большую часть истории. Чем хуже условия, тем эффективнее стратегия выживания группой. Жестокость среды повышает уместность любви.

Чем хуже мир, тем эффективнее любовь.

Это же правило работает для второй стратегии нашего бескорыстия — ненависти. Кажется, такая стратегия не может быть оправданной никогда. Это даже не «вин-лосс», это «лосс-лосс», весь смысл лишь в том, что кто-то теряет больше. Увы, но в жестоком, скудном и тесном мире — стратегия работала. Допустим, на территории оказались два племени, но кормовая база есть только для одного. При этом уходить некуда. Внезапно сосед, просящий Бога выколоть ему глаз, из злобного дурака становится почти стратегом. Сделка с небесами на условиях «наших вымрет половина, но чужие умрут все» в перспективе означала почти стопроцентный шанс на выживание племени вместо пятидесяти процентов при условии, что война будет до конца и силы равны.

Эффективность стратегии ненависти растёт при условиях: а) скудности ресурса, б) жестокости среды, в) тесноты мира. Как и эффективность любви.

Чтобы ненависть стала выгодной, не обязательно добираться до древних племён. Можно найти ситуации в современном мире, но их всё меньше. Профессионал насилия может причинить человеку какой угодно вред, вплоть до лишения его жизни, не испытывая эмоций. Обычному обывателю, скорее всего, требуется для подобного поведения себя разблокировать. У него как бы встроенная система табу: «Я не могу ударить человека». Многим это ограничение на пользу, современная городская жизнь взрослых людей не подразумевает, что надо драться. При условии, что государство настаивает на своей монополии на насилие, в большинстве ситуаций, когда есть повод ударить, — *выгоднее* не ударить. Но иногда лучше ударить. И ненависть — это то, что снимает блокировку.

В каких случаях это надо? Один мой приятель пояснял, когда он будет драться при любых шансах, а когда — лишь при вероятности победы не менее восьмидесяти-девяноста процентов (обычно он мог оценить эти шансы на глаз). Если тебя оскорбили в ситуации замкнутого коллектива, допускающего физическое насилие, — тюрьма, школа, замкнутое гетто — стоит принимать вызов *всегда*. Цель не в том, чтобы победить, а в том, чтобы нанести противнику хоть какой-то урон, это важно. Иначе ты принимаешь низкий статус, выписанный тебе обидчиком. Если тебе сказали те же обидные слова случайные незнакомцы — их можно пропустить мимо ушей. Можно не пропустить. Приятель называл порог своего реагирования — восемьдесят-девяноста процентов уверенности в победе.

В *достаточно* широком мире оскорбление теряет смысл, это не покушение на статус. Например, если тебя обозвали в интернете, это не значит почти ничего. Главу любого государства там обозвали тысячи раз — и что? Но если тебя обозвали в дворянском собрании, это повод пойти стреляться. Если ты живёшь с мучителем и с ним можно расстаться — стоит расстаться, без конфликтов и ссор. Если нельзя, то можно задуматься, например, как его отравить. В первом случае ненависть будет лишней, она может подсказать плохие решения (например, убийство вместо развода). Во втором случае ненависть может пригодиться, хотя не обязательно.

Схожая модель — касательно плохих начальников и правителей. В широком мире от обоих можно уйти. От начальника — просто. От правителя — посложнее, но тоже можно. В тесном мире такой роскоши нет. От Салтычихи нельзя уволиться, и это причина, по которой ненавидеть не так глупо.

Что мы видим в мире, по крайней мере, последние два-три столетия? С некоторыми допущениями — последние два-три тысячелетия? Мир становится изобильнее в плане ресурса, мягче в плане вражды и шире сам по себе.

Условия, делавшие ненависть эффективной, исчезают. Но они же — условия любви.

По умолчанию считается, что любовь и ненависть — антиподы. Если человек больше склоняется к одному, он якобы *тем самым* меньше склоняется к другому. Если в обществе стало больше любви, в нём стало меньше ненависти, и наоборот. Это простая, очевидная, но скорее всего ошибочная картина.

Любовь и ненависть — это лишь сильные коэффициенты обмена, приближенные к единице. Если социальная норма велит ставить высокие коэффициенты в одном случае («погибай, но товарища выручай»), она же обычно склоняет к высоким коэффициентам и во втором («умру, но врага достану»). Образцовый варвар обычно имеет высокие коэффициенты *по обеим шкалам*. В старых культурах одобряется, если кто-то жертвует собой за своих: родственников, друзей, вождей. Также там принято ненавидеть, жертвуя собой, чтобы нести издержки врагу.

По мере усиления цивилизации слабеет не один, а сразу оба императива. В самых умных и комфортных городах начала двадцать первого века примерно каждая третья семья состоит из одного человека. Под семьёй здесь понимаются не родственные узы (в двадцать первом веке у всех по-прежнему есть родители и даже у многих дети), а «число членов домохозяйства», проще говоря — сколько человек живёт в квартире. Никогда процент одиночек не был так высок. Эти одинокие люди по-прежнему с кем-то общаются, сотрудничают, подчас с кем-то спят. Но ценность контрагентов упала. Это не те, за кого принято нести издержки. Если сильно современный человек попросит друга о крупном одолжении в плане денег, трудозатрат или риска — первой реакцией, вероятно, будет удивление. Тем более размывается концепт «врага». Сильно современный человек не понимает, зачем нести издержки, чтобы кто-то понёс их тоже.

Но если цивилизацию расшатать, начать войну всех со всеми, зажить впроголодь — вероятно, всё вернётся. Снова будет принято делиться последним куском хлеба, последней рубахой, предпоследней почкой. Вернутся враги в старом добром смысле этого слова. Не конкуренты и соперники, а те, кому мы бескорыстно желаем зла, рискуя собой.

Любовь — антикризисная мера. Как и ненависть.

А ещё это экономичный способ, заменяющий расчёт блага. Компьютер, ничего не чувствующий, рано или поздно лучше нас высчитает жизненную модель, ведущую к росту нашего блага. Но человек, не умеющий хорошо считать, анализировать, моделировать — это всё ещё искусства для меньшинства, — тоже должен принимать решения. Эмоции, направленные в социально одобренные формы любви и ненависти, лучше направят его поведение, чем любой расчёт. Хотя бы потому, что к расчёту он не способен.

Нет головы — живи сердцем. Это умнее, чем с нуля отращивать голову.

На всякий случай — ряд оговорок. Специально скажу, чего я не говорил.

Речь не о том, что стало меньше эмоций. Возможно, эмоций стало больше вместе с качеством жизни. Но любовь и ненависть — в данном случае означают не эмоции. Давайте мыслить технично, иначе мыслить не получится. Формально здесь любовь определена как некая математика. Значит, всё. *Здесь* это слово означает только это. Всё богатство русского языка с его коннотатами надо временно отложить; кто будет лишний раз играть в ассоциации, будет мыслить не творчески, а всего лишь грязно.

Речь не о том, что жить стало хуже. О том, что жить стало лучше, сказано прямым текстом. Если что-то сказано прямым текстом, автор именно это и имеет в виду.

Речь не о том, что «добро» куда-то делось. «Любовь», как здесь понимается, не синоним «добра». Фоновой доброжелательности в мире, пожалуй, становится только больше. Вежливости, улыбочивости и прочих крайне нужных вещей. Между спокойным вежливым миром и миром хамства, смешанного с самоотречением, я бы, кстати, выбрал первое.

Речь не о том, что у меня есть эмпирические доказательства. Я же не исследовательский институт (пока, во всяком случае). Чтобы провести опросы, эксперименты, даже найти и обработать готовую статистику, нужны люди, деньги и время — и не отдельно взятый энтузиаст. Если кому-то интересно, дайте ресурс, что-нибудь измерим. Может быть, выяснится, что моя гипотеза — не подтвердилась. Для меня это тоже отличный результат. Опровержение изменит картину мира, а ведь это самое интересное.

Резонно спросить: а что вообще у меня есть? Во-первых, определения, несущие потенциальное измерение. Это технические средства — их можно предложить, принять или не принять, но нельзя опровергнуть. Даже если версия не подтвердится, то каким образом? Тем, что взяли предложенные мной измерительные приборы и они показали не то, что я ожидал. Это проигрыш гипотезы, но победа приборов. «Моя терминология заработала». И это уже немало — даже в том случае, если гипотеза ошибочная.

Авторы

АСТРАХАНЦЕВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

Родился в 1938 году в деревне Белоярка Мошковского района Новосибирской области. Окончил Новосибирский инженерно-строительный институт и Литературный институт имени А. М. Горького. Более 20 лет работал в строительстве в Красноярске. Прошёл путь от мастера до заместителя начальника домостроительного комбината. Очерки, рассказы, повести публиковались в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Сибирские огни», «День и ночь», «Дети Ра» и др., в альманахах «Енисей», «Новый Енисейский литератор». Автор более 10 книг прозы, публицистики, драматургии, изданных в Москве и Красноярске. Отдельные рассказы выходили в сборниках «Лучший рассказ года» (Москва, Новосибирск и др.). Лауреат журнала «Молодая гвардия» (1984) в номинации «Очерк». Член Союза российских писателей. Член редколлегии журнала «День и ночь».

ВАСИЛЬЕВ ГЕННАДИЙ МИХАЙЛОВИЧ

Родился в Томске в 1959 году. Отслужил в армии, потом по комсомольской путёвке оказался на КАТЭКе, в Шарыпово. Учился заочно в Иркутском университете на факультете журналистики. Работал в газетах «Красноярский комсомолец», «Свой голос», «Евразия», «Деловая Сибирь», «Комок», вёл еженедельную программу на красноярской студии «Авторадио», участвовал во всевозможных медиапроектах. Журналист, литератор, бард. Публиковался в журналах «День и ночь», «Байкал», «Енисей», в коллективных сборниках и антологиях. Автор книг стихов «Посвящение друзьям» (1996), «Весенняя песня скворца» (2014), «Акварели» (2019), прозы «Свидетели долго не живут» (2005), «Одноклассники точка» (2018), «Времена жизни» (2019), «Частная коллекция» (стихи, рассказы, пьесы, 2022). Участник Всероссийского совещания молодых литераторов в Ярославле в 1996 году. Член Союза российских писателей.

ГАЙДУК НИКОЛАЙ ВИКТОРОВИЧ

Поэт, писатель, член Союза писателей России. Родился в 1953 году на Алтае. Детство прошло в селе Волчиха. Окончил медицинское училище, Алтайский государственный институт культуры в Барнауле, Высшие литературные курсы в Москве. После армейской службы ушёл в культуру, поступив на отделение театральной режиссуры Алтайского института

культуры. После защиты диплома работал директором Дома культуры, шофёром на трассе Норильск — Дудинка, был заведующим бюро пропаганды художественной литературы Красноярской писательской организации. В 1986 году увидел свет его первый сборник стихов «Калинушка-калина», через два года — первая книга прозы «С любовью и нежностью». За ними последовали романы «Волхитка», «Святая грусть», «Зачем звезда герою», «Всполохи», «Хранитель Вечности», «Легенда о Русском», «Царь-Север», повести. Книги издавались в США, Канаде, Аргентине, Франции, Польше. В России вышло 10-томное собрание сочинений. Министерством образования и науки Красноярского края произведения Николая Гайдюка включены в школьную программу.

ГЕРМАН ИГОРЬ ВИКТОРОВИЧ

Родился 10 августа 1964 года в городе Топки Кемеровской области. В 1985-м окончил Кемеровский государственный институт культуры. Работает актёром в Русском республиканском драматическом театре имени М. Ю. Лермонтова города Абакана, преподавателем актёрского мастерства в Минусинском колледже культуры и искусства, режиссёром «Домашнего театра» краеведческого музея имени Н. М. Мартынова. Рассказы и повести печатались в журналах «Огни Кузбасса», «Дальний Восток», «День и ночь», альманахе «Енисей», пьесы — в журнале «Современная драматургия». Драма «Братья Шуть» переведена на татарский язык и поставлена в Оренбургском татарском театре имени М. Файзи. Мелодрама «Прости меня» имела три постановки: в Башкирском академическом театре имени М. Гафури (пьеса переведена на башкирский язык), в Крымском академическом театре имени М. Горького (Симферополь), в Русском республиканском театре (Абакан). В 2017-м при поддержке Красноярского представительства Союза российских писателей издал сборник рассказов и повестей «Премьера». В 2021-м выпустил прозаический сборник «Театральная баллада». С 2011 года состоит в Российском авторском обществе (РАО). Член Союза российских писателей.

ГУЛЯЕВА ОЛЬГА

Родилась в 1972 году в городе Енисейске. Поэт, прозаик, член Союза российских писателей, член Русского ПЕН-центра. Директор Красноярского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Литературное сообщество писателей России». Стихи и проза публиковались в нескольких коллективных литературных сборниках, в журналах «Юность», «Дружба народов», «Знамя», «Формаслов» (Москва), «Российский колокол» (Москва), «Тропы» (Санкт-Петербург), «Южная звезда» (Ставрополь), «После 12» (Кемерово), «Плавучий мост» (Фульда, Германия), «День и ночь», «Енисей», «Образ» (Кемерово), «Складчина» (Омск), «Витражи» (Мельбурн, Австралия), «Между» (Новосибирск), «Иркутское время» (Иркутск), «Паровоз» (Москва). Автор

книг «Савелий Свинкин, коты и люди», «Не Париж», «Я, красивая птица. Паспорт животворящий», «Бабыя песня», «Лето Господне», «Девочки», «Картина мира», «Курлы-мурлы», «Ледостав». Живёт и работает в Красноярске.

Ерёмин Николай Николаевич

Родился 26 июля 1943 года в городе Свободном Амурской области. Окончил медицинский институт в Красноярске и Литературный институт имени А. М. Горького в Москве. Член СП СССР с 1981 года, Союза российских писателей с 1991 года и Русского ПЕН-центра Международного ПЕН-клуба. Кавалер золотой медали «Василий Шукшин». Автор книг прозы «Мифы про Абаканск», «Компромат», «Харакири», «Наука выживания», «Комната счастья», «Волшебный котелок», «Чучело человека». Выпустил в свет собрание сочинений в 6 томах, трёхтомник стихотворений «Небо в алмазах». Николай Ерёмин является автором-составителем проекта «Миражисты», под грифом которого издал альманахи «Пощёчина общественной безвкусице», «5-й угол 4-го измерения», «ЕБЖ — Если Буду Жив», «Сибирская ссылка», «Кастрюля и звезда, или Амфора нового смысла» и др. Он — лауреат премий «Хинган» и «Нефритовый Будда». Победитель конкурса «День поэзии Литературного института — 2011» в номинации «Классическая лира». Дипломант конкурса «Песенное слово» имени Н. А. Некрасова. Награждён почётной грамотой Министерства культуры РФ.

КАЛЕМЕНЕВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА

Родилась в 1952 году в городе Чирчик Узбекской ССР. В 1977 году окончила Казанский государственный университет (филфак, отделение журналистики). Работала в многотиражке «За регулярный рейс» (Казань), газете «Ангренская правда» (Узбекистан), в течение 10 лет была редактором многотиражной газеты «Строитель» треста «Узбекшхастстрой». Публиковалась в «Правде Востока», «Строительной газете», «Российской газете». С 1993 года проживает в Минусинске. Работала в газетах «Надежда», «Хакасия». Постоянно принимает участие в Мартыановских и Суриковских чтениях.

КНЯЗЕВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

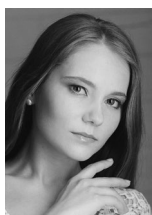
Родился в 1959 году в селе Шарчино Алтайского края. Живёт в городе Подольске Московской области. Является художественным руководителем «Новой студии кинодебютов» в городе Москве. Член Союза кинематографистов России. Среднюю школу окончил в городе Железногорске. После окончания Ленинградского института киноинженеров работал в Красноярском управлении кинофикации, в кинотеатре «Космос», режиссёром любительской киностудии «Романтика» в Железногорске, супермехаником на Красноярской киностудии, затем учился во ВГИКе, работал

кинорежиссёром на разных киностудиях России. Стихи начал публиковать с 1980 года — в газетах «Красный треугольник» (Ленинград), «Красноярский комсомолец», «Красноярский рабочий», «Литературная Россия», «Литературная газета», в альманахах «Енисей», «Истоки», «День поэзии XXI век», в журналах «Юность», «Тропы», «День и ночь», «Красноярский литератор», в коллективных сборниках «Живая листва» (составитель Николай Ерёмин, 1984), «Приют неизвестных поэтов (Дикороссы)». Автор малых самиздатовских сборников 80-х годов 20 века (Красноярск), сборника избранных стихотворений «Давний дневник» (Красноярск, 1991). Участник VIII Всесоюзного совещания молодых писателей (1984).

КОЗЛОВСКИЙ АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ

Родился в 1947 году в Минусинске, где и окончил школу. Окончив географический факультет КГПИ в Красноярске, много лет проработал в Новотроицкой школе Бейского района Республики Хакасия. Первая подборка стихов, «Рыжий календарь», появилась с лёгкой руки Романа Солнцева в газете «Красноярский комсомолец» в 1970 году. Печатался в журналах «Смена», «Молодая гвардия», «Наш современник», «День и ночь», «Сибирские огни» и других изданиях. Автор 19 книг стихов и прозы. А первая книга стихов «Дни осени» вышла в 1977 году по итогам 6-го Всесоюзного совещания молодых литераторов в Москве, проходившего в 1975 году, где он представлял вместе с Евгением Поповым и Огдо Аксёновой Красноярский край и был отмечен в числе лучших среди начинающих поэтов. По итогам Всесоюзного совещания в Горно-Алтайске в 1994 году был принят в Союз писателей России. Участник 3-го съезда писателей Сибири в Новосибирске в 1999 году. В октябре 2012 года от Московской городской организации СП России получил литературную премию с вручением медали А.П. Чехова «За верное служение отечественной литературе». Заслуженный учитель РСФСР. Лауреат премии имени М.Р. Баинова за 2018 год. Награждён почётной грамотой Председателя Правительства Республики Хакасия Коновалова В. О. в 2019 году.

МАЛИНОВСКАЯ ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА

Родилась в Красноярске 20 февраля 1990 года. Поэт, писатель, по профессии — учитель русского языка и литературы. Куратор литературных мероприятий города Красноярска и Красноярского края. Председатель Красноярского регионального представительства Союза российских писателей. Стипендиат государственной стипендии Министерства культуры Российской Федерации. Лауреат премии Главы города Красноярска молодым талантам в номинации «Культура». Участник 20-го Международного форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья, фестивалей «Волошинский сентябрь», «Петербургские мосты», «Балтийское кольцо» и др. Финалист литературной премии «Лицей». Финалист Всероссийского поэтического слэма. Автор поэтических

книг «Юник», «Полая структура». Стихи переводились на испанский язык, публиковались в журналах «Эмигрантская лира», «Юность», «Паровозъ», «Формаслов», «Образ», «Енисей», «Revista Kametsa» (Перу) и других.

МАМАЕВА АЛЬБИНА РОМАНОВНА

Родилась на Ангаре, в деревне Дворец Кежемского района Красноярского края. Долгое время работала в Туруханске. Публикации в журнале «День и ночь», альманахе «Енисей».

МЕЛЬНИЧЕНКО МИХАИЛ ИВАНОВИЧ

Родился 28 февраля 1953 года в посёлке Усть-Мая Якутской АССР. Десятилетку окончил в селе Шеломки Красноярского края, затем — Красноярский политехнический институт. Участник нескольких краевых семинаров и IX Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве (1989). Автор сборников «Фанера-2» и «Фанера-3» (Красноярск-26, 1991), «Фанера-5» (Красноярск, 2001), «Кирпичи» (2008), «Провода» (2012), «От Змеи до Змеи» (2013). Участник многих коллективных сборников и антологий. Член Союза российских писателей. Живёт в Железногорске.

НЕМЕЖИКОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА

Родилась в 1965 году в Красноярске. Окончила с отличием два факультета в КИЦМ (ныне ИЦМиМ СФУ) по специальностям «горный инженер-геолог» (ленинская стипендиатка, 1987), «экономист» (1993). В 2019 году стала лауреатом краевого литературного конкурса имени И. Д. Рождественского в трёх номинациях: I степень — «Драматургия», II степень — «Поэзия», III степень — «Произведения для детей». Публикации: альманах «Енисей», журнал «День и ночь». Живёт в Красноярске.

НЕСКОРОМНЫХ ВЯЧЕСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился в 1958 году. Профессор Сибирского федерального университета, доктор технических наук, заведующий кафедрой, ведущий специалист в области технологии и техники геологоразведки. Автор художественных и публицистических работ, очерков, рассказов и книг «А путь и далёк, и долог...», романов «Сны командора», «Завет Адмирала», «Алмазные грани», сборника «У студёной реки». Лауреат литературных конкурсов «Голос Севера», «Русский Гофман», «Триумф короткого сюжета», «Лебеди над челнами», «Петроглиф» и др. Публиковался в альманахах, журналах «Балтика», «День и ночь», «Сибирский форум. Интеллектуальный диалог», «Новая университетская жизнь», «Журнальный мир» и др.

ПАВЛОВСКАЯ АННА СЛАВОМИРОВНА

Родилась в 1977 году в Минске. Публиковалась в журналах «Дружба народов», «Сибирские огни», «Новый мир»,

«Крещатик» и др., в ряде антологий. Автор книг «Павел и Анна» (2002), «Торна Сорренто» (2008), «Станция Марс» (2018). Лауреат литературных премий. Живёт в Домодедове.

ПАНОВА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА

Родилась 31 августа 1971 года. Окончила Ванаварскую среднюю школу, в 1993 году — Красноярский педагогический институт (факультет физкультуры и спорта). Победитель спартакиады по зимним видам спорта среди городов и посёлков Севера. Призёр кубка СССР по спортивному ориентированию (1990). Член Союза писателей России с 2016 года. Семь поэтических сборников, больше тридцати публикаций. Книги: «Дальний берег мечты» (2010), «Ключи от неба» (2012), «Остановись, мгновенье» (2014), «Не с первого взгляда» (2015).

СИЛАЕВ АЛЕКСАНДР

Родился в 1978 году в Красноярске. С 17 лет работал журналистом. Преподавал философию в университете. Занимался алготрейдингом. Вёл блоги. Писал прозу, последнее время автор нон-фикшн. Недавние книги: «Деньги без дураков» (2019, издательство «Альпина Паблишер»), «Философия без дураков» и «Этика без дураков» (обе — 2020, издательство «Эксмо»). Представленный в альманахе текст — пара глав из «Этики», рассуждения про любовь и ненависть на стыке философии, психологии и социологии, плюс немного математики, как ни странно. Это по содержанию, а по форме, можно сказать, обособленное эссе.

ТАРКОВСКИЙ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Русский поэт, прозаик, член СП России, член Союза кинематографистов РФ. Родился в 1958 году в Москве. Окончил Московский педагогический институт имени В. И. Ленина по специальности «География/биология». В 1981 году уехал в Туруханский район Красноярского края, где почти сразу же начал писать стихи, работал сначала полевым зоологом на биологической станции, затем охотником в селе Бахта. Лауреат многих литературных премий — в частности, Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», Антона Дельвига, В. М. Шукшина и Патриаршей премии по литературе (2019). Дважды дипломант славянского форума «Золотой Витязь». Автор книг «Стихотворения», «За пять лет до счастья», «Замороженное время», «Енисей, отпусти!», «Тойота Креста», «Избранное», «Вековечно», «Сказка о Коте и Саше», «Полёт совы», «Что скажет Солнышко?», «Не в своей шкуре», «Промысловые были», «Поход», «Три урока», «Живая верста». Главный редактор альманаха «Енисей». Президент Фонда В. П. Астафьева. Живёт в селе Бахта Туруханского района Красноярского края и в Красноярске.

Юрлов Николай Алексеевич

Родился в 1954 году в селе Возгалы Кировской области. Окончил факультет журналистики УрГУ имени А. М. Горького (Екатеринбург). Работал в областных и краевых изданиях Самарканда, Томска, Красноярска, собственным корреспондентом газеты «Гудок» в Красноярске. Лауреат конкурса «Журналистская Россия-2009», победитель и лауреат IX межрегионального конкурса журналистского мастерства «Сибирь — территория надежд» (2010) в номинациях «Территория интеллекта» и «Добро пожаловать в Сибирь!». Публикации в «Литературной газете», «Литературной России», журналах «Молодая гвардия», «Мир Севера», альманахе «Новый Енисейский литератор». Автор портала «Российский писатель» и сетевого журнала «Парус» (Москва), редактор отдела очерка и публицистики альманаха «Новый Енисейский литератор». Автор книг «По Сибири с государевой оказией» (2002), «Шёл к Тунгуске звездолёт», «Звёздная миссия в прошлое» (2008), «По шпалам из века в век» (2011), «Зеркало антиквара» (2012). Научно-популярное издание «100 лет неизвестности» (2018) стало «Книгой года» по версии Красноярской краевой универсальной научной библиотеки имени В. И. Ленина.

